

Греческий империализм

Уильям Скотт Фергюсон

The Project Gutenberg eBook of Greek Imperialism.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или онлайн на www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Греческий империализм

Автор: Уильям Скотт Фергюсон

Дата выхода: 19 октября 2020 [eBook #63503]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тургутом Динчером, Грэмом Макретом и Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ГРЕЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ***

Электронный текст подготовлен Тургутом Динчером, Грэмом Макретом и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/greekimperialism00ferg>

GREEK IMPERIALISM

BY

WILLIAM SCOTT FERGUSON

PROFESSOR OF ANCIENT HISTORY
HARVARD UNIVERSITY

BOSTON AND NEW YORK
HOUGHTON MIFFLIN COMPANY
The Riverside Press Cambridge

ГРЕЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

УИЛЬЯМ СКОТТ ФЕРГЮСОН

ПРОФЕССОР ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ГАРВАРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК

КОМПАНИЯ ХАУТОН МИФФЛИН

Риверсайд Пресс Кембридж

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1913 ГОД, УИЛЬЯМ СКОТТ ФЕРГЮСОН

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

Опубликовано в сентябре 1913 года

МОЕЙ МАТЬЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга содержит семь лекций, шесть из которых были прочитаны в Институте Лоуэлла в Бостоне в феврале 1913 года. В первой из них набросаны основные линии имперского развития Греции. В остальных я попытался охарактеризовать, скорее с точки зрения ясности, чем новизны или полноты, основные имперские ростки, возникшие в Греции во время превращения городов-государств из конечных в составные политические единицы. Я надеюсь, что эти рассуждения о теории и практике правления в империях Афин, Спарты, Александра, Птолемеев, Селевкидов и Антигонидов будут полезны широкому читателю, и особенно студентам, изучающим политику и историю. Однако я хочу донести до читателя мысль о том, что в течение всего периода существовала непрерывность конституционного развития. Город-государство, действительно, достиг своей наибольшей эффективности во времена Перикла, но федерация городов-государств продолжала совершенствоваться и двести лет спустя. В государственном управлении, как и в науке, классический период был лишь юным расцветом Греции, в то время как ее энергичная зрелость, в которой она была уничтожена Римом, наступила в македонское время.

Вкратце мой тезис таков: Города-государства Греции были одноклеточными организмами с удивительными внутренностями, и они были неспособны к росту, кроме как путем деления. Они могли бесконечно воспроизводить себе подобных, но клетки, новые и старые, не могли объединиться в сильную нацию. Так случилось, что после того, как Афины и Спарта тщетно пытались превратить свои гегемонии над Грецией в империи, в Элладе возникло раковое заболевание, от которого надлежащим средством было не изменение внутренней конституции городов-государств, как учили Платон и Аристотель, а изменение структуры их клеточных стенок, чтобы они могли прочно прилегать друг к другу. С консерватизмом, полностью соответствующим позднему характеру греческого народа, греки боролись с этими неизбежными и полезными переменами. Но в конце концов им пришлось уступить, сохранив, однако, то, что они могли, из своей городской обособленности, создав квази-территориальные государства с помощью федеральной системы и обожествления правителей. Таким образом, эти два способа были конкурирующими решениями одной и той же большой политической проблемы. Ничто так ясно не показывает ограниченность греческой политической теории, как то, что она не принимает во внимание ни их, ни их предшественников.

Кембридж, Массачусетс, июнь 1913 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I.	ИМПЕРИАЛИЗМ И ГОРОД-ГОСУДАРСТВО	
I.	ОПРЕДЕЛЕНИЯ	1-5
	1. Империя, 1.	
	2. Император, 3.	
	3. Империализм, 4.	
II.	ГОРОД-ГОСУДАРСТВО	6-19
	1. Его происхождение, 6.	
	2. Его характеристики, 9.	
	а. Слияние сельскохозяйственного, торгового, промышленного и коммерческого классов, 9.	
	б. Теория общего происхождения граждан, 13.	
	с. Так называемое поклонение мертвым, 14.	
	д. Воспитательная сила законов, 16.	
	е. Муниципалитет и нация в одном лице, 17.	
III.	СРЕДСТВА ЗАТУШЕВЫВАНИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА	19-25
	1. Симмахия - основа Пелопоннесской лиги, 20.	
	а. Поддержка олигархий, 21.	
	2. Застой, или гражданская война, 22.	
	3. Симмахия как основа Афинской империи, 23.	
	а. Поддержка демократий, 23.	
	б. Поддержание союза, 24.	
IV.	КРАХ ГЕГЕМОНИЙ	25-30
	1. Идея пропорционального представительства, 27.	
V.	СПОСОБЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИМПЕРИАЛИЗМА	30-34
	1. Предоставление политики, или гражданства, 30.	
	2. Предоставление изополитии, или взаимности гражданства, 31.	
	3. Предоставление симполии, или совместного гражданства, 32.	
VI.	СПОСОБЫ ОПРАВДАНИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА	34-37
	1. Обожествление королей, 35.	
II.	АФИНЫ: ИМПЕРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ	
I.	ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	38-41
	1. Фемистокл, 39.	
	2. Перикл, 41.	
II.	РАЗМЕРЫ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АФИН И ИХ ИМПЕРИИ	42-43
III.	ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОРАТОРИЯ: ИДЕАЛЫ ПЕРИКЛОВСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	43-48
IV.	ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ	49-65
	1. Экклесия и гелиэя; их совместная деятельность, 49.	

2. Совет 500 и комитеты магистратов, 51.
 - a. Десять пританий, 52.
 - b. Выборы по жребию; годовой срок полномочий; ротация, 52, 53, 55.
3. Экклесия - собрание высококлассных любителей, 57.
 - a. Использование ею экспертов, 58.
 - b. Выбор лидера: остракизм, 60.
4. Экономическая основа демократии, 61.
 - a. Место рабства: просто форма капитала, 61.
 - b. Цель компенсаций: политическое равенство, 64.

V. ИМПЕРИЯ

65-78

1. Преимущества морского могущества, 66.
2. Требования к флоту, 68.
3. Жалобы на Афины, 70.
 - a. Злоупотребление деньгами от дани, 71.
 - b. Злоупотребление судебной властью, 72.
 - c. Захват земли на подвластной территории, 73.
 - d. Истребление лучших, 74.
4. Разрушение империи, 75.

III. ОТ СПАРТЫ ДО АРИСТОТЕЛЯ

I. СПАРТА В ИСТОРИИ

79-97

1. Крушение ранней спартанской культуры, 81.
2. Военная жизнь спартанцев, 84.
3. Эффект кольцевой стены Перизка, 85, 88.
 - a. Пелопоннесская лига: 550-370 гг. ДО Н.Э., 88.
 - b. Эллинская лига: 405-395 гг. ДО Н.Э., 89.
4. Бессмысленность спартанской гегемонии, 90-95 гг.
 - a. Цинадон, 91.
5. Эпоха реакции, 96, 97.
 - a. Городской партикуляризм, 96.
 - b. Родовая конституция, 96.

II. СПАРТА И АФИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

97-114

1. Платон, 99-107.
 - a. Пренебрежение историей, 99.
 - b. Ненависть Платона к демократии, 102.
 - c. Его идеализация Спарты, 107.
2. Аристотель, 107-114.
 - a. Отношение к истории, 108.
 - b. Ненависть Аристотеля к империализму, 110, 113.
 - c. Сравнение его "Политики" с "Князем" Макиавелли, 111.

d. Неспособность Аристотеля позволить "силе" действовать в международной политике, 114.

IV. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И МИРОВАЯ МОНАРХИЯ

I. ИДЕИ, ПОЛУЧЕННЫЕ АЛЕКСАНДРОМ ОТ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЯ 116-123

a. Александр и Филипп, 116.

b. Александр и Аристотель, 119, 135, 147.

II. ДЕЙСТВИЯ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР РАСКРЫЛ СВОЮ ПОЛИТИКУ 123-148

1. Разрушение Фив, 123.

2. Посещение Трои, 124.

3. Гордиев узел, 125.

4. Посещение оазиса Сива, 126, 139.

5. Сожжение дворца персидских царей, 129.

6. Вывод греческих контингентов, 130.

7. Проскинез, 131.

8. Великий брак в Сузах, 136.

9. Проскинез городов-государств, 147.

V. ДИНАСТИЯ ПТОЛЕМЕЕВ

I. ИСТОРИЯ ПТОЛЕМЕЕВ 149-160

1. Третий период истории Птолемеев: 80-30 гг. до н. э., 151 год.

a. Птолемей Трубач, 152.

b. Клеопатра Великая, 152.

2. Первый период истории Птолемеев: 323-203 гг. до н. э., 155.

a. Птолемей I Сотер: 323-283 гг. до н. э., 150, 155.

b. Птолемей II. Филадельф: 285-246 гг. до н. э., 156.

c. Птолемей III. Эвргет: 246-222 гг. до н. э., 159, 179.

d. Птолемей IV. Филопатор: 222-203 гг. до н. э., 160, 179.

II. ИМПЕРИЯ ПТОЛЕМЕЕВ 160-182

1. Основания имперской политики ранних Птолемеев, 160.

a. Гордость владения, 160.

b. Победа над врагами, 161.

c. Коммерческие преимущества, 161.

d. Внутренняя политика, 162.

2. Тройственная теория государства Птолемеев, 162.

a. Для египтян, 162.

b. Для греческих городов-государств, 163.

c. Для македонцев, 166.

3. Армия Птолемеев, 167.
 - a. Происхождение, 168.
 - b. Распространение в Египте, 172.
 - c. Влияние на туземцев, 176.
 - d. Становится неподвижным, 242-222 гг. до н. э., 179.
 - e. Открыт для египтян, 180.
4. Второй или внутренний период истории Птолемеев, 200-80 гг. до н.э., 180.
 - a. Поглощение греческого языка местным населением, 181.

VI. ИМПЕРИЯ СЕЛЕВКИДОВ

I. ИСТОРИЯ СЕЛЕВКИДОВ

183-
194

1. Антигон Одноглазый, создатель царства, 183 г.
2. Полтора века прогресса, 184-190.
 - a. Селевк I: 312-281 гг. до н. э., 184.
 - b. Антиох I, Сотер: 281-262 гг. до н. э., 185.
 - c. Антиох II, Теос: 262-246 ГГ. ДО Н. Э., 185.
 - d. Селевк II, Каллиник: 246-226 гг. до н. э., 186.
 - e. Селевк III, Сотер: 226-223 гг. до н. э., 186.
 - f. Антиох III, Великий: 223-187 гг. до н. э., 187.
 - g. Селевк IV: 187-175 гг. до н. э., 188
 - h. Антиох IV, Богоявленный: 175-164 ГГ. ДО Н. Э., 190, 213.
3. Век упадка: 164-163 гг. до н. э., 190.
4. Внешние агенты разрушения, 190.
 - a. Рим разоружает Селевкидов, подстрекает к восстанию и поддерживает династическую борьбу, 190.
 - b. Индоскифы (Юэ Тчи) занимают Восточный Иран, 192.
5. Внутренние органы: восстание евреев, парфян, армян, 191, 192.

II. ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ СЕЛЕВКИДОВ

195-
214

1. Селевк I, наследник идей Александра, 195.
2. Основание городов-государств, 196.
3. Жреческие общины и феодальные государства, отношение к ним, 197.
4. Королевские деревни, как управляются, 203, 205.
5. Земля - собственность короля или города-государства, 204.
6. Города-государства, насколько они эллинизировали Азию, 206.
7. Отношения царя к городам-государствам, 208.
8. Сравнение Сирии и Италии, 210.
9. Политика Антиоха IV: конфликт с иудеями; подчинение Риму, 212.

VII. ИМПЕРИЯ АНТИГОНИДОВ

I. ОТНОШЕНИЕ МАКЕДОНИИ К ГЕЛЛАСЕ

215

II. ВКЛАД МАКЕДОНИИ В РАЗВИТИЕ РИМА	215- 216
1. Война, 215 .	
2. Правительство - конституционная, а не абсолютная монархия, 216 .	
3. Культура, 216 .	
III. МАКЕДОНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ РИМУ	217- 218
IV. РАННЯЯ ИСТОРИЯ АНТИГОНИДОВ	218- 222
1. Антигон I - выразитель единства в геракско-македонском мире, 218 .	
2. Деметрий Полиоркет - авантюрист, 219 .	
3. Антигон и Деметрий не совсем цари Македонии, 220 .	
V. АНТИГОН ГОНАТАС	222- 234
1. Обучение, полученное в Греции и Македонии, 222 .	
2. Мир с Азией и Египтом, 223 .	
3. Защита Греции от северных варваров, 224 .	
а. Нашествие Пирра, 223 .	
4. Управляет Грецией с помощью "тираний", 224 .	
5. Стоическое оправдание "тирании", 225 .	
6. Птолемей Филадельф противостоит Антигону в Греции, 226 .	
7. Возвышение <i>этны</i> , 228 .	
8. Борьба с Египтом за морское могущество, 229 .	
а. Аратус захватывает Сикион: Александр восстает, 230 .	
b. Лаодикийская война спасает Антигона, 231 .	
c. Владения Антигона в конце борьбы, 233 .	
VI. ПОЛОЖЕНИЕ АХЕИ, ЕТОЛИИ И ЕГИПТА В КОНЦЕ БОРЬБЫ	234
VII. ФЕДЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ	235- 240
1. <i>Этне</i> становятся лигами, 236 .	
2. Город-государство - федеральная единица, 237 .	
3. Лиге не хватает <i>гегемона</i> , 238 .	
4. Монархические черты, 239 .	
5. Отношение федеральных властей к местным, 239 .	
VIII. ДЕМЕТРИЙ II	240- 241
1. Война с ахейцами и этолийцами, 241 .	
IX. ПАДЕНИЕ АХЕЙСКОЙ ЛИГИ	241- 242
1. Вероломство этолийцев, 241 .	
2. Отступление Египта, 242 .	

3. Политика Антигона Досона, 242 .	
4. Клеомен из Спарты, 242 .	
X. ЭЛЛИНСКАЯ ЛИГА АНТИГОНА ДОСОНА	242- 245
1. Лиги, а не города, как единицы, 243 .	
2. Македон как единица, 243 .	
3. Собрания лиг признаны суверенными властями, 244 .	
4. Военная слабость, 244 .	
XI. ФИЛИПП IV И ЛИГА	245- 248
1. Социальная война, 246 .	
2. Римская опасность: речь Агелая из Наупакта, 246 .	
3. Конец эллинской независимости, 248 .	

ГРЕЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

I

ИМПЕРИАЛИЗМ И ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

В этой вступительной главе я хочу дать определение некоторым терминам, которые мне придется неоднократно использовать в книге; несколько подробнее рассмотреть характер греческих государств, политической целостности которых угрожал империализм; проследить развитие империализма до его кульминации в божественной монархии Александра Македонского и его преемников; и в то же время создать общую политическую обстановку для тем, которые будут обсуждаться в шести последующих главах.

Империя - это государство, образованное властью одного государства над другими государствами. При этом не имеет значения, какую форму правления предпочитает правящий народ. Власть в нем может осуществляться монархией, олигархией или большинством без существенного изменения отношения суверена к своим зависимым территориям. Тем более не имеет значения, кто управляет подвластным народом - один, немногие или многие; ведь в зависимых государствах могут существовать и существовали все виды правительств.

Естественно, империя совместима с любым видом административной службы как среди правителей, так и среди управляемых. Сюзерен может заниматься своими делами с помощью профессиональных и специально обученных чиновников, как в бюрократии; вассал может поручать детали своих государственных дел сменяющим друг друга фракциям

своих граждан, как в некоторых республиках: имперские отношения не устанавливаются, если речь не идет об отдельных государствах или частях государств. Но когда они связаны в единое целое как вышестоящие и нижестоящие, сразу же возникает империя.

Отношение неполноценности и превосходства, однако, необходимо для любой империи. В современную эпоху это признается с предельной откровенностью. Опираясь на более высокую способность к управлению, на которую претендуют христианские народы, западные культуры или англосаксы, в зависимости от обстоятельств, современная гордость, жадность или совесть обосновывает свое право на контроль над низшими расами. "Возьмите бремя белого человека" - вот современная замена древней заповеди: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари". Обладание лучшими правилами общественной жизни налагает - это подтверждается - миссионерские обязательства, не менее весомые, чем обладание особым правилом вечной жизни.

Менее раздражающим, пожалуй, чем это допущение морального и политического превосходства, является откровенное исповедание права более сильного. Право завоевания дает титул, который действителен в международном праве, когда отсутствуют все другие права. Когда превосходство, согласно , отсутствует, продуктом является федерация или нечто подобное, от названия империи воздерживаются. Когда со временем превосходство исчезает, пока общее право в конце концов не охватывает и подданного, и суверена, возникает новое государство, к которому, как в случае с современным британским миром, название империя применяется с некоторой неуместностью.

Однако существует еще один вид империи. В ней верховная власть принадлежит не народу, а отдельному человеку. Его называют императором, а его семью - династией. Его власть даруется, как сказал нынешний германский император в Кенигсберге в 1910 году, не "парламентами, собраниями и решениями народов, а только милостью Божьей". Он является "избранным орудием Неба", если говорить столь же высокопарно, и "идет своим путем, не считаясь с мнениями и взглядами дня". Император, определенный таким образом, вообще не является частью своего государства. Он стоит вне его, он равен ему или превосходит его. Он сам себе государство; и его юрисдикция не внутренняя, а имперская, поскольку он осуществляет господство над другим государством. Однако *L'état c'est moi* - это несовершенное определение такого рода империи, поскольку оно предполагает отсутствие политической организации и активности среди подданных императора. Оно предполагает неизменность условия абсолютной капитуляции (*deditio*), которая у римлян предшествовала реставрации - восстановлению гражданских прав в расширенном государстве. В реальном опыте, более того, полной автократии никогда не существует. Воля каждого императора связана с законодательством, которое он сам принял или принял вместе с тронотом от своего предшественника. Если он не несет ответственности ни перед кем другим, то он несет ответственность перед своим собственным прошлым. Он может отозвать свои указы, но не может безнаказанно их нарушить.

Политику, с помощью которой народ или самодержец приобретает и удерживает империю, мы называем империализмом. Этот термин, конечно же, является наследием Рима - немое свидетельство особой важности Римской империи в истории государственного строительства. И, полагая, именно о политике Рима мы инстинктивно вспоминаем, когда говорим об империализме. Это отнюдь не случайность. Ведь не только тип, но и многие из наиболее примечательных разновидностей этой политики можно найти в опыте римлян, а

ход политического прогресса был таков, что в триумфе Рима империализм достиг своего логического завершения более близко, чем до или после него в мировой истории.

Ведь логическим итогом основательной имперской политики - той, в которой наличие физических способностей может быть предположено, - является создание вселенской империи. И, по сути, два самых могущественных и ярых империалиста древности, Александр Македонский и Юлий Цезарь, стремились включить в свои владения весь обитаемый мир. Однако этот вопрос никогда не был так близок к решению, как в долгий период до и после христианской эпохи, в течение которого только переменчивые кочевники и несговорчивые парфяне успешно оспаривали волю римского сената и приказы римских императоров. В течение пятисот лет после триумфа Константина универсальность Римской империи была столь же обязательной в мышлении людей, как и кафоличность христианской церкви. "В наши дни в мире существует множество империй, - говорит профессор Бьюри[1], объясняя коронацию Карла Великого в 800 году н. э., - но в те дни люди могли представить себе только одну - Римскую империю, простую и неделимую; две Римские империи были немыслимы. Императоров могло быть больше, чем один; но эти другие могли быть легитимными и конституционными только в том случае, если они находились с ним в коллегиальных отношениях". О том, насколько основательно римляне вложили в термин "империя" понятие универсальности, можно судить по тому факту, что, несмотря на все реалии, франкские монархи в Ахене и греческие короли в Константинополе управляли как коллеги Римской империей, простиравшейся от границ Армении до берегов Атлантики.

Как бы ни были велики имперские достижения римлян и как бы ни была непревзойденна их политическая смекалка, с которой они укрепили свою власть и сделали ее прочной, все же следует признать, что в войне, дипломатии и управлении они были наследниками греков, своих предшественников. Они действовали с большей силой и с большими подразделениями, чем спартанцы и афиняне. Им помогли блестящие изобретения и дорогостоящие ошибки македонцев, чьи царства они разрушили. Но их успех просто привел к кульминации имперского движения, в котором Спарта, Афины и Македония были достойными соратниками. Наша задача в этой серии эссе - поочередно рассмотреть имперские эксперименты, благодаря которым греки не только завоевали поле для проявления своих талантов, но и подготовили почву для объединения античного мира в Римскую империю.

Минуту назад я уже упоминал о малочисленности тех единиц, с которыми приходилось иметь дело имперской политике Спарты и Афин. Прежде чем перейти во второй части этой главы к прослеживанию развития форм, с помощью которых империализм затухал, уклонялся и в конечном итоге оправдывался в Греции, я хотел бы попытаться прояснить те качества, которые делали маленькие эллинские общины столь трудными для имперского пищеварения. В классической Греции, как и в Италии эпохи Возрождения, город был государством. Так было не всегда, ведь в прошлом земля находилась во владении рудиментарных народов, называемых *этнами*. Но в классическую эпоху эти рыхлые организмы сохранились лишь в некоторых отсталых регионах на западе и севере. В других местах города-государства появились уже в шестом веке до нашей эры.

Обстоятельства, при которых возникли эти города-государства, окутаны тайной, которая окружает большинство истоков. Они, соответственно, представляют все лучшие возможности для построения теории; и, возможно, теория, которая когда-то была самой популярной, - это теория, изложенная Фюстелем де Куланжем в его блестящей книге

"Древний город". Однако из ее основных положений - о том, что каждый город-государство возник в один момент; что это искусственная структура, намеренно смоделированная на основе существовавшей ранее семьи; что семья была религиозным объединением, созданным и организованным для поклонения предкам; что духи предков были первыми богами или, более того, вообще были богами, - ни одно не выдержало испытания тщательным исследованием. Напротив, кажется установленным, что город-государство был результатом естественного роста, и что происшествия, которые сопровождали его развитие, хотя и разнообразные и многочисленные, все были проявлениями политического прогресса. Рост в направлении большого количества отдельных государств был естественным в Греции в связи с хорошо известными физическими особенностями страны; но изучение географии не объясняет, почему эти государства были городами. Для истинного объяснения этого явления мы не должны ограничивать наши наблюдения Грецией. В общем и целом, высокая культура повсеместно воспитывается в городах, и города всегда были лидерами в политическом развитии. Так было и в Вавилонии, хотя в городских центрах с самого начала доминировали семитские племена из пустыни. Свободные города, такие как Тир и Сидон, были главными источниками финикийской предприимчивости. Домом римского права и управления был город, и когда Италия во второй раз возглавила мир, она представляла собой комплекс городов-государств. Ганзейские города и фламандские коммуны, чартистские города Англии и Франции обрели политическую свободу или политические права задолго до остальной Центральной Европы. Там, где города не были матерью, а территориальные государства - лишь приемной матерью свободы и культуры, существовали исключительные условия - например, необходимость регулирования разлива Нила в Египте, модель и влияние Римской империи в магометанской и христианской Европе.

Город позволяет людям легко сотрудничать. В нем быстро распространяются идеи и чувства. Жизнь, собственность и привилегии защищены стенами и, если нужно, уличными баррикадами. "Там два голоса", - писал Вордсворт в 1807 году, его видение было ограничено опасностью для Англии и Швейцарии.

"Один - моря,
Один - горный; каждый - могучий голос:
В обоих из века в век ты ликовал,
Они были избранной музыкой твоей, Свобода".

Голос городской толпы - например, Рима, Александрии, Константинополя, Флоренции или Парижа - был, как правило, громогласным и зачастую жестоким. Но он заставлял трепетать тиранов и ограничивал абсолютизм, когда страх перед покушением был бессилён.

К счастью, не с происхождением, а с характеристиками греческих городов-государств нам приходится иметь дело в основном, когда мы пытаемся раскрыть причины их ненависти ко всем империалистическим проектам. Поэтому давайте попытаемся составить конкретное представление о характерных особенностях сотен маленьких государств, которыми были усеяны прогрессивные районы Греции в начале классического периода, в VI веке до н. э. Ядром каждой политической ячейки был, так сказать, обнесенный стеной город, а ее сутью - небольшой участок зерновых, пастбищ и садовых земель, которыми владели и обрабатывали жители города. Большинство городов были просто ульями фермеров. Будь то помещики, мелкие собственники или крестьяне; как бы ни были они разделены социальными линиями, все они могли встречаться на общей почве одного занятия. И каждый день с марта по

ноябрь, начиная с весенней уборки травы и листвы, сезона сбора зерна, урожая винограда и оливок и заканчивая осенними посадками и посевами, прилив и отлив сельскохозяйственной жизни переносил население города в деревню утром и обратно в город вечером.

В Греции было мало городов, чья земля не соприкасалась с морем, а с моря собирали другой урожай. Конечно, существовало рыболовство, но это было не все. Морская торговля никогда не бывает полностью отсутствующей ни в одной приморской стране. В Греции ей особенно способствовали трудности сухопутного транспорта и совершенство дорог, которые проложило море, разделив страну на мириады островов, верховьев и устьев рек. Поэтому к началу VI века до н. э. на побережье каждого маленького государства, где главный город, как правило, располагался на несколько миль вглубь страны, появлялся второй город. В новом поселении тон задавали моряки и торговцы, в старом центре - землевладельцы и крестьяне. Но помещики часто были купцами, а крестьяне могли легко пристроить рабочие места (*ergasteria*) к своим домам - которые, хотя и находились в городах, на самом деле были фермами - и стать в малой степени производителями; в то время как амбиции торговца или моряка регулярно венчали успешную карьеру покупкой фермы, ранчо или фруктового сада. Таким образом, между городскими и аграрными занятиями и интересами существовала очень тесная связь.

Правда, с захватом греками побережья Средиземного и Черного морей в седьмом веке до нашей эры некоторые греческие города, такие как Милет, Самос, Коринф, Эгина, Халкис и Эретрия, стали городами в современном понимании этого термина, с преобладанием торговых и промышленных интересов. Но и там преимущества городской жизни были доступны как для земледельцев, так и для торговцев, ремесленников и купцов, поскольку все они были жителями города. Разница заключалась лишь в том, что жизнь в этих городах была более насыщенной и разнообразной, чем в других местах.

Контраст между жизнью в городах, с их сложной социальной организацией, театрами, развлечениями, стимулами к усилиям и порокам, нетерпимостью к странностям в манерах и одежде, и жизнью в деревне, с ее простотой, которая так легко перерастает в жестокость, однообразием, фанатизмом в погоне за богатством, презрением к женственности лавочника, набожностью и трезвостью, которые легко сочетаются с желанием увидеть мир и его порочность - этот контраст, который так огорчает современную Америку, почти полностью отсутствовал в классической Греции, по крайней мере, среди бесправной части населения.

Ни один из городов не был настолько велик, чтобы закрывать вид на деревню. Всего через несколько минут ходьбы Сократ и его спутники могли вырваться из шума и суматохи Афин в прохладные и благоухающие рощи пригородов. Оливковые деревья и виноградные лозы не проникали, пожалуй, только в самые крупные греческие города, как они и поздние апельсиновые и лимонные сады проникают в современные греческие деревушки. Даже в Афинах крик петуха был сигналом к побудке почти для всех, и афинянину никогда бы не пришло в голову предложить, как это сделали в Бостоне, что зоопарк должен быть заполнен в первую очередь обычными разновидностями домашних животных. В комедиях Аристофана, по словам одного французского писателя, есть привкус скотного двора. И все же это те самые Афины, в которых только строительными ремеслами занимались, по словам Плутарха, плотники, формовщики, бронзовщики, камнерезы, красильщики, торговцы золотом и слоновой костью, живописцы, вышивальщики, чеканщики, факторы, моряки, лоцманы, колесники, дрессировщики ездовых животных, водители, канатчики, ткачи, сапожники, строители дорог и шахтеры. Это тоже Афины, в которые, как писал один древний

афинянин, из-за их морской империи стекались лучшие вещи Сицилии и Италии, Кипра, Египта и Лидии, Понта и Пелопоннеса, а также многих других мест. Когда в Афинах, самом большом городе греческого мира, земледелец жил бок о бок с торговцем и ремесленником, слияние города и деревни должно было быть еще более полным в сорока трех городах Крита, десяти городах Эвбеи и четырех городах Сеоса - острова шириной всего десять миль и длиной четырнадцать. При этом экономические условия стремились сделать жителей каждого штата однородными до степени, чуждой современному опыту; ибо, как бы быстро он ни приближался, в Америке еще не наступила эпоха, когда "страна должна быть урбанизирована"; когда, говоря словами недавнего эссеиста, [2] фермерство должно стать "по необходимости специализированным отделом городской жизни"; "задача сельскохозяйственного производства должна быть передана классам современной промышленной организации; капиталисту, менеджеру и рабочему"; в которой "должно происходить постоянное перемещение рабочих из бедных классов туда-сюда между городом и деревней", и "различия, подразумеваемые в терминах "горожанин" и "сельский житель", должны быть стерты."

Прав или не прав наш автор в своем прогнозе будущего фермерства в Америке, мы не будем останавливаться на этом. Достаточно указать на то, что ранняя эпоха Греции была именно такой, как он желает; что тогда жизнь была исключительно и единообразно городской: в результате все население любого города-государства можно было рассматривать как просто большую семью. И не только можно, но и фактически так и считалось. Разве все граждане не были потомками общего предка? На этот вопрос аристократы могли ответить отрицательно, памятуя об особом боге или полубоге, потомком которого считал себя каждый дворянин. Но отрицательный ответ, как правило, сопровождался признанием того, что и у него, если он афинянин, есть Зевс и Аполлон - Зевс из родного дома и Аполлон из отечества - в качестве прародителей; что и он, как и все его сограждане, является потомком Иона и приемным ребенком Афины. Боги и богини греков были их создателями в прямом физическом смысле этого слова. Люди проецировали назад, даже в эпоху богов и героев, с которой начался мир, факт отцовства, которому приписывалось все животное происхождение; и поскольку каждый город имел своих полубогов, от которых непосредственно происходили его граждане, все его жители были связаны друг с другом особыми узами крови.

Семейный аспект греческого города подчеркивается тем, что ратуша была городским очагом; что главными подразделениями граждан были братства, и что все постоянные объединения их для общественных целей предполагали происхождение их членов от общих предков, которые, естественно, были богами или полубогами. Когда с помощью пифийской пророчицы пришлось искать героев, которые могли бы стать родоначальниками групп граждан, искусственно объединенных в новые избирательные округа, созданные Клисфеном в Афинах в 508 году до н. э., можно предположить, что народная забота о чистоте рода помогла Периклу принять печально известный закон 451 года до н. э., ограничивающий гражданство в Афинах только теми, кто произошел от законного союза афинских родителей. Каждый город Греции унаследовал от своего далекого племенного прошлого сильное чувство родства своих жителей, по сравнению с которым чувство этнического и расового единства было слабым и водянистым. Разрушить политическую идентичность города было все равно что лишить человека жизни.

Кроме того, оценивая силу местных привязанностей греков и римлян, мы должны учитывать их верования в судьбу умерших. Древний мир, как и современная Япония, был пропитан идеей, что души ушедших предков нуждаются в услугах живых. Без мяса и питья, которые родственники приносили в могилу; без монет или предметов пользы и удовольствия, которые

можно было купить за деньги, которые хоронили вместе с телом; без земляного покрова, который расстилали над мертвым, близкие могли остаться без жизни в подземном мире или лишиться всего, что делало жизнь духа терпимой. "У полевых зверей и воздушных птиц, - горячо восклицал Тиберий Гракх^[3], представляя свои аграрные реформы, - есть свои норы и укрытия, но люди, которые сражаются и умирают за Италию, пользуются лишь благословениями света и воздуха. Наши генералы призывают своих солдат сражаться за могилы и святыни своих предков. Призыв этот пустой и ложный. Вы не можете указать на отцовский алтарь. У вас нет могилы предков. Нет! Вы сражаетесь и умираете, чтобы дать богатство и роскошь другим. Вы называетесь хозяевами мира: но нет ни одного клочка земли, который бы действительно принадлежал вам". Плутарх с оттенком, который показывает, что, несмотря на свою современность, он принадлежит к той цивилизации, о которой он говорит, рассказывает нам, что афиняне перед Саламином были склонны считать победу дорогой, которая была куплена за счет опустошения храмов и гробниц их отцов. Ни один человек, пренебрегший участком, где лежали его мертвые, не мог занимать главные магистратуры в Афинах. Таким образом, земля его родины была в особом смысле священной для гражданина греческого города. Он мог покинуть ее, но не врагу; и если он, подобно Энею, был последним из своей семьи, то должен был унести с собой свои лары и пенаты. В яму, вырытую на новом месте, каждый спутник Ромула, как нам рассказывают в легенде, которая просто переносит в прошлое более позднюю практику, бросал кусочек земли, принесенный со старой родины. Он делал это не просто из чувства, которое побудило шотландскую девушку из известной баллады взять с собой, отправляясь в Америку, не багаж, а дерн с могилы матери. Он сделал это из чувства, которое заставило генерала Ноги на днях позаботиться о духах своих предков, прежде чем покончить с собой. Таким образом, колонист привозил с собой в новый город своих мертвецов. У греков и римлян, соответственно, была особая причина для местного патриотизма. Как и древнееврейские христиане, они "также были окружены столь многочисленным сонмом свидетелей".

Мы примирились с экономикой, рассмотрев вначале влияние рода занятий и места жительства на солидарность интересов и взглядов граждан каждого города-государства. Мы немного остановились на силе, с которой убеждения о происхождении и будущей судьбе городов-государств удерживали их друг от друга. Нам еще предстоит отметить центробежное влияние на греческую расу их городских институтов и политики.

Каждый город в Греции имел свои законы и обычаи. Это были не холодные абстракции, как у нас, а реальные, постоянно действующие, почти живые, личные силы, непрерывно формирующие своих подданных по заданному образцу. Граждане каждого города имели, по сути, общее семейное сходство, обусловленное отпечатком, наложенным на них их социальными и политическими институтами. Таким образом, города приобретали четкую индивидуальность, которую можно было определить не только через рассказ об их истории, но и через физические, интеллектуальные и эмоциональные качества. Мы можем проиллюстрировать этот момент, заметив, что эллины создали один литературный тип, который мы не заимствовали у них: они писали биографии городов, а также людей. Их философы изучали влияние на городской характер климата, преобладающих ветров и занятий, расположения по отношению к солнцу и морю, контактов с иностранцами и других подобных факторов. У них даже были свои особенности, которые они прописывали для лечения физиологических и патологических недугов городов, подобно тому, как наши ученые на гораздо более скудной основе фактов диагностируют болезни и классифицируют добрые и злые качества наций.

Правда в том, что города значили для всех греков то, что (и многое другое) город и нация вместе взятые значат для тех из нас, кто не живет в деревне. Они были источником и объектом одновременно муниципальной и национальной гордости. Проблемы, которые приходилось рассматривать и решать городам-государствам, были не только теми, в которых в наши дни добропорядочным гражданам так трудно развить здоровый интерес. Вопросы полиции, образования, общественных работ, назначений; конфликты расовых, секционных, классовых и религиозных амбиций; соперничество с соседними городами за торговое, политическое и культурное лидерство - трудности такого порядка характерны для всех городов во все времена и во всех местах. Но политика греческих городов была по-своему серьезна. Каждый город должен был определять свою внешнюю политику, обучать и направлять свою армию, оснащать свою церковь святынями и божествами, чествовать своих богов играми и трагедиями. Каждый ход на сложной шахматной доске средиземноморского мира мог иметь для него значение. В один день он может решить, что пришло время захватить пограничные земли, о которых спорят его ближайшие соседи. В другой - заключить союз, который обязывает вести большую войну против страшных шансов. Еще одним предметом голосования могло стать признание нового бога или богини, что, по сути, часто было равносильно новому творению. И при рассмотрении всех этих вопросов граждане просто делали то, что их отцы и предки делали с незапамятных времен. Память о великих деяниях, совершенных в былые времена, хранили памятники из бронзы или мрамора, ежегодно возрождаемые соответствующими церемониями. Легенды и факты, слитые в назидательную традицию, - хранилище тоски и идеалов умерших поколений - вдохновляли живых достойно нести себя во всех национальных кризисах. "Люби землю свою с любовью, принесенной из легендарного прошлого" - в этом наставлении мало нуждались греческие города классической эпохи. Беда в том, что земля, которую они любили, была не всей Грецией, а лишь территорией одного города.

Национальный фанатизм стран современной Европы, вероятно, более терпим к иностранному вмешательству, чем страстный патриотизм маленьких городских образований, с которыми приходилось иметь дело имперской политике Афин и Спарты.

Если бы вы взглянули на карту Греции, на которой были бы обозначены государства, а не бессмысленные этнические или племенные деления людей, вы бы заметили, что Спарта и Афины с самого начала были обречены на величие, если не по чему иному, то по размерам и материальным ресурсам своих территорий. Однако сами они были городами-государствами и не уступали никому по силе убеждения, что нет большего унижения для них, чем подчиниться господству другого города или воле чужеземного владыки. С какой стати, спрашивается, они могли проводить империалистическую политику? Им приходилось иметь дело с греками, а не с варварами. Поэтому в интересах своих амбиций они не могли ссылаться на удобную доктрину о том, что низшие расы нуждаются в политической опеке.

Оценивая территорию Спарты, мы включили в нее не только землю граждан, которую обрабатывали крепостные или гелоты, но и гораздо большую, но менее ценную массу земли, принадлежавшую периекам; ведь хутора последних действительно были спартанскими муниципалитетами. Более того, именно благодаря ресурсам всего этого комплекса Спарта удерживала пелопоннесцев под своим руководством в течение ста восьмидесяти лет (550-370 гг. до н.э.). С другой стороны, именно благодаря объединенной силе пелопоннесцев Спарта в 405 году до н. э. разрушила Афинскую империю и расширила зону своего

руководства, включив в нее всю Элладу. После этого Пелопоннесская лига Спарты стала просто ядром общеэллинской лиги. Вопрос в том, какое место занимала в нем Спарта?

Ее законные права основывались исключительно на союзном договоре (*симмахии*), который она заключала с каждым городом лиги. Но нет никаких сомнений в том, что она часто добивалась заключения этого договора силой и что впоследствии она вмешивалась в местные дела как пелопоннесских, так и других эллинских союзников так, как это не предусматривалось его положениями. Но каким бы возмутительным ни было ее поведение на деле, формально оно никогда не было предосудительным, пока вмешательство достигало своей цели. А она заключалась в том, чтобы установить или поддержать, сначала против тирании, а затем против демократии, аристократическое правительство в союзных городах. Поскольку аристократы всегда были в меньшинстве, они должны были приглашать спартанцев для своей защиты. Поэтому только когда им не удавалось удержать контроль над правительством, союзник мог рассматривать вмешательство Спарты не иначе как приветствие дружественной державы. "Возможно, кто-то возразит, - пишет памфлетист в 400 году до н. э., предлагая жителям Ларисы вступить в Эллинскую лигу, [4] - но Спарта везде устанавливает олигархию. Это правда. Но это такая олигархия, о которой мы веками молились и жаждали, и которую мы потеряли, когда наслаждались ею лишь краткий миг. Просто сравните олигархию, которую они предпочитают, с той, которую мы уже имеем. Где в их владениях есть хоть один город, пусть даже самый маленький, в котором треть населения не участвует в государственных делах? Не по воле лакедемонян, а по воле судьбы лишены права голоса те, кто не имеет ни оружия, ни других способностей к государственной службе. Их исключение длится лишь до тех пор, пока они не становятся политическими ничтожествами. Как мы выглядим в сравнении с ними? Я верю, что если бы мы молились о конституции, то не стали бы просить богов о другой, чем та, которую желает Спарта". Даже умеренным людям, которые думали так же, как этот оратор, непокорные спартанские гарнизоны казались вполне совместимыми с местной автономией. Они прибывали в Ларису по призыву местных властей и оставались в распоряжении тех, кто их вызывал. Их капитаны, длинноволосые гармоны, принимали приказы и не отдавали их. Их присутствие не влекло за собой ни приостановки действия конституции, ни нарушения законов, ни захвата государственных доходов. Естественно, две трети лишенных избирательных прав думали иначе; но это хорошее правило международного права, согласно которому иностранное государство имеет дело с правительством, а не с оппозицией. В условиях тогдашней Греции вред этой системы заключался в том, что она порождала гражданскую войну в городах. "Война, - говорит только что процитированный ларисейский памфлетист, - признается величайшим из всех зол в той же мере, в какой мир является величайшим из всех благ. Однако *стазис*, или гражданская война, по масштабам своего зла настолько же превосходит войну, насколько война превосходит мир". Стимулом к застою было то, что Афины, обладая морской мощью, столь же неодолимой, как и сухопутная мощь Спарты, и столь же внушительным набором союзников, долгое время продолжали протягивать руку поддержки или ободрения тем двум третям, которых Спарта пыталась сдержать. Афины тоже были апостолом великой политической идеи - "конституционного равенства многих", и всякий раз, когда ей удавалось поставить тех, кто верил в это кредо, под контроль союзного города или удержать их под контролем, как только они получали преимущество, ее вмешательство было формально оправданным или, по крайней мере, обоснованным. Ответственность неслась не она, а правительство, которое она поддерживала.

С началом великой дуэли за национальное лидерство между Спартой и Афинами, заполнившей последнюю треть пятого века до нашей эры, война в виде застоя проникла в каждый город двух конфедераций. Ибо лидеры как одной трети, так и двух третей, говорит

Фукидид в знаменитом отрывке своей истории Пелопоннесской войны[5], "пользовались хитроумными именами, одна из них исповедовала конституционное равенство многих, другая - мудрость аристократии, в то время как общественные интересы, которым они были преданы на словах, на деле становились их наградой. Стремясь всячески одолеть друг друга, они совершали самые чудовищные преступления, но даже они были превзойдены размахом их мести, которую они осуществляли до крайности, причем ни одна из сторон не соблюдала никаких определенных границ ни справедливости, ни общественной целесообразности, но обе одинаково ставили каприз момента своим законом. Либо с помощью несправедливого приговора, либо ухватившись за власть сильной рукой, они стремились удовлетворить нетерпение партийного духа. Ни одна из фракций не заботилась о религии, но любое честное притворство, с помощью которого удавалось достичь какой-либо одиозной цели, вызывало всеобщее одобрение. А граждане, не принадлежавшие ни к одной из партий, становились жертвами обеих: либо их не любили за то, что они держались в стороне, либо завидовали их выживанию. Так застой породил в Греции все формы зла". Цельность, с которой Спарта сделала профессиональное обучение целью своего общественного образования, привела к тому счастливому результату, что у нее не было литераторов, которые могли бы предать потомкам разрушительные государственные секреты. Поэтому никто не сделал для нее того, что Фукидид сделал для Афин: позволил нам заглянуть в сознание города в пору его величия. С жестокой откровенностью Клеон и другие участники повествования Фукидида отбрасывают формальное оправдание афинской империи и обнажают тот факт, что на самом деле это была тирания, суверенитет, осуществляемый без моральной санкции, который уважающие себя люди обязаны свергнуть. "Вы должны помнить, - говорил Клеон афинянам в 427 г. до н. э.[6], - что ваша империя - это деспотия, осуществляемая над безвольными подданными, которые всегда находятся в заговоре против вас; они подчиняются не в ответ на доброту, которую вы оказываете им в ущерб себе, а постольку, поскольку вы их хозяйка; они не испытывают к вам любви, но их удерживают силой".

Зависимость от Спарты или Афин, по сути, не рассматривалась ни одним из их союзников иначе, как меньшее из двух зол: большим была зависимость от их внутренних врагов. Поэтому описанная тирания возникла не с согласия тиранимых. Союзники Афин согласились вступить с ней в союз (*symmachia*) только на оговоренных условиях и с оговоренной целью - защитой от Персии. Но они не оговорили время, в течение которого должны были оставаться союзниками. Афины, соответственно, отказали им в праве отделиться, а когда отдельные города все же попытались выйти из союза, она сделала сохранение союза моральным основанием для принуждения, и с помощью тех городов, которые остались верны, и флота, который она поддерживала в готовности к действию благодаря финансовым взносам всех, она заставила их вернуться на условиях, которые мог продиктовать завоеватель. Однако новый союзный договор был будущим, как и в древности. Говоря в целом, можно утверждать, что в мире городов-государств классической Греции империя была юридически невозможна: то, что мы, и древние, глядя на реалии, называем империей, было совокупностью, скрепленной договорами, само образование которой показывает, что мы имеем дело не с одним государем, а с группой государей. Иными словами, город оставался высшей политической единицей. Власть Афин и Спарты была, строго говоря, гегемонией, а не *архетипом*; сменным и временным лидерством, а не постоянным сюзеренитетом. Это была необходимость, обусловленная обстоятельствами, которые считались исключительными.

К сожалению, опыт показал, что обстоятельства, в которых империализм был политической необходимостью, повторялись постоянно. После падения Афин в 404 году до н. э. оборонительная война против варваров - македонцев в Фессалии, персов в Ионии - послужила оправданием для Спарты в применении силы для сохранения завоеванной гегемонии. Но в 387 году до н. э. с Персией был заключен мир, известный как "Царский мир" или "Анталкидов мир", после чего национальное дело стало невозможно использовать даже в качестве предлога для тирании. Однако гегемония не была оставлена. Утверждалось, что ее необходимо поддерживать, чтобы другие города оставались свободными, и с этой целью Персия оказывала помощь последовательно Спарте и Фивам. Если империя может быть предотвращена только империей, да еще и национальным воссозданием, то времена, несомненно, ушли в прошлое. Такой вопрос сводил к абсурду систему гегемоний, что быстро осознали и реформаторы, и государственные деятели Греции.

Реформаторы стремились изменить неблагоприятные обстоятельства, и в одной из последующих глав у нас будет повод отметить, как Платон и Аристотель, слепо веря в силу образования и законодательства, стремились отвлечь граждан от работы к отдыху и от войны к миру, а также искоренить жадность к земле и деньгам и ограничить естественный рост населения, в котором они усматривали империалистический дух. Некоторые государственные деятели последовали их примеру. Другие же, признав, что для сохранения и распространения цивилизации необходимо единство и что миру нужно не меньше, а больше греков, либо, подобно великому публицисту Исократу, выступали за гегемонию по старинке, но наделенную стабильностью благодаря всеобщему согласию, либо поддерживали одно из нескольких новых устройств для объединения городов в постоянное территориальное государство. Уважение к прогрессу заставляет нас рассматривать эти унитаристские движения несколько узко.

Положение, занятое Фивами в Греции после победы над Спартой при Левктрах в 371 году до н. э., было просто гегемонией прежней модели - повторное занятие линий, уже дважды доказавших свою несостоятельность.^[7] С другой стороны, положение, занятое Фивами в Беотии до 387 года до н. э., явно предвосхищало то, что будущее должно было принести Греции в целом. Таким образом, Фивы были разделены на шесть округов,^[8] один из которых (Фивы) имел четыре избирательных участка, два (Орхомен и Феспии) - по два, а три - по одному. Шесть из десяти городов-государств Беотии - шесть маленьких озерных городов - были ограничены двумя из одиннадцати округов. Для них это было поражением, а для Фив - благом, поскольку каждая дивизия предоставляла одного из одиннадцати беотархов, составлявших исполнительную власть лиги, шестьдесят из шестисот шестидесяти советников, формировавших беотийский синод, и соответствующую долю судей лиги. Таким образом, Фивы стали Пруссией в Беотии, и в обмен на политические преимущества, которые она получила, и четыре одиннадцатых доходов, которые она получила, она обязалась обеспечить четыре одиннадцатых солдат и четыре одиннадцатых налогов. Таким образом, бремя и преимущества лиги распределялись в зависимости от численности населения и богатства различных частей страны. Это было справедливо, а поскольку города-государства, хотя и были отодвинуты на задний план и несли ответственность за решения, на принятие которых они зачастую почти не влияли, составляли единый *этнос* и говорили на одном диалекте, они, очевидно, были вполне удовлетворены. По мере формирования лиги Фивы были вынуждены бороться с Орхоменом и Феспией за контроль над шестью маленькими озерными городами. В этом она обычно преуспевала - настолько, что в 387 году до н. э. Спарта, принуждая к миру царя, распустила лигу, чтобы уничтожить ее влияние. Она не возродилась, когда Фивы воссоединили Беотию (377-371 гг. до н. э.), и при Эпаминондасе мы

можем более правильно говорить о Беотии как о едином городе-государстве, подобном Аттике, а не как о лиге городов-государств.

Несмотря на то, что дома Фивы были принесены в жертву амбициям, за границей Беотийская лига сохраняла высокий престиж. Некоторые из ее институтов были перенесены в Афины во время революции 411 года до н. э., а другие были приняты в Аркадии после того, как их отменили в Беотии. Более того, и это важная историческая связь, которую нам позволяют установить замечательные эпиграфические исследования Адольфа Вильгельма[9], Беотийская лига появляется *mutatis mutandis* в организации, навязанной всей Греции Филиппом Македонским после его коронной победы при Херонее в 338 году до нашей эры. Ведь если приравнять Филиппа и Комитет общественной безопасности к одиннадцати бётархам, Коринфский синод - к бёотскому синоду из шестисот шестидесяти человек, а округа, на которые была разделена Эллада, включая Македон и исключая только Спарту, для федеративных поз - к шести округам, существовавшим в Бётии, то становится очевидным, что политическая система, использованная Филиппом для организации греков, была заимствована из Бётии не меньше, чем военная система, с помощью которой он их завоевал. Не зря македонский царь провел свою юность в качестве заложника в Фивах.

Характерной особенностью Беотийской лиги и Эллинской лиги Филиппа является синод. В каждой из них он был строго представительным органом. Его члены распределялись по территории, составляющей лигу, таким образом, что крупные государства имели по несколько представителей, а мелкие - по одному; в то время как в Эллинской лиге соседние государства и федеративные государства рассматривались как единое целое и получали пропорциональное представительство. То, что это делало все государства, кроме самого крупного - Македонии, - нижестоящими и подчиняло многие города-государства федеральным округам, к которым они принадлежали, очевидно. И в этом случае потеря местной свободы была очень слабо компенсирована тем, что то, что уступили государства, входящие в состав союза, приобрел Эллинский синод, собравшийся в Коринфе. Национальный призыв был гораздо слабее, чем этнический призыв в Беотии. Утраченная свобода действительно была бедой, а не благословением. После 338 года до н. э. города больше не могли наслаждаться возбуждением частных войн и разжиганием революций. Они больше не были вольны быть врагами Филиппа. Отныне они должны были предоставлять всадников, гоплитов, легковооруженных солдат и моряков, которых обязывало их представительство в синоде, или платить большой штраф за каждый день отсутствия их контингента в национальном сборе. Синод завершил свою организацию, выбрав Филиппа своим *гегемоном* на суше и на море, а в качестве исполнительного совета избрал Комитет общественной безопасности, который, по-видимому, проводил свои заседания в Пидне. Этот комитет конфедераты, вероятно, приветствовали как возможного защитника своих интересов. Нежелательным органом лиги, которому не было аналогов в Беотии, был гегемон. Подчинение синоду было достаточно оскорбительным для городов-государств, которые считали полную независимость единственным идеалом. Для них было невыносимо подчиняться синоду, который контролировал его гегемон, Филипп Македонский, - синод, который никогда не мог иметь своим гегемоном никого, кроме современного царя Македонии. Гегемония Македонского была приукрашена, но от этого она не перестала быть гегемонией, и, как таковая, была незаконной и неприемлемой[10].

Заметное начало в направлении юридического объединения городов-государств в более крупное целое было положено Афинами в эпоху их империи. Тогда она основала множество колоний (*клерухий*), которые, хотя и были организованы как отдельные города, сохраняли для своих жителей гражданство Афин. Почему бы не предоставить гражданство (*полис*) и

жителям других городов? Были и такие, и среди них комедиограф Аристофан,^[11] кто высказывал эту идею. "Предположим, - говорит он, - что наш город - это куча шерсти, а каждый из наших союзных городов - клочок шерсти. Возьмем всю шерсть, спрядем ее в пряжу и соткаем из нее большое одеяло, которым защитим нашего владыку Демоса от холода". Но для такой радикальной меры время еще не пришло. Гордости афинян было совершенно противно делиться со всеми преимуществами, ради приобретения которых они пожертвовали столь многим; да и мало что в разбавленных таким образом преимуществах могло компенсировать другим городам хотя бы частичную потерю самобытности, которую они должны были понести, получив афинское гражданство. В единственном случае, когда был принят этот курс, саамийцы, которым Афины предоставили все свои гражданские права в высшей агонии Пелопоннесской войны, заслужили их и оценили, пожертвовав своей территорией, вместо того чтобы покинуть своего союзника.

Другим, менее героическим способом установления постоянного союза между городами было предоставление *изополитии*, или взаимного гражданства. В некоторых случаях это была уступка пассивных прав гражданства (*civitas sine suffragio*) всем гражданам определенного города, которые должны были поселиться на территории дарителя или даже просто посетить ее. Однако в таком виде он сводился лишь к обмену торговыми привилегиями и оказался бесплодным в политическом отношении, поскольку каждый город оставлял за собой полный контроль над собственной политикой, что делало невозможным какое-либо продвижение в государственном строительстве. Римлянам оставалось сделать этот институт плодотворным в поразительной степени, сделав юридическое осуществление римского гражданства независимым от миграции в Рим.

Практически того же результата греки добились благодаря так называемой *симполии*, или совместному гражданству. Этим издревле обладали такие примитивные народы, как ахейцы и этолийцы,^[12] среди которых города и хутора никогда не становились независимыми и самодостаточными политическими единицами, так что их жители были ахейцами из Эгидеи, или ахейцами из Керинии, или ахейцами из какого-нибудь другого из десяти так называемых городов, из которых состояла ахейская нация или лига. Аналогичным образом в этолийских поселениях существовало двойное гражданство. Существенной частью этой схемы, очевидно, было то, что каждый город имел равный голос при выборах должностных лиц лиги и при решении всех федеральных вопросов. И это оказалось настолько удовлетворительной гарантией городской автономии, что в последней половине III века до н. э. город за городом в Пелопоннесе за пределами древних пределов Ахейи предпринимал необратимый шаг к получению ахейского гражданства в дополнение к своему собственному; в то время как в Центральной Греции этолийцы честными или нечестными способами даровали двойное гражданство всем своим соседям. Афины и Спарта в одиночку продолжали оставаться в изоляции: первые - благодаря международной гарантии автономии, вторые - упорно полагаясь на собственные силы. Остальные города-государства передали международному совету, не на определенный или неопределенный срок, а на все будущее время, полный контроль над своими внешними отношениями. Каждый город навсегда поставил международный орган между собой и внешним миром, избежав таким образом индивидуальной опасности путем отказа от индивидуальной дипломатии^[13].

Так возникло то, что, по общему согласию историков и юристов, является самым совершенным государством, которое создала античность. Антиномия между городом-государством и имперским духом, существовавшая на протяжении веков, была сведена к минимуму благодаря хорошему балансу федеративной системы.

В ахейской и этолийской лигах были недостатки, которые их государственные деятели не устранили. "Равенство, - говорит Аристотель, - справедливо, но только между равными". Города, имевшие равный голос в международном совете, подобно современным нациям, подающим по одному голосу на Гаагском конгрессе, были неравны по населению и богатству.

Ахейцы и этолийцы ближе всех древних республиканцев подошли к тому, чтобы доверить власть представителям; но, помимо создания большого законодательного совета, состоящего в последующие годы, в одном случае из различных фракций граждан каждого города, а в другом - из депутатов, распределенных по городам в соответствии с их размерами, они продемонстрировали укоренившееся у всех греков недоверие к олигархии, потребовав обращения к общему собранию по всем вопросам, имеющим большое значение.

Как удовлетворить справедливые требования тех, кому расстояние или отсутствие досуга не позволяли прийти на место собрания, они не выяснили.

Однако не эти институциональные несовершенства помешали объединению Эллады в единую федерацию. Ведь теперь этот результат не мог быть достигнут никаким триумфом политической науки. Антигон Досон (229-221 гг. до н. э.), чье имя не должно быть неизвестно там, где Калликратид, Агесилай, Ификрат и Фокион являются привычными словами, попытался с равным мастерством и щедростью объединить новую федеративную идею со старой идеей представительного национального конгресса, собирающегося в Коринфе под гегемонией царя Македонии; [14] но лучшее, что можно сказать о созданной им комбинации, это то, что, несмотря на ее большие перспективы и возможности, она оказалась неприемлемой для Эллады, а значит, неэффективной. [15] Ситуация вышла из-под контроля греческого народа. Возможно, лучше всего представить себе, что современные европейские нации, ослабленные политически из-за постоянной эмиграции и непрекращающихся конфликтов, экономически - из-за ухода промышленности и торговли в более благоприятно расположенные районы под европейским контролем, скажем, на Востоке, должны были объединить свои дипломатические и военные интересы и доверить их не европейскому парламенту, а враждующим латинскому и тевтонскому парламентам, и сделать этот шаг только для того, чтобы избежать русской опасности, и когда Америка уже громыхала у их берегов, если это можно себе представить, надвигаясь с неодолимой мощью, чтобы одновременно спасти и уничтожить.

Описание того, как Римская республика освободила Грецию от Македонии, навязала свою волю греческим королевствам Востока и создала универсальную империю, состоящую из различных фрагментов, выходит за рамки этой книги. Отметим лишь, что одним городам она дала свое гражданство, или политию, полностью уничтожив их самобытность; другим - изополитию, или взаимное гражданство, а вместе с ним и местные преимущества, сохранившиеся в Греции благодаря симполитии, или совместному гражданству, создав таким образом муниципалитет и организовав, так сказать, палаты города Рима по всей Италии; что одних (*socii*, или итальянских союзников) она привязала к себе безотзывными договорами, пока не была вынуждена дать им муниципальный статус, а других ("друзей", *amici*, или "друзей и союзников", *amici et socii*, в том, что позже стало провинциями) - договоренностями или временными договорами, пока она не ознакомилась с обожествлением правителей, что было греческим методом легализации абсолютизма.

Несколько слов об этом странном институте, и я закончу обзор приемов, придуманных греками, чтобы затушевать, обойти и, наконец, оправдать империализм. Греческий метод

легализации деспотизма был гениальной адаптацией Александром Македонским к государственному строительству идеи, которую его наставник Аристотель развил в "Политике"[16]. Это было средство объединения городов или провинций в неразрывное целое с сохранением, с одной стороны, превосходства и свободы действий сюзерена, будь то император или республика, а с другой - самоуважения низших государств, без которого их статус был политически невыносим. Обожествление правителей сделало невозможное: оно полностью примирило антиномию между городом-государством и империализмом. Оно разрешило антагонизм в две гармоничные обязанности: обязанность правителя повелевать и обязанность подданного повиноваться.

Перед Александром Македонским правительства находятся в серьезном долгу уже более двух тысяч лет. От него до кайзера Вильгельма II тянется непрерывная линия. Пока в мире было много богов и не было веры в сверхъестественную силу ни одного из них, не было никакой религиозной сложности в том, чтобы добавить к их числу еще одно такое божество в лице живого монарха. Однако с упадком политеизма возникла необходимость в небольшом изменении. Во времена Константина богов-царей постигла та же участь, что и других языческих богов, но с другой стороны. Языческие боги становились дьяволами или превращались в святых.

Царями становились люди, избранные на свой высокий пост Богом, Всевышним. Коронованные, как правило, своими предшественниками и помазанные священниками Бога, патриархами, они правили по божественному праву и признавали ответственность только перед своим Создателем.[17] В менее воцерковленном мире, как в современной Пруссии, короли коронуются сами. Но эти более поздние события нас в данной книге не касаются. Однако в главах III-VI я постараюсь проследить рост обожествления в мировой монархии Александра Македонского и прояснить, какой цели оно служило в империях Птолемеев и Селевкидов.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. de Coulanges, Fustel. *La cité antique*⁷ (1879).
2. Busolt, G. *Die griechischen Staats- und Rechtsaltertümer*,⁽²⁾ (1892). In Müller's *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, IV, 1.
3. Schömann-Lipsius. *Griechische Alterthümer*,⁴II (1892).
4. Francotte, H. *La Polis grecque* (1907).
5. Wilamowitz-Moellendorff, Ulrich von. *Staat und Gesellschaft der Griechen* (1910). In Hinneberg's *Die Kultur der Gegenwart*. Teil II, Abteilung IV, 1.
6. Циммерн, Альфред. *Греческое содружество* (1911).
7. Keil, Bruno. *Griechische Staatsaltertümer* (1912). В книге Герке и Нордена *"Einleitung in die Altertumswissenschaft"*, pp. 297 ff.

ССЫЛКИ:

- [1] *A History of the Eastern Roman Empire*, pp. 319 f.

- [2] *Atlantic Monthly*, Oct., 1912, vol. cx, pp. 517 ff.
- [3] Plutarch, *Ti. Gracch.* 9; cp. Greenidge, *A History of Rome*, p. 111.
- [4] Ηρώδου Περὶ Πολιτείας, 30 (Ed. Drerup). С характерным консерватизмом английские ученые, Адкок и Нокс (*Klio*, 1913, pp. 249 ff.), поддерживают атрибуцию этого памфлета Героду Аттику.
- [5] Thucy., III, 82, 8. (Перевод, используемый здесь и в других местах книги, принадлежит Джоуэтту).
- [6] Thucy., III, 37, 2.
- [7] То же самое можно сказать и о второй Афинской империи. У конфедерации, из которой она выросла, не было причин пережить повод, который вызвал ее к существованию - "тиранию" Спарты. Поэтому, по крайней мере, по замыслу, это был временный, а не постоянный союз.
- [8] *Hellenica Oxyrhyn.*, II, 2-4.
- [9] *Attische Urkunden*, I Teil. (Sitzb. d. Akad. in Wien. Phil.-hist. Klasse. 165, 6, 1911).
- [10] Она была возрождена на гораздо менее предосудительных условиях Антигоном Досоном. См. ниже, стр. 34 и главу VII.
- [11] *Лисистрата*, 579 и далее.
- [12] См. ниже, глава VII.
- [13] См. ниже, глава VII.
- [14] См. выше, стр. 30.
- [15] См. ниже, глава VII.
- [16] См. особенно Ed. Meyer, *Kleine Schriften*, 283 и далее, и ниже, глава IV.
- [17] Bury, J.B., *The Constitution of the Later Roman Empire* (1910), pp. 10 ff., 36.
-

II

АФИНЫ: ИМПЕРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Никакая форма правления или политическая идея не спасает государство от империализма. Даже эта страна, которая, как ни одна другая из современных великих держав, привержена концепции народного суверенитета; которая строит свою государственную структуру на вере в необходимое равенство людей и рассматривает или, по крайней мере, стремится рассматривать как сравнительно незначительные различия, создаваемые рождением и расой, образованием и религией, собственностью и родом занятий; даже эта идеалистическая республика стала империей в наше время и почти без нашего восприятия. Месье Буше-Леклерк в своих *"Leçons d'histoire romaine"* [18] отводит видное место

неприятной доктрине о том, что римляне завоевали мир вопреки себе - спорный вопрос, как он сам показывает. Не наше чувство истины удовлетворяется, когда нам говорят, что блаженство "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" относится к англичанам. И все же Сили придерживается тезиса, что Британская империя была создана в "длительном приступе национального отсутствия разума". Невольно, похоже, современная мать либеральных институтов стала хозяйкой бесчисленных миллионов.

Никогда не было народа, который сделал бы принцип равенства всех своих граждан более живой реальностью, чем афиняне; и ни одно государство, насколько мне известно, не было так хитроумно устроено, чтобы обеспечить управление народом, как это было у них. И все же они стали империалистами с пылом и убежденностью и с таким логическим следствием, что, хотя они верили в демократию для всех, они не сомневались, что афиняне заслужили право править как греками, так и варварами благодаря приобретению превосходной культуры. Равенство между своими гражданами Афины тщательно отличали от равенства между всеми людьми.

Основы афинской демократии и империи были заложены Фемистоклом, чья фигура странно и гигантски движется сквозь золотой туман, которым Геродот окутал великую Персидскую войну. И именно этот гениальный государственный деятель, чьему безошибочному умению предвидеть ход грядущих событий отдает редкую дань суровый историк Фукидид, разработал для своего города внешнюю политику, с помощью которой у него было больше всего шансов реализовать свои имперские амбиции. Пусть использует свой великий флот, который он пятнадцатью годами упорной пропаганды заставил афинян построить, как орудие нападения, и свои неприступные стены, которые он позволил афинянам возвести, несмотря на вероломное сопротивление Спарты, как оплот обороны и основу для своевременного продвижения вперед против своих могущественных континентальных соперников. Пусть он воспользуется волной демократического пыла, прокатившейся Греции, чтобы укрепить свою власть в Делосской конфедерации и подорвать, а в конечном итоге и свергнуть лидерство, которое Спарта, благодаря поддержке умирающих средневековых аристократий, до сих пор занимала в эллинских делах. Пусть он заключит мир на выгодных условиях с Персией, использует полученную свободу, чтобы сломить власть Спарты, и, опираясь на консолидированную Элладу, смело выступит за афинское господство в мире.

Кажется почти невероятным, что у здравомыслящего человека могла возникнуть программа такого масштаба. Но мы должны помнить, что никогда еще человеческие существа не совершали столь явного чуда. Мы знаем, опираясь на авторитет немецкого военного эксперта [19], что, если бы войско, следовавшее за Ксерксом в Афины, насчитывало 5 283 220 человек, которых Геродот приписывает ему, "не считая женщин-поварих, наложниц, евнухов, ношу, скот и индийских собак", его тыловое охранение, должно быть, все еще выходило из Сард, пока его фургон тщетно штурмовал Фермопилеи. Но Геродот сообщает то, во что верили афиняне. Они встретили и разгромили мощь всей Азии. Они победили в честном бою завоевателей всех других народов. Мир принадлежал им, оставалось лишь завладеть им.

Соответственно, Фемистоклу пришлось считаться с национальной самоуверенностью, не знавшей границ. Оно усилилось благодаря знаменитым победам Кимона над персами и восстанию гелотов, обнажившему роковую слабость Спарты, когда в 461 году до н. э. перед Фемистоклом встала задача направить яростный поток национальной энергии, сначала в течение пятнадцати лет (461-446 гг. до н. э.) в героическое, героическое русло. до н. э.) в

героической, но бесплодной борьбе на море и на суше против греков и персов одновременно, а затем еще пятнадцать лет (446-431 гг. до н. э.) в осуществлении славных мирных дел, легла на широкие плечи Перикла, сына Ксантиппа.

Принято считать, что нет более безжалостного наставника, чем собственная воля. Импульс к действию в эту напряженную эпоху исходил от самого афинского народа, а не от его главного государственного деятеля. Однако этот факт не умаляет заслуг Перикла. Золотой век Греции - это, собственно говоря, золотой век Афин, и его рождению способствовало многое, но решающим среди них, помимо уже упомянутой интенсивности национальной жизни, была непревзойденная возможность для великих лидеров вступать в эффективный контакт с массами в условиях, когда у людей в целом была полная возможность максимально использовать свои природные силы. Это счастливое сочетание творческого гения и восприимчивой толпы возникло в основном благодаря демократическим институтам Афин; но для общественного и частного богатства, без которого афинская демократия оказалась неработоспособной, и для стимула для воображения, который дают только предприятия большого масштаба и момента, обладание империей было, пожалуй, необходимым.

В эпоху Перикла Афины были городом с населением около 150 000 человек. Аттика, территория афинян, имела примерно такое же количество жителей. Из 300 000, таким образом, около трети составляли подневольные и одна шестая - иностранцы. Свободное и франкское население составляло половину от общего числа и давало около 50 000 мужчин военного возраста.

Афинская империя состояла из пяти провинций - Фракийской, Геллеспонтской, Инсульской, Ионийской и Карийской - с общим населением, возможно, 2 000 000 человек. Она представляла собой комплекс островов, полуостровов и лиманов, самые отдаленные оконечности которых находились на расстоянии двухсот или двухсот пятидесяти миль от Афин. Магистралями этой империи были замкнутые в суше каналы и озера, составляющие Эгейский архипелаг. Их наибольшая протяженность при нормальных обстоятельствах составляла около восьми дней непрерывного плавания. С другой стороны, афинская экспедиция, нацеленная на любой из подвластных ей городов, не должна была преодолевать ни один сухопутный путь протяженностью более одного дня пути. Соответственно, без контроля над морем империя была немыслима. При отсутствии такового округ сразу распался на четыреста с лишним осколков, тысячу "городов", с которых, по словам комедиографа Аристофана, афиняне собирали дань.

Афинская сфера морских операций, политических и торговых интересов выходила далеко за пределы империи. Она включала такие пункты, как Сицилия, Египет, Финикия и Эвксинский залив, удаленные от Пирея более чем на шестьсот миль. Таким образом, афинскому флоту могло потребоваться около месяца, чтобы добраться до места назначения. Население мира, который должен был тщательно учитывать военно-морскую мощь Афин во всех своих политических и военных расчетах, мира, над которым стремились господствовать Афины при Перикле, должно было составлять более 20 000 000 человек.

Если же принять во внимание соотношение господствующих, подданных и иноземных элементов, а также время, затраченное на достижение кораблями, приказами или разъяснениями внешних границ власти, то масштабы афинской имперской затеи сравнятся с масштабами Англии в наши дни.

В Спарте на надгробном камне гражданина регулярно выбивали только его имя. Для того чтобы рассказать о жизни, не требовалось эпитафии, ведь жизнь одного гражданина была известна всем. Если же человек умирал за свою страну, то два слова ἐν πολέμῳ, "на войне", с лаконичной краткостью выражали его отличительные черты.

Для павших в бою Афины выделили общественное кладбище у Дипилонских ворот, и в конце каждой кампании там проводилась памятная служба в честь урожая мучеников этого года. Человек, занимающий высокое положение в обществе, выражал благодарность нации за принесенную жертву. По такому случаю, в конце первого года Пелопоннесской войны, Перикл отменил обычную процедуру и, вместо того чтобы излагать заслуги павших, в красноречивой речи объяснил, почему Афины достойны верности до смерти. Фукидид услышал его слова и, возможно, много лет спустя, воспроизвел их как нельзя лучше в знаменитой *"Погребальной оратории"*.

Государственный деятель не задерживался на легендарной славе Афин. Ее предполагаемые блага для человечества - зерно, нормы цивилизованной жизни, драма; заслуги, то есть то, чем поздние афиняне гордились особенно, - не имели для него никакого значения. Их предки сделали две вещи: успешно защитили свою страну и передали потомкам свободное государство. "И если все это достойно похвалы, - продолжает его великолепный экзордиум[20], - то еще более достойны похвалы наши отцы, которые добавили к своему наследию и после многих битв передали нам, своим сыновьям, эту великую империю. И мы сами, собравшиеся здесь сегодня, большинство из нас еще в бодром состоянии, в основном занимались благоустройством и богато наделили наш город всем необходимым, так что он достаточен для себя и в мире, и на войне. О военных подвигах, благодаря которым были приобретены наши различные владения, или об энергии, с которой мы или наши отцы сдерживали прилив войны, эллинской или варварской, я не буду говорить, потому что рассказ был бы длинным и хорошо вам знаком. Но... я хотел бы указать, на основе каких принципов мы пришли к власти, при каких институтах и благодаря какому образу жизни наша империя стала великой".

В этих словах Перикла я хотел бы найти изложение темы моей второй главы. И если бы не то, что Перикл оставил без объяснения то, что афиняне, к которым он обращался, знали без объяснений, - социальные и политические формы, с помощью которых они реализовывали свои идеалы, я мог бы освободить себя от этой задачи одной длинной цитатой. Я мог бы переписать всю *ораторию* и покончить с этим.

Но это нецелесообразно, и я не могу сделать ничего лучшего, чем изложить, снова используя собственные слова Перикла как своего рода текст, основные принципы афинской политики. Но мимоходом позволю себе заметить, что если бы наши знания об Афинах зависели только от *"Погребальной оратории"*, если бы мы формировали свое представление о политической жизни Греции V века до н. э. только на ее основе, мы все равно могли бы сделать вывод об уникальной эпохе в истории человечества. К счастью, это не так. Зуб времени и бритва забвения" пощадили Парфенон и его великолепные скульптуры, благородные трагедии Эсхила и Софокла и неугасающее очарование Геродота. Идеалы всегда в той или иной степени опираются на реальность. По крайней мере, они противостоят им, как "идеальный круг" "ломаной дуге". Даже в психологии Платона ум должен быть обострен наблюдением и размышлением, прежде чем, как во вспышке света, внезапно появится проблеск божественной идеи. Поэтому, если бы утверждения *"Погребальной оратории"* не были подкреплены современными памятниками схожего духа, они все равно

были бы полезными откровениями афинской демократии. И этот вывод, как я надеюсь показать, опирается не только на логические умозаключения, но и на свидетельства тщательного исследования.

"Правда, - говорил Перикл,[\[21\]](#) - мы называемся демократией, ибо управление находится в руках многих, а не немногих. Но хотя закон обеспечивает равную справедливость для всех в их частных спорах, признается и право на превосходство, и если гражданин чем-то выделяется, ему отдается предпочтение на государственной службе, но не в качестве привилегии, а в качестве награды за заслуги. Бедность также не является препятствием, но человек может приносить пользу своей стране, в какой бы бедности он ни находился. В нашей общественной жизни нет исключительности, а в частном общении мы не подозреваем друг друга и не сердимся на ближнего, если он делает то, что ему нравится; мы не бросаем на него кислых взглядов, которые хоть и безобидны, но неприятны. В то время как мы, таким образом, не сдерживаемся в нашем частном общении, дух благоговения пронизывает наши общественные действия; мы удерживаемся от дурных поступков уважением к власти и к законам, с особым вниманием относясь к тем, которые предписаны для защиты обиженных, а также к тем неписаным законам, которые навлекают на нарушителя их порицание всеобщего чувства..... Богатство мы используем не для болтовни и показухи, а когда оно действительно нужно. Признаться в бедности для нас не позор: истинный позор в том, что мы ничего не делаем, чтобы ее избежать. Афинский гражданин не пренебрегает государством, потому что заботится о собственном хозяйстве; и даже те из нас, кто занимается бизнесом, имеют весьма справедливое представление о политике. Только мы считаем человека, который не интересуется государственными делами, не безвредным, а бесполезным персонажем; и если немногие из нас являются инициаторами, то все мы здраво оцениваем политику. Большим препятствием для действий, по нашему мнению, являются не дискуссии, а недостаток тех знаний, которые приобретаются в ходе дискуссий, предшествующих действиям. Ведь нам свойственно думать, прежде чем действовать, и действовать тоже..... И мы не забыли предоставить нашим усталым духам много отдыха от трудов; у нас есть регулярные игры и жертвоприношения в течение всего года; дома стиль нашей жизни изыскан; и удовольствие, которое мы ежедневно испытываем от всего этого, помогает изгнать меланхолию. Благодаря величию нашего города к нам стекаются плоды всей земли, так что мы наслаждаемся товарами других стран так же свободно, как и своими собственными..... Мы любители прекрасного, но просты в своих вкусах, и мы культивируем ум без потери мужественности..... Подведем итоги: Я говорю, что Афины - это школа Эллады, и что отдельный афинянин в своем собственном лице, кажется, обладает способностью приспособливаться к самым разнообразным формам деятельности с максимальной универсальностью и изяществом. Это не пустые слова, а правда и факт; и утверждение подтверждается положением, на которое эти качества подняли государство..... И мы, конечно, не останемся без свидетелей; есть могучие памятники нашей силы, которые сделают нас чудом этого и последующих веков; мы не будем нуждаться в похвалах Гомера или любого другого панегириста, чья поэзия может понравиться на мгновение, хотя его представление фактов не выдержит света дня. Ибо мы заставили каждую землю и каждое море открыть путь для нашей доблести и повсюду установили вечные памятники нашей дружбы и нашей вражды".

Таковы были гордые притязания великого афинского государственного деятеля. Об искусстве не было сказано ни слова, за исключением тех случаев, когда оно воплощалось в

памятниках империи. Музыка и драма упоминаются, но в одном дыхании с атлетическими состязаниями, как отдых для изможденных людей. Оратор не извиняется за демократию. Он прославляет империализм. Если бы он встретил Платона в Элизиуме - Платона, который родился в год после смерти Перикла и одновременно олицетворял и выражал высшие идеалы более позднего поколения афинян, - он не преминул бы ответить на обвинение философа в том, что тот наполнил город торговцами, магазинами, кораблями, верфями и прочим мусором, а не праведностью и справедливостью.

Взяв в качестве текста *"Погребальную ораторию"*, я хотел бы объяснить, с помощью каких институтов принципы перикловской демократии и империализма были превращены в факты.

Суверенная власть в Афинах принадлежала *эκκληсии*, или общему собранию, и *гелиэе*, или народному суду.^[22] Гелиэя требовала от своих присяжных только, чтобы они были гражданами с хорошей репутацией, но каждый год она выбирала их в зависимости от необходимости из специально составленного списка из 6000 человек. Так и в *эκκληсии* из 50 000 граждан, которые могли присутствовать на собрании, 6000 считались кворумом, когда требовался кворум, а обычно присутствовало еще меньшее число. Собрания *эκκληсии* проводились либо в городе, либо в гавани; поэтому городской элемент, как правило, преобладал. Утвержденные собрания проходили четыре раза в месяц, но генералы или совет могли созывать и другие. Различные коллегии от 401 до 2001 присяжных в каждой могли быть выделены для трибуналов в каждый день года, который не был отведен для общественного праздника или предварялся собранием *эκκληсии*. Обычно в число 6000 присяжных добровольно записывались бедные мужчины преклонных лет, не приспособленные к более активной работе и довольствовавшиеся пособием в размере двух оболов^[23] в день.

Работа парламента была разделена между *эκκληсией* и *гелиэей*, поскольку законодательство в строгом смысле слова могло быть принято только совместными действиями этих двух органов.^{24]} Административные декреты, которыми *эκκληсия* решала все важные государственные дела и которые могли отличаться от законов только формально, могли приостанавливаться по инициативе отдельных лиц и были неоспоримы только после того, как *гелиэя* принимала их в отношении конституционности или общественной целесообразности. Люди, заседавшие в *гелиэе*, были обычными гражданами, как и те, кто голосовал в *эκκληсии*; но они принимали решение по законам и постановлениям по воле жребия, а не из-за какого-то особого интереса к соответствующим вопросам. Другими словами, суды не могли быть заполнены приверженцами, как это обычно происходило на собраниях *эκκληсии*. Этот факт, а также неизбежные задержки, защищал государство от вердикта случайного большинства, которое на самом деле обычно составляло меньшинство всех граждан. В Афинах не было такого понятия, как окончательное решение спорных вопросов одним народным голосованием.

Гелиэя выступала в качестве суверена еще в одном случае. На него возлагалась обязанность определять, соблюдали ли магистраты и члены совета законы и честно ли они вели себя в годы своей службы. Таким образом, все, кто занимался гражданским управлением, были ответственны перед собранием афинян, которое давало присягу. С другой стороны, *эκκληсия* имела право объявлять импичмент и увольнять тех чиновников, которые, получив дискреционные полномочия, злоупотребляли ими.

Главной задачей гелиэи было, конечно, разрешение внутренних и имперских тяжб. Как мы увидим, судебная власть гелиэи обеспечивала ей значительную степень политического контроля над всеми подвластными Афинам городами.

Гелиэя была тормозом демократической машины, а эkkлeсия - динамо-машиной. По замыслу афинян, все важные политические решения должны были приниматься эkkлeсией после всестороннего обсуждения. Однако было очевидно, что собрание, насчитывающее от пяти до пятидесяти тысяч человек, будет действовать с катастрофической медлительностью, если на его рассмотрение будут выноситься все дела, великие и малые, или даже если оно будет рассматривать только важные дела, но рассматривать их без предварительного изучения и формулирования. Извращение современных демократий происходит, прежде всего, из-за узурпации власти теми, кто просеивает предложения для народного обсуждения. Афины должны были защищаться от подобной опасности. Поэтому предвестник демократии Клизфен создал для нее один из самых своеобразных *совещательных* органов, которые когда-либо занимались крупными делами. Это был Совет пятисот.

Он создавался каждый год заново и был точной миниатюрой эkkлeсии, которой должен был служить. Каждый приход и поселок Аттики, насчитывавший сто и более человек, сначала исключал из своего состава тех, кто еще не достиг тридцатилетнего возраста или уже отработал в совете два срока, а затем выбирал по жребию из оставшихся того советника или советников, на которых он имел право по численности населения. Таким образом, в каждом последующем совете было от двухсот пятидесяти до пятисот новых и неопытных членов. Не желание или пригодность, а чистая случайность определяла его состав. Все слои, интересы и сословия Аттики - если не считать молодых людей от восемнадцати до тридцати лет - были представлены в нем в достаточной мере. Поэтому существовало общее предположение, что она будет придерживаться того же взгляда на общественные вопросы, что и эkkлeсия; что она окажет услугу своим членам, если будет поощрять их временные права как членов совета в ущерб их пожизненным правам как членов эkkлeсии; что она, другими словами, будет работать в меру своих возможностей, чтобы представить эkkлeсии хорошо обдуманную и достаточно всеобъемлющую программу дел. В противном случае в конце двенадцати месяцев придется столкнуться с гелиэей.

Комитет из пятисот человек кажется нам менее громоздким, чем собрание из пяти тысяч. Клизфен был того же мнения. Поэтому он разделил свой совет на десять секций, или пританий, по пятьдесят членов в каждой, и установил, что каждая притания должна действовать от имени всего совета в течение тридцати шести дней в порядке, определенном по жребию в самый поздний момент. Пританы были сформированы таким образом, что представляли собой миниатюру собора, так же как собор был миниатюрой эkkлeсии. Жребий, опять же брошенный в самый поздний момент, определял, кто из пятидесяти членов должен быть председателем и присутствовать вместе с одной третью своих коллег в зале совета в течение одних только двадцати четырех часов, в течение которых он исполнял свои обязанности. Один и тот же человек был председателем совета на его ежедневном заседании, а также председательствовал в эkkлeсии, если собрание граждан проводилось в день его полномочий. Случайное назначение на должность на один день, в заранее неизвестное время, было, по мнению Клизфена, достаточной гарантией совета и эkkлeсии от успешных интриг, заговоров, сговоров или других вмешательств в народную волю со стороны председателя. Он ошибался; более поздняя демократия приняла дополнительную меру предосторожности, требуя, чтобы председатель передавал председательство на

заседаниях совета и экклесии совету из девяти человек, выбранных по жребию для этой конкретной цели из числа недействующих пританов совета. Один из девяти, выбранный таким же образом по жребию, получал особую честь и обязанность вносить предложения и объявлять голоса.

На рассмотрение экклесии выносились только те предложения, которые исходили от организованного таким образом совета; но там они могли обсуждаться *ad libitum*, дополняться, приниматься, отклоняться, или передаваться обратно в совет; и даже можно было во время их рассмотрения заменить резолюцию совета совершенно другим законопроектом или предложить совету внести на следующее заседание предложение по совершенно не относящемуся к делу вопросу. Афиняне сознательно стремились к тому, чтобы экклесия рассматривала все, что ей хотелось рассмотреть.

Управление гражданской администрацией, под постоянным руководством экклесии и бдительным надзором совета, который в этом вопросе также действовал в интересах органа, миниатюрой которого он являлся, было поручено множеству комитетов, каждый из которых состоял обычно из десяти членов. Аристотель в своей "*Конституции афинян*" перечисляет обязанности двадцати пяти таких комитетов и оценивает в семьсот человек число граждан, ежегодно занятых в управлении государством. Работа каждого комитета была четко ограничена законом и представляла собой небольшой пакет рутинных дел. Комитеты можно представить себе как выстроившиеся в длинную очередь для осмотра советом. Если бы они располагались друг за другом в папках, задний комитет отвечал бы за предыдущий и так далее до переднего, совет вступил бы в прямой контакт только с несколькими влиятельными комитетами. Такие комитеты, однако, должны были оказаться непосильными для неопытных членов совета. Кроме того, хотя советники, как представители экклесии и подчиняющиеся ее командам, могли бы должным образом отчитываться перед всеми гражданскими магистратами, не считалось согласным с демократией, что одна группа граждан, занимающих одну гражданскую должность, должна иметь под своим руководством другую группу граждан, также временно занятых на общественных работах. Хотя все комитеты, таким образом, находились в одной плоскости и признавали только совет в качестве своего общего управляющего, работа, которую они выполняли, была отнюдь не одинакового достоинства и важности. Она варьировалась от управления мусорщиками до управления Великой Дионисией.

Все комитеты ежегодно обновлялись. Ни один человек не мог быть членом одного и того же комитета дважды за свою жизнь. В конце года каждый магистрат должен был предоставить неопишимо подробный отчет о своих общественных деяниях сначала специально назначенным ревизионным комиссиям, а затем гелиэе. Получить должность в Афинах было легко, а вот избавиться от нее с честью - очень сложная задача. Ведь для выбора необходимого числа членов каждого комитета использовался жребий из числа граждан тридцати лет и старше, не дисквалифицировавших себя предыдущей службой. Таким образом, теория о том, что один гражданин может быть столь же компетентен, как и другой, для занятия государственной должности, была реализована на практике. Каждый пост ежегодно пополнялся случайной группой новых и обязательно неопытных людей.

При определении конституций Аристотель выдвигает условие полноценной демократии, согласно которому все граждане должны занимать государственные должности по очереди. Согласно этой теории, между количеством мест в Афинах и числом граждан, ежегодно достигающих тридцатилетнего возраста, должно было существовать примерное соответствие. Однако этого не произошло. Даже если предположить, что мужчины были членами совета только один раз и занимали только одну магистратуру в течение жизни, мы

должны включить в наш расчет некоторые из семисот (?) императорских должностей и рассматривать их также как подчиняющиеся условиям пребывания в должности, принятым для внутренних должностей, чтобы достичь требуемого общего числа около тринадцатисот. Естественно, это необоснованный и невыполнимый ряд предположений. Однако разумно предположить, что большинство афинских граждан и практически все те, кто имел привычку посещать собрания экклесии, в молодости занимали, скажем, *демскую*, или муниципальную, должность, в зрелом возрасте - должность в совете, во внутренней или императорской администрации, а в преклонном возрасте - место в реестре шести тысяч присяжных. Вспомните, что триста шестьдесят из пятисот членов совета должны были председательствовать на собраниях пятидесяти и пятисот человек, а при желании и пятидесяти тысяч; обратите внимание, что магистраты должны были не только знать обязанности своей должности, включавшей прием и подготовку дел для передачи на рассмотрение коллегии присяжных, на которых они, кроме того, должны были председательствовать, но и вести счета, которые они должны были защищать в суде; Подумайте о том, что служба присяжных включала в себя выполнение функций судьи и присяжных как во внутренних, так и в имперских тяжбах, и окажется, что знание чтения и письма, которое Клисфен предполагал у всех граждан, не могло далеко завести человека в эпоху Перикла; Он должен был знать парламентские формы, должен был иметь представление об управлении, которое возникает, когда находишься внутри калитки; он должен был настолько хорошо разбираться в законах и юридических процедурах, что мог взять на себя большую личную ответственность за законность всех предложенных им законопроектов и мог аргументировать свои собственные доводы, выступая в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Афинская пословица гласила: "Должность покажет человека". Мы можем быть уверены, что большинство мужчин заранее позаботились о том, чтобы должность не показала их полную некомпетентность. Должно быть, это позволило им по-новому взглянуть на государственные дела. Справедливости ради стоит отметить, что в результате всего этого обычное городское собрание афинян было, с одной стороны, собранием экспертов, а с другой - просто высоким уровнем самодеятельности, сравнимым, пожалуй, с тем, что постулирует мистер Уэллс в своей социалистической Утопии.

Перикл поручил этому собранию высококлассных дилетантов выбирать лучшее среди различных политик, предложенных ему гражданами с исключительными способностями. Экклесия ни в коем случае не закрывала дверь перед лицом таких настоящих экспертов, какими она обладала. Так, она не возлагала на совет составление спецификаций для строительства военно-морских арсеналов или других подобных технических работ, но могла и делегировала такие задачи людям, обладавшим особой компетенцией. Он также не был настолько доктринерским, чтобы доверить командование экспедициями или ведение дипломатии случайным людям; но он избирал своих генералов, переизбирал их так часто, как хотел, и предоставлял им особые права созывать и отменять заседания экклесии и вносить предложения непосредственно на ее рассмотрение. Соответственно, он осознавал всю трудность и опасность, с которой сталкивался при решении вопросов внешней политики, где задействованные элементы - ресурсы, цели, настроения и традиции других государств - выходили далеко за рамки знаний простого гражданина; и где ошибка могла означать непоправимую катастрофу; где, собственно, ошибка *и* означала непоправимую катастрофу.

Самым верным способом избежать ошибки было выбрать одного человека с высоким характером, умом и компетентностью и оказать ему сердечную и решительную поддержку в

той политике, которую он отстаивал. Таким образом, эkkлeсия была великим "состязанием", или *агоном*, государственных деятелей. Афиняне верили в соревнование. Публичное состязание, в котором можно было продемонстрировать и определить превосходство, было организовано для поощрения усилий во всех мыслимых сферах деятельности. Если немного отвлечься, то существовал конкурс гончаров, о чем мы узнаем из надгробной плиты, на которой некий известный клятвенно заверяет, что он был признан первым из всех гончаров Аттики. Вероятно, проводились также состязания художников и скульпторов. Были состязания коневодов - на колесницах и беговых дорожках; состязания атлетов всех возрастов во всех видах физических упражнений, факельщиков - пеших и конных; были состязания между сменявшими друг друга пританиями совета, между отрядами конницы и между пешими полками; На каждом из многочисленных праздников устраивались состязания в пении пяти хоров мальчиков и пяти хоров мужчин, по пятьдесят голосов в каждом, так что для одного праздника требовалось ежегодно готовить пятьсот певцов и создавать десять новых музыкальных произведений; проводились состязания рапсодов в декламации Гомера, состязания риторов; прежде всего состязания трагиков и состязания комедиантов, причем каждое трагическое состязание требовало двенадцати новых пьес в год и участия ста восьмидесяти хоровых певцов и танцоров, а каждое комическое состязание - шести новых пьес в год и ста сорока четырех хоровых певцов и танцоров. Соперничество, которое в наши дни порождает олимпийские рекорды и супердредноуты, афиняне обратили на пользу искусству и музыке: в результате вкус и мастерство ремесленника, скульптора и художника, потребителя и производителя стали почти безупречными; за сто лет существования империи в Афинах было написано и поставлено около двух тысяч пьес высокого качества, а за это же время было создано и представлено от пяти до шести тысяч новых музыкальных произведений. Подсчитано, что ежегодно до двух тысяч афинян должны были заучивать слова и отрабатывать музыкальные и танцевальные фигуры лирического или драматического хора. Таким образом, обычная афинская аудитория должна была состоять в значительной степени из бывших артистов, и этот факт следует постоянно иметь в виду тем, кто изучает Софокла и Аристофана.

Наградой за победу в атлетическом или музыкальном состязании были слава и приз. Велика была и награда, которую получал победитель в высшем состязании - борьбе за политическое лидерство в эkkлeсии. Человек, которому афиняне оказали доверие, стал сильнее царя. "По форме, - говорит Фукидид, - их правительство было демократией, а на деле - правлением самого способного гражданина". Человек, побежденный в гонке на колесницах, мог стать победителем в следующем случае. Но не такова жертва решающего политического поражения. Его судьбой был остракизм. То есть его изгоняли без позора и потери имущества на десять лет. Таким образом, путь для победителя был расчищен. Благодаря этому странному приему афиняне более чем на два поколения избавили себя от проволок и неопределенности отвлеченных советов. Именно остракизм сделал возможным некоронованное царствование Фемистокла, Кимона и Перикла; и когда после смерти Перикла в 429 году до н. э. этот институт полностью их подвел, афиняне стали тянуть то в одну сторону, то в другую соперничающие лидеры; пока, наконец, введенные в заблуждение Алкивиадом и Клеофоном, они не были осуждены катастрофой за то, что не были здоровыми судьями *во внешней* политике.

Ничто не умирает так тяжело, как хорошо возвращенное заблуждение. В романтически-идеалистическом представлении о греках, которое долгое время было актуальным, афиняне находили досуг для искусства, литературы и философии в том, что всю работу за них делали

рабы[25], и таким образом они могли свободно посвящать себя политике. Если это так, то вывод Кэлхуна о том, что рабство "в его истинном свете" было "самой надежной и стабильной основой для свободных институтов в мире", вполне обоснован. Первая ложь заключается в том, что афиняне великой эпохи, доминирующей характеристикой которых была их энергичная умственная и физическая деятельность, были в каком-либо смысле людьми досуга. Те немногие из них, кто имел рабов и другую собственность в размере большого богатства, должны были сами делать инвестиции и управлять ими. Большинство крестьян должны были обрабатывать землю своими руками. Многие граждане - не менее трети от общего числа, по всей вероятности, - должны были зарабатывать на жизнь продажей своей рабочей силы. Во времена империи они могли легко это делать. Ведь в тот период стремительной торговой и промышленной экспансии спрос на рабочую силу был настолько велик, что цену можно было регулировать только постоянным ввозом рабов и непрерывным потоком иммиграции из менее благополучных районов Греции. Сторонний труд служил в Афинах той же цели, что и труд иммигрантов в Соединенных Штатах сегодня. С его ростом росла потребность в том, чтобы материальное процветание, которое он вызвал, продолжалось долго. Проблема снабжения продовольствием становилась все более острой, и вскоре контроль над морем стал экономической необходимостью. Более половины зерна, продаваемого на афинском рынке, в конечном итоге поступало из-за границы, как и еще большая часть сырья для афинской промышленности. "Афиняне - единственный народ в эллинском и варварском мире, - писал один афинский аристократ[26] около 420 года до н. э., - который способен контролировать обильные поставки сырья. Ведь если государство богато древесиной для кораблестроения, где оно найдет для нее рынок сбыта, как не у морских хозяев? Если другое изобилует железом, бронзой или льняной пряжей, где оно найдет рынок сбыта, как не у морского владыки? А ведь именно из этого сырья делают корабли в Афинах. Один город поставляет ей древесину, другой - железо, третий - бронзу, четвертый - льняную пряжу, пятый - воск и так далее. Более того, Афины не позволяют своим соперникам перевозить товары в другие страны, кроме Аттики, угрозой изгнания их с моря".

Требования, предъявляемые государством к времени афинских граждан, были огромны, но не настолько, чтобы затормозить экономическое производство. Сравнение с современными условиями позволит понять это. Чуть реже, чем раз в неделю, собиралась экклесия, но посещаемость обычно составляла менее одной десятой от числа желающих. Это означает приостановку работы, примерно эквивалентную нашим субботам и законным выходным дням. Чуть чаще, чем раз в неделю, происходили состязания или другие общественные праздники, и, похоже, к ним прибегали довольно часто. Они соответствуют нашим ярмарочным дням и воскресеньям. Подготовка к состязаниям была, пожалуй, не более губительной для денежного заработка, чем наши колледжские и университетские курсы. В течение девятнадцати и двадцати лет молодые афиняне из верхней трети общества готовились к службе в армии, но только через столетие после смерти Перикла всеобщая военная служба на аналогичный срок стала обязательной, как в современной Европе. Мы можем предположить, что по крайней мере два года жизни каждого гражданина требовались для совещательной и административной работы; а с учетом императорской службы мы можем, пожалуй, довести это требование до трех. Это колоссальное расширение современных требований. Такое же соотношение дало бы Соединенным Штатам два с половиной или три миллиона государственных служащих, не считая почтмейстеров и почтовых клерков, сборщиков налогов и поденных рабочих всех мастей. Но подобное сравнение вводит в заблуждение. Афины регулярно нанимали комитет из десяти человек для выполнения работы одного человека, в результате чего все они могли уделять девять десятых

своего времени частным делам. Совет в течение года и суды присяжных по его окончании существовали для того, чтобы гарантировать государству, что, даже если коллеги позволят ему, какой-либо чиновник не будет пренебрегать своими государственными обязанностями. Афинская практика также не была дико экстравагантной, пока магистрат получал не живое жалование, а пособие, равное лишь поденной зарплате простого рабочего. Афиняне нанимали четыреста или даже две тысячи присяжных там, где мы нанимаем двенадцать; но у них не было ни высокооплачиваемых судей, ни требовательных адвокатов, которым нужно было платить, поскольку судебная система работала без них. Кроме того, гонорар присяжного был мизерной компенсацией, сравнимой с пенсией по старости, выплачиваемой в прогрессивных странах современной Европы.

Выплата вознаграждения за службу в совете, магистратах, судах присяжных, за посещение театра, музыкального зала и стадиона была перикловским нововведением. Он не собирался создавать класс чиновников, получающих жалование; не собирался он и продвигаться к коммунизму. Его идеалом было политическое, а не экономическое равенство, позволяющее всем, независимо от богатства или положения, использовать возможности и нести обязанности, которые несет с собой демократия. Как и все предшествовавшие ему великие демократические лидеры, он был дворянином по рождению и воспитанию и, как и они, ни на минуту не сомневался, что культура, облагородившая жизнь его класса, сделает достойной и возвысит и массы. Дать рабочему политическую проницательность и знания Евпатридов; придать ему грацию и гибкость движений, которые давала им физическая культура; наполнить его память благородными мыслями, изложенными мелодичными и волнующими словами, которые они получили от близости к великой поэзии; внушить ему, хотя и простому ремесленнику, вкус художника и стремление к формальной красоте - это означало благословить его больше, чем досуг. Это должно было объединить весь народ в сообщество высоких идей и чувств. Это должно было сделать их нацией благородных людей. Мы не удивляемся, что во имя этой цели состоятельные люди в Афинах добровольно взяли на себя финансовую и личную ответственность за содержание театра, оперы, стадионов и гимназий. Это было тяжелое бремя, но в отсутствие регулярного налога на недвижимость или подоходного налога щедрость стала одновременно и долгом, и мудрой предосторожностью.

Нация аристократов - это роскошь, за которую кто-то должен платить. Афины, по памяtnому выражению Перикла, были "школой Эллады". Он считал правильным, что эллины должны чем-то жертвовать ради своего образования. Он пытался сделать их всех союзниками Афин по взносам, но потерпел неудачу. Как хороший школьный учитель, он, тем не менее, был намерен держать "в руках" тех, кто находился под его опекой.

Физическим средством для достижения этой цели был контроль над морем. Преимущества морской мощи в войне, позволяющие ее обладателю ограничивать в соответствии со своим удобством район военных действий, а также облегчающие мобилизацию, транспорт и коммуникации, были впервые осознаны не только английским Адмиралтейством, но и Клаузевицем и капитаном Мэхэном. Вот что говорит о них современник Перикла: "Подданные державы, господствующей на суше, имеют возможность формировать контингенты из нескольких небольших государств и собираться в боевой порядок. Но с подданными морской державы дело обстоит иначе. Поскольку они представляют собой группы островов (а весь мир, заметим мимоходом, сейчас - это просто увеличенный Эгейский архипелаг), их государствам невозможно собраться вместе для совместных действий, поскольку между ними лежит море, а доминирующая держава - хозяин моря. И даже если бы им удалось собраться на каком-нибудь отдельном острове незамеченными,

они сделали бы это только для того, чтобы погибнуть от голода. Что же касается подвластных Афинам государств, которые не являются островными, а расположены на континенте, то крупные из них сдерживаются нуждой, а мелкие - страхом, поскольку нет ни одного государства, которое не зависело бы от импорта и экспорта, и этого она лишится, если не прислушается к тем, кто является хозяином моря. Далее, держава, господствующая на море, может делать некоторые вещи, которые сухопутная держава не может делать; например, опустошать территорию противника, так как всегда можно приплыть к какому-нибудь пункту, где либо нет враждебных сил, с которыми можно иметь дело, либо есть только небольшое тело; и в случае продвижения сил противника они могут сесть на свои корабли и уплыть. Такое выступление сопряжено с меньшими трудностями, чем те, которые испытывает армия, идущая по морскому побережью на помощь. Опять же, для державы, доминирующей на море, открыта возможность покинуть свою территорию и отправиться в сколь угодно долгое плавание. В то время как сухопутная держава не может проложить между собой и своей территорией более нескольких дней пути, поскольку марши - дело медленное, а армия, находящаяся в походе, не может иметь запасов продовольствия на сколько-нибудь продолжительное время. Такая армия должна либо идти по дружественной территории, либо прокладывать себе путь победой в бою. Тем временем путешественник имеет возможность высадиться в любом месте, где он окажется в окружении превосходящих сил; или, на худой конец, плыть по течению, пока не достигнет либо дружественного района, либо врага, слишком слабого, чтобы сопротивляться. Опять же, те болезни, которым подвержены плоды земли, как визиту с небес, сильно бьют по сухопутной державе, но почти не ощущаются морской державой, ибо такие болезни не посещают всю землю одновременно..... Есть только одна вещь, которой не хватает афинянам. Если бы они были жителями острова и по-прежнему, как и сейчас, властвовали на море, они могли бы творить любые злодеяния и не терпеть никакого зла в ответ".

Любой ценой Афины должны были сохранить контроль над морем. Это означало, что флот должен постоянно находиться в боевом состоянии. Для этого афиняне пошли на самые героические финансовые и личные жертвы, наглядно продемонстрировав, что народное правительство не обязательно должно быть самодовлеющим. Ни аристократия в Англии, ни Наполеон во Франции не были столь суровыми хозяевами народа, как большинство, правившее в Афинах. В период с 410 по 402 год до нашей эры - время великого экономического кризиса - обеспеченный гражданин был призван потратить двадцать тысяч франков, которые по покупательной способности, возможно, равны стольким же долларам, на то, что мы можем назвать национальным образованием и развлечениями. Его налоги на содержание флота составляли в те же годы вдвое больше, или сорок три тысячи франков. Как ни велико было бремя богачей, бремя общинников, по признанию их противников, было еще больше. "Прежде всего, - пишет один аристократ в 420 г. до н. э., [28] - справедливо, что более бедные классы и "народ" Афин должны иметь преимущество перед людьми родовитыми и богатыми, поскольку именно народ управляет флотом и опоясывает город своей властью. Рулевой, боцман, лейтенант, наблюдатель на носу, корабельный мастер - вот те люди, которые обеспечивают городу власть гораздо больше, чем тяжелая пехота и родовитые и знатные люди". Плутарх [29] рассказывает, что в мирное время Афины держали на море флот из шестидесяти кораблей в течение восьми месяцев каждого года. Чтобы укомплектовать такую эскадру, потребовалось бы 10 200 гребцов, 480 офицеров и 600 морских пехотинцев. Другими словами, четверть всех граждан Афин должна была жить на своих кораблях три четверти года. Мы могли бы поверить этому сообщению, если бы его не опровергал Аристотель, который в месте, где подозревается преувеличение, а не уменьшение [30], утверждает, что афинский флот, который постоянно находился на службе во время войны, состоял всего из двадцати сторожевых кораблей. Таким образом, двенадцатая

часть, а не четверть всех афинян находилась на действительной морской службе в течение сезона плавания почти каждый год. Кроме того, две тысячи человек ежегодно по жребию призывались на службу в гарнизоны по всей империи, так что, если добавить к ним семьсот (?) императорских магистратов и пятьсот стражников арсеналов, на службе находилась почти еще одна двенадцатая часть граждан.

В этом подсчете не учитываются требования морской войны. В афинских верфях лежали готовые к бою четыреста линкоров, из которых для каждой конкретной экспедиции отбиралось необходимое количество. Если мобилизовывалось двести пятьдесят кораблей, как это иногда случалось, требовалось еще около пятидесяти тысяч моряков. Используя всех возможных граждан, Афины не могли набрать такое количество. Обычно она делала все возможное, а остальное призывала на помощь союзников.

Правда, с союзников взималась дань, чтобы Афины могли строить корабли и платить морякам; но верно и то, что, кроме того, огромные суммы на мобилизационные расходы вносили богатые афиняне, а на тяжелые военные расходы авансировала афинская казна. И Афины безвозмездно отдавали не только свои деньги, но и свою кровь. Сохранился список погибших одного из десяти корпусов, на которые были разделены афиняне для нужд армии и флота, за 459 год до н. э. "Из *филы* Эрехтеиды, - говорится в нем, - вот те, кто погиб на войне, на Кипре, в Египте, в Финикии, в Халии, в Эгине, в Мегаре, в том же году";[31] и далее следуют сто семьдесят два имени. Это не был год великой битвы или афинской катастрофы, однако смертность в нем, должно быть, почти вдвое превышала рождаемость: так дорого обходилась империя ее владыкам в военное время.

По трем конкретным пунктам и по одному общему основанию современники как в Афинах, так и за их пределами осуждали отношение периклийской демократии к своим подданным. Однако ни в одном случае обвинение в плохом поведении не было установлено окончательно, хотя в этом вопросе, как и во многих других в истории Греции, наше суждение зависит от того, в какой момент мы переносим наши симпатии с городов-государств, которые были носителями культуры в греческом средневековье, на весь народ, для прогресса и независимости которого городской партикуляризм был в конечном итоге фатальным. "Конечно, Эллада оскорблена до глубины души, - заявляли противники Перикла,[32] - и явно подвергается тирании, когда видит, что на ее собственные принудительные взносы на войну мы золотим и украшаем наш город, который, подобно распутной женщине, пополняет свой гардероб драгоценными камнями, дорогими статуями и храмами, стоящими миллионы". На это обвинение следовало ответить, что, обеспечив достаточную защиту от Персии, Афины вольны тратить деньги, вносимые подданными, как им заблагорассудится; ведь из этого логически вытекало, что взносы были чрезмерными. Перикл мог не заботиться о том, чтобы быть логичным, но он не мог игнорировать формы. Если бы он смог доказать, как утверждает в последнее время, что использовал на строительные нужды только шестидесятую часть дани, которая была посвящена Афине как первые плоды, на него бы вообще не нападали. Очевидно, он тратил на афинские общественные работы гораздо большие суммы, получаемые косвенно из дани, для защиты которой, по-видимому, использовались деньги, причитавшиеся Афинам за потери, понесенные во время вторжения Ксеркса, и за суммы, внесенные в фонд войны во время продолжения борьбы с Персией. В любом случае, выплаченная дань была пустяком по сравнению с тем, что сэкономили подданные, не имея собственных флотов для содержания.

Более серьезным является обвинение в том, что для того, чтобы "стабильно получать жалование в течение всего года от судебных пошлин", "управлять делами подданных, сидя дома, без затрат на морские экспедиции", "сохранять сторонников демократии и разорять ее противников"; Чтобы поднять бизнес содержателей гостиниц и тому подобных заведений в Афинах и добиться для простых граждан лести и внимания, которые в противном случае оказывались бы только генералам и послам, афиняне "заставляли союзников плыть в Афины для рассмотрения их дел". Очевидно, что афинские суды обычно были настолько забиты тяжбами, что выгода от наличия образцового кодекса законов и избавления от яростной пристрастности местных трибуналов была в значительной степени нейтрализована дополнительными расходами и унижением. Реальным оправданием этой практики было то, что она избавляла от необходимости посылать морские экспедиции.

В-третьих, Афины отбирали у союзников земли и заселяли их безнаказанными афинянами, но в качестве платы за это снижали дань. С другой стороны, тысячи жителей союзных городов переселялись в Афины, и, не избегая военной или финансовой службы, не получая афинского гражданства, они были радушно приняты и в полной мере пользовались торговыми и промышленными преимуществами метрополии. Кроме того, афиняне часто считали менее выгодным вкладывать капитал в аттические земли, подверженные вражеским нападениям, чем в земли на островах империи, которые защищал флот. Поэтому на подвластной территории было много аттических крестьян, право которых на владение чужой недвижимостью было закреплено торговыми договорами. Соответственно, существовала экономическая взаимовыручка, однако военное превосходство Афин привело к тому, что афиняне за границей часто были полицейскими, а союзники в Афинах - заложниками.

Во всех трех случаях предполагаемых проступков следует признать, что защита, предложенная афинскими апологетами, по мнению большинства подданных, лишь усугубляла ущерб. Но для них Афины, высокомерные или примирительные, злодеи или благодетели, всегда были чужеземным правителем, от которого нужно было избавиться любой ценой. Такие бескомпромиссные настроения могло изменить только время, и, чтобы заручиться благосклонностью времени, Перикл старался избежать эллинской войны. Поэтому его политика мира после 446 года до н. э. была разумной политикой империалиста.

Общая причина, по которой современники критиковали афинский режим, заключалась в том, что при нем государство оказывало всяческую помощь наименее культурной части жителей как Афин, так и их четырехсот двадцати подвластных городов, за счет наиболее умных и культурных элементов; что высшей целью усилий была моральная и интеллектуальная посредственность. Возможно, в этом утверждении есть доля истины. Однако дело было бы более убедительным, если бы тенденция критиков отождествлять интеллект с богатством и культуру с рождением была менее очевидной. Если согласиться с этим утверждением, то мы должны принять мнение тех историков, которые утверждают, что Афины были великими в эту эпоху вопреки, а не благодаря своей демократии. Лично я не верю, что это было так. Я не могу признать, что истребление лучших практиковалось в эпоху, когда создавались идеи и совершенствовались формы для их литературного и художественного выражения, которые с тех пор и по сей день вызывают удивление и отчаяние у людей самой высокой культуры. Не кажется ли иронией, что режим, при котором выросли Софокл, Геродот, Фидий, Перикл, Еврипид, Гиппократ, Сократ и Фукидид, обвиняется в поощрении посредственности? Гораздо важнее, чем нивелирующая тенденция демократии, было то, что она давала возможность способным людям подняться на вершину и найти там сочувствующую и критическую аудиторию. Вот вам и демократия.

Империя утверждается тем фактом, что самое резкое обвинение, выдвигаемое сейчас против демократии, заключается в том, что она не смогла сделать империю прочной. По этому поводу последнее слово - если только не считать, что ни один политический строй никогда не был долговечным, а те, которые продержались дольше всего, как правило, были наименее ценными - было сказано Фукидидом^[33] более двадцати трехсот лет назад, и я привожу в заключение его мастерский рассказ об обстоятельствах, которые привели к падению Афинской империи: - "Во время мира, когда Перикл был в состоянии покоя, он сказал

"В мирное время, пока Перикл стоял во главе дел, он правил благоразумно; под его руководством Афины были в безопасности и достигли вершины своего величия в его время. Когда началась война, он показал, что и здесь он верно оценил афинскую силу. Он пережил начало военных действий на два года и шесть месяцев, и после его смерти его прозорливость оценили даже лучше, чем при жизни. Ведь он говорил афинянам, что если они будут терпеливы, будут заботиться о своем флоте, не будут стремиться расширить свои владения, пока идет война, и не будут рисковать существованием города, то победа будет за ними; Но они делали все то, чего он им запрещал, и в вопросах, которые, казалось бы, не имели никакого отношения к войне, из личных амбиций и частных интересов проводили политику, которая имела катастрофические последствия как для них самих, так и для их союзников; их меры, если бы они были успешными, принесли бы честь и выгоду только отдельным лицам, а в случае неудачи - покаречили бы город в ведении войны. Причина разницы заключалась в том, что он, опираясь на свой авторитет и признанные достоинства, будучи к тому же человеком прозрачной честности, мог свободно управлять народом; он скорее руководил им, чем был им руководим, ибо, не ища власти нечестным путем, он не имел нужды говорить приятные вещи, но, опираясь на силу своего высокого характера, мог осмелиться возражать и даже гневить их. Когда он видел их несвоевременное воодушевление и высокомерие, его слова смирляли их и приводили в трепет; а когда они были подавлены беспочвенными страхами, он стремился возродить их уверенность. Таким образом, Афины, хотя и оставались демократией по имени, фактически управлялись своим величайшим гражданином. Но его преемники были скорее на равных друг с другом, и, борясь за право быть первым, каждый был готов принести все ведение дел в жертву прихотям народа. Такая слабость великого и царственного города привела ко многим ошибкам, самой большой из которых была сицилийская экспедиция; не то чтобы афиняне неверно оценили силу своего врага, но сами они, вместо того чтобы советоваться об интересах отправленной ими экспедиции, были заняты интригами друг против друга за руководство демократией, и не только стали небрежны в управлении армией, но и впервые оказались втянутыми в гражданские раздоры. И все же, потеряв в сицилийской экспедиции большую часть своего флота и армии, отвлеченные революцией внутри страны, они три года держались не только против своих бывших врагов, но и против сицилийцев, объединившихся с ними, и против большинства своих собственных союзников, поднявших восстание. Даже когда Кир, сын царя, вступил в войну и снабдил пелопоннесский флот деньгами, они продолжали сопротивляться и в конце концов были свергнуты, но не врагами, а самими собой и своими внутренними разногласиями".

Подобное обобщение, по стилю строгое и авторитетное, по содержанию - продукт проницательности и прекрасного чувства политических реалий, не только свидетельствует о величии Фукидида; если сравнить его с аналогичными анализами Платона и Аристотеля, оно свидетельствует об утрате Грецией способности к устойчивому историческому мышлению, когда гениальные люди перестали обогащаться опытом, полученным в результате жизни в государстве, подобном афинской имперской демократии. Не последним достоинством книги

является ее самоограничение. Придя к выводу, что безрассудное соперничество потенциальных лидеров и безрассудные разногласия граждан погубили Афины, он воздерживается от того, чтобы назвать причину духа беззакония. Не Фукидид, а Алкивиад заявил, что демократия - это "явное безрассудство"; не он, а Клеон повторил, что "демократия не может управлять империей". Фукидид не отчаивается в демократии. В случае с Афинами не столько неразумность "большинства", сколько эгоизм "остатка" привел нацию к гибели. Однако за деморализацию своих лидеров сами афиняне возложили ответственность на Сократа, намереваясь обвинить софистическое движение. Кто скажет, что они были неправы? И кто возложит на демократию ответственность за зло, причиненное софистическим движением?

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Виламовиц-Мёллендорф, Ульрих фон. *Von des attischen Reiches Herrlichkeit* (1877). In *Reden und Vorträge*, pp. 27 ff.
2. Жебб, Р. К. *Эпоха Перикла* (1889). В "Эссе и обращениях", с. 104 и далее.
3. Meyer, Eduard. *Geschichte des Altertums*, IV (1901).
4. Wilamowitz-Moellendorff, Ulrich von. *Staat und Gesellschaft der Griechen* (1910): C. *Die athenische Demokratie*, pp. 95 ff.
5. Циммерн, Альфред. *Греческое содружество* (1911).
6. Cavaignac, E. *Histoire de l'Antiquité*, II: *Athènes* (480-330), (1912).

ССЫЛКИ:

[18] Стр. 27 и далее.

[19] Delbrück, *Die Perserkriege und die Burgunderkriege*, pp. 137 ff.; Beloch, *Griechische Geschichte*, I (1893), p. 368, n. 3.

[20] Thucy., II, 36, 2.

[21] Thucy., II, 37 ff.

[22] О следующих разделах см. особенно "Конституцию афинян" Аристотеля.

[23] Семь центов, равные по покупательной способности тридцати пяти центам, возможно.

[24] Greenidge, *Greek Constitutional History* (1896), pp. 170 ff.

[25] См. в частности Ed. Meyer, *Die Sklaverei im Altertum (Kleine Schriften)*, pp. 169 ff.).

[26] Псевдо-Ксенофонт, *Государство афинян*, II, 10. (Перевод, используемый здесь и в других местах, с некоторыми изменениями, принадлежит Дакинсу).

[27] Pseudo-Xenophon, *State of the Athenians*, II, 2 ff.

[28] Pseudo-Xenophon, *State of the Athenians*, I, 2.

[29] Plut., *Pericles*, XI, 4.

[30] *Const. of the Athenians*, 24, 3.

[31] Bury, J.B., *A History of Greece* (1900), p. 355.

[32] Plut., *Pericles*, 12. (Перевод Перрина.)

[33] Thuc., II, 65, 5 ff.

III

ОТ СПАРТЫ ДО АРИСТОТЕЛЯ

Любопытная легенда о спартанцах возникла в эпоху, последовавшую за завоеванием Персии Александром Македонским. Тогда сообщалось, что они были родственниками иудеев. Согласно одной из версий, Иудею основал спартанец по имени Иудей, который сопровождал бога Диониса из Фив во время его триумфального шествия по Азии. По другой версии, спартанцы были потомками Авраама, а самые сильные из детей Израиля переселились в Грецию в то время, когда Моисей вывел остальных из Египта в землю Ханаанскую[34].

Эта абсурдная легенда, греческое происхождение которой не вызывает сомнений, похоже, послужила причиной некоторого *сближения* двух народов. Несмотря на первую книгу Маккавеев, которая утверждает обратное, действительно невозможно, чтобы Арей I, царь Спарты между 308 и 264 гг. до н.э, писал Онии I, иудейскому первосвященнику, требуя и предлагая общину товаров, и что Ионафан Маккавей, спустя сто пятьдесят лет после этого, послал приветствие спартанцам вместе с сообщением, что иудеи "во все времена без перерыва и в праздники, и в другие удобные дни вспоминали их в жертвах, которые они приносили, и в молитвах, по разуму, и как им подобает думать о своих братьях"[35]. "[35] Нет ничего более маловероятного, чем то, что спартанцы добровольно разделили свой "скот" и имущество с иудеями всего лишь за некоторое время до того, как они с большим кровопролитием подавили коммунистическое движение среди своих собственных граждан, если только не считать, что молитвы и жертвы иудеев постоянно возносились к Иегове за процветание язычников, которые также были отступниками. Тем не менее, в том, что между Иудеей Онииаса и Ионафана и Спартой Арея и Меналкида действительно были установлены связи, сомневаться не приходится; кроме того, у нас есть и другие свидетельства того, что предполагаемая общность происхождения была обращена иудеями в свою пользу. Очевидно, что в Спарте существовало значительное еврейское поселение.

Когда мы пытаемся найти причину этого странного соединения воинской общины Евротаса и религиозной общины Иордана, нам помогает наблюдение, что в другой эллинистической легенде евреи считаются родственниками гимнасисто́в, или голых философов, из Индии. В это время греческий ум был увлечен великой проблемой подчинения видов вещей их соответствующим родам, постижения типов, с помощью которых отдельные объекты становились понятными частями космоса. Это был век Аристотеля и Теофраста, Менандра и Новой комедии, идеалистического портрета. Отсюда непреодолимый соблазн свести к семейным отношениям различные человеческие общества, в которых господствовал кастовый принцип; считать несущественным, что в Иудее народ поддерживал жрецов, в Лаконии - воинов, в Индии - брахманов. В каждом случае находилось странное сообщество, в котором, по крайней мере, насколько государство могло это осуществить, все

человеческие интересы были подчинены одному, будь то война и подготовка к ней, религиозные обряды ритуального характера или теософские спекуляции.

Если бы греки знали об этом, между спартанцами и иудеями существовала еще одна внешняя аналогия, которую они с удовольствием бы установили. Ведь примерно в то же время, когда в Иудее богатая разнообразием национальная жизнь была сведена к единственному интересу под влиянием полной озабоченности средствами восстановления благосклонности Иеговы к его избранному народу, Спарта безжалостно сжимала и подавляла многогранную и прогрессивную культуру, чтобы ее граждане стали обученными солдатами, обладающими лишь одним *esprit* - *esprit de corps* профессиональной армии.

До 580 года до н. э. Спарта была родиной поэтов и музыкантов. Именно для хора спартанских дев, элиты знатных родов, Алкмена написала изысканные строки о бездыханном спокойствии природы, которые Гете сделал знакомыми всем любителям поэзии. В пологой Лакедемонне - долине, богатой растительностью, наводящей на мысль об обильных урожаях, по скалистому дну которой стремительно и бурно течет стально-серый Евротас, а по обе стороны возвышаются заснеженные хребты Тайгета и Парнона, склоны которых перекликаются с песнями соловьев в брачный сезон, - в этом уединенном месте, чья призрачная красота навсегда остается радостью для всех, кто ее видел, был воздвигнут знаменитый храм Афины, "Афины из медного дома", в то время как в самих Афинах богине-покровительнице города приходилось довольствоваться грубым, примитивным святилищем.

Все это и многое другое было замечено Эдуардом Мейером двадцать лет назад;^[36] так что изумление, с которым английские археологи, проводившие раскопки в Лаконии в течение последних пяти-шести лет, сообщают о своих замечательных "находках", не может не забавлять настороженного человека. Они обнаружили, что до 580 г. до н. э. в Спарте изготавливали художественную керамику, которую знали и которой подражали в далеких Киринее и Тарентуме; что тогда у нее были торговые отношения с Египтом и Лидией; что "гребни, туалетные коробки, сложные булавы и бронзовые украшения, печати, ожерелья, золотые и слоновьи украшения" изготавливались и использовались - свидетели "золотого века спартанского искусства", *вопреки* пуританскому духу, традиционно приписываемому ранней и средней Спарте^[37].

В Афинах, как мы видели, превосходство в искусстве и литературе было достигнуто путем распространения среди граждан духа и культуры аристократии; весь народ, обогороженный таким образом, опирался на плечи союзников-трибунов и обогащался за счет торговых преимуществ морской империи. Развитие Спарты было прямо противоположным этому. Там аристократия, чья буйная жизнь и отзывчивость на чувственные впечатления засвидетельствованы с достаточной степенью достоверности, была уничтожена в шестом веке до нашей эры.

Это столетие было периодом репрессий в Греции в целом, поэтому некоторые историки называют его эпохой греческой Реформации. Это время "семи мудрецов", от одного из которых произошел дельфийский девиз "ничего лишнего", время, когда буйная радость жизни и свежая спонтанность так называемого ионийского возрождения были усмирены силой, которая могла бы быть повсеместным бедствием, - как в Спарте, - но которая на самом деле, когда позже пришло вдохновение великой персидской войны, проявила мягкую сдержанность, которая отмечает классику в греческом искусстве и письме. В этот опасный период погибла аристократия Спарты, а вместе с ней идеалы и достижения, выразителем которых она была.

Инструментом подавления всего, что было выше среднего в спартанской жизни, стала коллегия из пяти эфоров, которую Цицерон сравнивает с трибунатом в Риме. Эфоры приобрели такую власть, что поставили продолжение царской власти в зависимость от подчинения царей их авторитету; а царям, как и всем остальным, они навязывали новые нормы права, живыми выразителями которых они являлись.

Развитие Спарты, как и развитие Рима, от аристократического к республиканскому правлению характеризуется отсутствием тиранов. Дело в том, что трибуналы в одном случае и эфорат в другом были тиранией по поручению, а разделение полномочий между десятью и пятью ежегодно сменяющимися должностными лицами соответственно оказалось достаточной защитой от концентрации исполнительной власти в лице одного человека, будь то наследственный царь, лишенный монархических прав, или честолубивый демагог, стремящийся к их восстановлению.

Новые нормы права, которые вводили эфоры, в мельчайших подробностях описывали жизнь гражданина с момента его рождения до смерти. Это были правила военной школы, в которой учили только войне, и военных казарм, когда война уже была объявлена. С семи лет до шестидесяти вся энергия мужской половины населения была направлена на подготовку к войне. Мальчики и мужчины тренировались и охотились, учились пользоваться оружием и участвовали в походах, танцевали и занимались спортом, ели в "столовых" из года в год, и никогда не уходили от бдительного ока инструкторов, субалтернов, офицеров и эфоров.

Никому в Спарте не приходилось самостоятельно прокладывать себе дорогу в жизни. Весь его путь был расписан еще до рождения. Ни один гражданин не имел никаких деловых забот, ибо на торговлю и промышленность было наложено табу, а земли, которые он получал в наследство, он не мог продать. Не мог он и купить чужую. Сельскохозяйственные рабочие были крепостными, угрюмыми и непокорными гелотами, которых было пятнадцать на каждого спартанца; одежду и оружие делали довольные и послушные перизки, которых было больше, чем спартанцев, пять к одному, и которые со своими ста деревнями и прилегающими к ним территориями составляли изолированную группу вокруг гелотов и спартанцев. Железные деньги были единственной местной валютой, хотя серебро, конечно, приходилось давать в оплату за товары, которые привозили из-за границы. Однако их количество было сведено к минимуму, а иностранцев, пробившихся через стену Перизка, периодически собирали и насильно изгоняли.

Без всех прелестей прежней жизни спартанцы предпочитали обходиться. Грубая еда и некрасивые дома, площади, лишенные статуй и заключенные в неприглядные и хлипкие общественные здания; никаких театров, никакой новой музыки, никаких новых идей; матери, которые безропотно отказывались от своих маленьких детей и взрослых сыновей; жены, которые нарушали основные инстинкты, чтобы их потомство было более совершенным; беспризорные мальчишки, которые ходили полуголыми зимой и летом, спали в загонах под открытым небом, как скот, и добывали себе пищу и жизнь своим умом; девушки, которые едва ли узнали бы своих братьев, невесты, которые едва ли узнали бы своих мужей, матери, которые едва ли смогли бы отличить своих собственных сыновей, если бы не то, что братьев, мужей и сыновей было меньше пяти тысяч - такова была новая Спарта, гражданам которой эфоры ежегодно приказывали "сбрить усы и подчиняться законам". Длинноволосые и рыжебородые, группами примерно по пятнадцать человек, они отдыхали, ели и спали в трехстах палатках, или казармах, которые выстроились вдоль улицы Гиацинтов. Там они хранили свои длинные копья и доспехи. 38] Оттуда, облаченные в алые плащи, они выходили

во время опасности или войны, чтобы занять свои места, группа за группой, в пяти тщательно обученных полках, из которых состояла спартанская фаланга. Спокойно, в назначенный час одной ночи, вся армия могла без смятения уйти, прихватив с собой, по случаю, тридцать пять тысяч гелотов для обслуживания комиссариата. Пять тысяч перийских гоплитов могли следовать за ним по пятам, а десять тысяч лакедемонских солдат с машинной точностью, под звуки флейт, играющих в строгом дорийском ладу, могли вступить в бой с врагами, которые всегда были сравнительно плохо организованы и часто бежали, не успев нанести ни одного удара.

Секрет этого странного извращения естественной жизни человека следует искать в объявлении войны, которое эфоры ежегодно объявляли гелотам. Они не могли последовать за ним, проведя кампанию в обычном порядке, поскольку это означало бы уничтожение их собственных крепостных. Но они отбирали молодых солдат и рассылали их среди гелотов с указанием тайно уничтожать всех, кто покажется им беспокойным или слишком амбициозным. Главный центр недовольства гелотов, по крайней мере в седьмом и шестом веках до нашей эры, находился на дальнем склоне горы Тайгет в Мессении. Там иго крепостного права тяготило больше, чем в других местах, и не в последнюю очередь потому, что те, чьи поместья мессенские гелоты обрабатывали за половину урожая, жили за заснеженным хребтом, закрывающим страну с востока. Мессенцы стремились вернуть себе утраченную независимость. У гелотов долины Евротаса таких стремлений не было. Поэтому они медленнее восставали против несправедливости, но их целью, когда восстание *все-таки* произошло, могло быть только уничтожение своих хозяев или, по крайней мере, обмен с ними положением. Кроме того, сама близость к пяти деревням, составлявшим город Спарту, и их численность заставляли спартанцев жить в постоянном страхе перед резней. Постоянная готовность к войне была, соответственно, простым предписанием самосохранения.

Спартанцы считали неразумным, чтобы какое-либо из их крепостных хозяйств находилось в кольце земель Перизека или за его пределами. Нельзя было допустить, чтобы через стену, так сказать, выходили во внешний мир гелиоты, или чтобы за стеной находились массы гелиотов, подвергавшиеся прямому воздействию чужеземных манипуляций. Поэтому образование кольца Перизека установило определенные границы территории Спарты. Расширить ее можно было только одним способом - за счет все новых и новых периферийных государств. И именно таким образом спартанские владения были фактически расширены в седьмом веке до нашей эры[39].

Однако в конце этого века Спарта вступила в конфликт с городами, которые, в отличие от горных и приморских деревушек, расположенных вокруг Лаконии и Мессении, были слишком сильны и высокодуховны, чтобы подчиниться спартанскому контролю. Поэтому к ним приходилось относиться снисходительно, поскольку Спарта не могла их полностью подавить и не хотела оставлять в покое. А причины для примирительных действий усиливались тем, что Спарта теперь должна была действовать за границей с оглядкой на возможность подневольного восстания дома. Во внешней политике эфоров никогда не было ничего механического или идеалистического. Поэтому сначала с Тегеей в 560 г. до н. э., а затем со всеми государствами Пелопоннеса, кроме Аргоса и Ахейи, Спарта заключила договор, империалистический аспект которого заключался в том, что они соглашались по отдельности принимать вождя Спарты во всех оборонительных и наступательных войнах, на которые они соглашались.

Образованная таким образом Пелопоннесская лига отстаивала автономию и свободу своих членов, но Спарта, выступая за аристократию против тиранов и демократии и используя в своих интересах ревность своих союзников, а также их страх перед внешними силами, доминировала в ней в течение ста восьмидесяти лет и сделала ее на протяжении всего этого времени главным поддерживающим влиянием в греческой политике. Дважды она превращалась в эллинскую лигу: сначала в течение трех лет после великого персидского нашествия (480-478 гг. до н. э.), а затем в течение десяти лет после распада Афинской империи (405-395 гг. до н. э.). В первом случае эфоры почувствовали облегчение от непосильного бремени, когда в 477 году до н. э. эгейские города, числом более четырехсот двадцати, отказались от спартанского руководства в пользу афинского. И в течение последующих сорока шести лет не они, а афиняне были агрессорами. В эту эпоху демократического пыла[40] поборникам аристократии было нелегко сохранить свои позиции, а война политических принципов была перенесена даже в Спарту, когда в 464 году до н. э. гелоты Мессении предприняли последнюю отчаянную борьбу за свою свободу. Однако в последней трети V века до н. э. спартанцы извлекли выгоду из дискредитации демократии среди культурных людей благодаря ошибкам и эксцессам Афин; и в конце Пелопоннесской войны они снова смогли превратить Пелопоннесскую лигу в эллинскую, включив в нее Афины и эгейские города, которые они только что "освободили" от афинской тирании.

Успешная война может укрепить нацию, но не тогда, когда победа возлагает на нее непосильную задачу. Так было бы, если бы Афины победили в Сиракузах. Таков был вопрос о *Ægospotami*. В этом мы можем легко убедиться, кратко рассмотрев сначала ситуацию в Спарте, а затем положение Спарты в Элладе во время существования ее второй эллинской лиги.

Спартанцев военного возраста теперь насчитывалось всего около двух тысяч. Война внесла свою лепту в сокращение их численности до этой горстки. Еще большее влияние оказали тесные межродовые браки. В случае с большими семьями раздел участков, который тогда произошел, настолько обеднял сыновей, что они больше не могли выдерживать расходы на военные клубы, от членства в которых, однако, зависело гражданство. Зло, заложенное в этом условии, зашло так далеко, что братья отказывались делить наследство и владели не только одним домом, но и одной общей женой. Мужчины не могли ни покупать, ни продавать землю, но могли приобретать ее по браку или в дар; а поскольку богатые, как и всегда, были склонны жениться между собой, собственность, а вместе с ней и гражданство, в конечном итоге оставались во владении очень немногих. Большая часть земли, которая была единственным богатством, перешла в руки женщин. Таким образом, в Спарте развивалась плутократия по мере уменьшения числа спартанцев, а внутренняя ситуация становилась еще более злоедейской из-за роста в городе значительного числа бесправных и недовольных "низших" и полукровок.

Опасности, которые таила в себе эта ситуация, раскрывает следующий инцидент, описанный Ксенофонтom в его *"Эллинике"*: [41]

"Агесилай (401-360 гг. до н.э.) не пробыл на троне и года, когда, когда он приносил одну из назначенных жертв от имени города, прорицатель предупредил его, сказав: "Боги открывают заговор самого страшного характера"; когда царь приносил жертву во второй раз, он сказал: "Вид жертв теперь еще более ужасен"; когда же он принес жертву в третий раз, прорицатель воскликнул: "О Агесилай, мне дано знамение, как будто мы находимся в самой гуще врагов." После этого они принесли жертву божествам, отвращающим зло и творящим спасение, и, едва получив добрые предзнаменования, прекратили жертвоприношения. Не прошло и пяти

дней после окончания жертвоприношений, как к эфорам пришел некто, сообщивший о заговоре и назвавший зачинщиком Чинадона - молодого человека, крепкого телом и душой, но не принадлежащего к числу пэров. Эфоры спросили своего осведомителя: "Как, говоришь ты, должно произойти это событие?", и тот ответил: "Цинадон отвел меня на предел рыночной площади и велел сосчитать, сколько спартанцев на ней; и я сосчитал - царей, и эфоров, и старейшин, и прочих, может быть, сорок. *Но скажи мне, Цинадон*, - спросил я его, - *почему ты велел мне сосчитать их?* И он ответил мне: *Эти люди, я хочу, чтобы ты знал, - твои заклятые враги; а все остальные, более четырех тысяч, собравшиеся там, - твои естественные союзники.* Затем он повел и показал мне на улицах, здесь одного и там двух наших врагов, как только мы случайно на них наткнулись, а всех остальных - наших естественных союзников; и так снова пробежав по списку спартанцев, которых можно было найти в сельских округах, он все еще продолжал твердить: *Смотрите, в каждом поместье один враг - хозяин, а все остальные - союзники!* Эфоры спросили: "Сколько, по твоим подсчетам, их в тайне? Доносчик ответил: "По этому поводу он также дал мне понять, что в их тайне не так уж много тех, кто стоит во главе дела, но те немногие, на кого можно положиться; *а для того*, сказал он, *мы сами находимся в их тайне, все остальные - гелоты, бесправные, низшие, перизки, все до одного.* Обратите внимание на их поведение, когда спартанцы случайно становятся темой их разговора. Никто из них не может скрыть, с каким удовольствием он съел бы каждого спартанца сырым". Затем, по мере продолжения расспросов, последовал вопрос: "А где они собираются искать оружие? Последовал ответ: "Он объяснил, что у тех из нас, кто зачислен в полки, конечно, уже есть свое оружие, а что касается массы, то он повел меня в военную литейную мастерскую и показал мне десятки и десятки ножей, мечей, кос, секир, топоров и жатвенных крючьев. *Все или все*, сказал он мне, *что люди используют для копания земли, рубки леса или добычи камня, подойдет для нашей цели; более того, инструменты, используемые для других искусств, в девяти случаях из десяти обеспечат достаточное количество оружия, особенно в борьбе с безоружными противниками*". Когда его снова спросили, в какое время должно начаться дело, он ответил, что ему приказано *не покидать город*".

Эфоры, желая удалить Цинадона из Спарты, не вызывая подозрений, отправили его с миссией в Аулон. Он должен был арестовать несколько человек, и среди них "женщину, модную красавицу этого места, которая должна была быть архиразвратницей всех лакедемонян, молодых и старых, посещавших Аулон". Сопровождающие схватили его и вырвали у него имена сообщников. "Его судьба заключалась в том, что его немедленно вывели в кандалах, как он был, и, зажав двумя руками и шеей в ошейник, под бичом и козлами погнали по городу, его самого и его сообщников. Так на головы этих людей, - заключает благочестивый Ксенофонт, - было возложено наказание за их преступление".

Перед лицом подобных опасностей спартанцы должны были действовать осторожно. Они призвали в свою армию перизков, чтобы она насчитывала около пятидесяти шести сотен человек. Они отбирали гелотов, обучали их, освобождали и использовали в качестве солдат за границей. Они брали на службу наемников и распределяли их в соответствии с местными потребностями под началом спартанских капитанов, действуя, однако, всегда по просьбе местных правительств. Они получали большие контингенты войск от своих старых союзников, которых, однако, оставляли свободными от дани, финансируя свое

правительство за счет тысячи талантов, ежегодно собираемых с бывших союзников Афин. На полученные таким образом средства они нанимали гребцов и морских пехотинцев на военные корабли, которые поставляли их союзники, и таким образом патрулировали как море, так и сушу. Они получили моральный мандат на создание империи, поддерживая везде аристократию, настоящую или мнимую, против демократии, и взяв на себя роль защитника Греции от варваров. Это, однако, не помешало им заключить союз с Дионисием I,^[42] который только что стал тираном Сиракуз, или работать в согласии с Персией, пока это было возможно.

"Рост Лакедемонии, - писал Тимолай Коринфский^[43] в 394 году до н. э., - кажется мне подобным росту могучей реки: в истоках она мала и легко преодолима, но по мере ее дальнейшего продвижения в ее русло впадают другие реки, и ее поток становится все более грозным. Так и с лакедемонянами. Если взять их в начале пути, то они представляют собой всего лишь одну общину, но по мере продвижения вперед и присоединения города за городом они становятся все более многочисленными и все более стойкими. Я заметил, что когда люди хотят захватить осиные гнезда - если они пытаются схватить тварей на крыло, то на них нападает половина улья; если же они обстреливают их до того, как те покидают свои дома, то овладевают ими без потерь. Исходя из этого, я считаю, что лучше всего устроить битву в самом улье или, если не сказать больше, как можно ближе к Лакедемону".

Совет был дельным, но осы не могли быть пойманы дома. Только когда Афины победили спартанцев на море, а Фивы - на суше, Эпаминондас добрался до улья. Он развалил Пелопоннесскую лигу, освободил мессенских гелотов и заменил некогда значительную державу, которая двести лет спасала Пелопоннес от серьезных нападений, множеством маленьких городов-государств, подобных тем, что существовали в других частях Греции - точнее, таких, какие существовали в других частях европейской Греции, когда несколько лет спустя, после смерти Эпаминондаса, господство Фив прекратилось, Афины были покинуты государствами, которые присоединились к ней против Спарты, а империя Дионисия I на западе вскоре после его смерти распалась на составные части.

Теоретически условия должны были быть идеальными. В случае с греками глубоко укоренившийся человеческий инстинкт сравнивать настоящее с прошлым в невыгодном свете не был сдержан теорией эволюции, задуманной как прогресс, которая вводит в заблуждение многих здравомыслящих людей в наши дни, когда они считают, что чем дальше в прошлое, тем более примитивными становятся политические и социальные условия. Золотой век греков лежал в "темной глубине и бездне времен". В ранние времена, до возвышения спартанской и афинской империй, каждый город, как считалось, "жил в мире, свободно и автономно, надежно владея своей территорией". Более века люди боролись за возвращение тех благословенных времен, и вот, наконец, их усилия, как могло показаться, увенчались успехом. Каждый город Греции, великий и малый, очевидно, вновь обрел свободу и автономию.

В то же время люди прилагали настойчивые усилия, чтобы восстановить в каждом городе "конституцию отцов", и при спартанской гегемонии, казалось бы, наступила благоприятная возможность успеха в этой кампании. Но тут выяснилось, что, помимо общего понимания того, что гражданство должно быть предоставлено тем, кто может позволить себе платить налоги и обеспечивать себя оружием и знаниями об оружии, необходимыми для ведения войны, ни один человек не был согласен с тем, что такое "конституция предков". В действительности она оказалась идеалом каждого реформатора и каждого политика, а поскольку эпоха была такой, когда большинство обычных сдерживающих факторов отсутствовало, как редко бывает в истории цивилизованного человека, переход от

непопулярного идеала к заговору был необычайно резким. Результат попыток восстановить городской партикуляризм средневековой Греции и конституции восхваляемой старины оказался неудовлетворительным для всех. Бесплодные войны города с городом вместо крупных предприятий, направляемых имперскими амбициями; атмосфера мутных заговоров и контрзаговоров там, где когда-то дул сильный ветер стабильного гражданского прогресса; и, кроме того, национальные бедствия и унижения, несмотря на явное военное превосходство - таковы были горькие плоды политической реакции в Греции во времена спартанского господства.

Именно в эту несчастную эпоху зародилась наука управления, и она несет на себе ее отпечаток до сих пор. Повивальной бабкой, выражаясь по-домашнему, был Сократ, которого афиняне, по словам Аристофана, предали смерти "за развращение юношества и введение чуждых богов". Он, конечно, отверг обвинения и заявил, что заслужил почести общественного благодетеля за то, что брал людей по отдельности и показывал им, как плохо они понимают добродетели, на которых основано любое общество, а именно: справедливость, мудрость, воздержание и мужество. Никто, считал он, не сможет сделать их лучшими гражданами, кроме как пропагандируя истину и рассеивая невежество в отношении этих вещей. Его казнь освятила его миссию. Это был посев зубов дракона, из которых выросли вооруженные воины, самыми смелыми из которых были Платон и Аристотель.

Порок сократовской школы был благородным - безмерное преувеличение ценности образования. "Истина - начало всякого блага, - говорит Платон, - как для богов, так и для людей; и тот, кто хочет быть блаженным и счастливым, должен с самого начала приобщиться к истине, чтобы жить правдивым человеком как можно дольше, ибо тогда ему можно доверять; но нельзя доверять тому, кто любит добровольную ложь, а тот, кто любит невольную ложь, - глупец". Разумеется, существует только одна истина; открыв ее, нужно учить; научив, нужно действовать, поскольку, если люди действительно знают, что правильно, невозможно, считал Платон, не обращая внимания на слабость или упрямство человеческой воли, чтобы они этого не делали. "Открыть истину". "Научи этому". Таковы две сократовские заповеди.

Я не собираюсь излагать политическую философию Платона и Аристотеля,^[45] но хочу сделать нечто гораздо более скромное: объяснить, где и почему они упустили истину в вопросе греческого империализма, и обратить внимание на некоторые исторические силы, которые они проигнорировали. Если я рассматриваю "*Законы*", а не "*Республику*" Платона, то только потому, что это его более зрелая и менее образная работа.

Именно на своем непосредственном настоящем сосредоточил Платон свое внимание; к анализу его политической и нравственной силы и слабости он обратил свой пронизывающий ум; для его улучшения он писал, учил и страдал. Прошлые творениями собственной буйной фантазии, народных заблуждений, несовершенных знаний. Его можно легко уличить в грубых исторических ошибках. И что еще более серьезно, у него нет ни настоящего уважения к исторической правде, ни чувства реальных факторов в историческом развитии. Без малейшего угрызания совести, не прилагая ни малейших усилий для установления фактов, Платон изменяет божественную и светскую историю своего народа так, чтобы она служила его целям. И делает он это из принципа: "Законодатель, - говорит он,

-[46] должен только поразмыслить и выяснить, какая вера принесет наибольшую пользу обществу, а затем приложить все усилия, чтобы заставить всю общину всю жизнь произносить одно и то же слово в своих песнях, сказках и беседах". Неприятным моментам в священной истории он уделяет мало внимания. Поскольку боги совершенны, любое сообщение, порочащее их репутацию, должно быть ложным. История человечества решается по аналогичной формуле; поскольку справедливость - *непременное условие* общественного и частного процветания и счастья, все сообщения, утверждающие сочетание несправедливости с благополучием или праведности с несчастьем, нуждаются в исправлении или пресечении.[47] История, соответственно, становится счастливым местом охоты за назидательными историями. Она сразу же перестает давать уроки, которые, будучи основаны на реалиях человеческого опыта, возможно, менее уместны, чем хотелось бы политическому теоретику, но тем не менее ценны.

Поглощенность Платона настоящим привела к тому, что он неверно оценивал не только прошлое, но и будущее. Ибо ложный стандарт, которым он оценивал политику и институты прошлого, не менее характерен, чем ложное суждение, которое он сформировал о дрейфе современных событий. Будущее принадлежало не автономным, архаизирующимся городам-государствам, как он мечтал, а движению за их объединение, которое он осуждал. Он пытался исправить городские конституции, когда мир требовал создания более крупных территориальных государств. Он с вниманием следил за внутренней политикой, в то время как внешняя политика была главным предметом внимания.

Взгляд на идеальное государство, изображенное Платоном в "*Законах*"[48], показывает, в каком смысле он читал свою историю. Его граждане должны иметь "умеренное питание и одежду", последнее - за счет "поручения занятий искусством другим", первое - за счет получения от земли, которую рабы обрабатывают за часть урожая, "дохода, достаточного для людей, живущих умеренно". У них должны быть "общие столы, за которыми мужчины располагаются отдельно, а рядом с ними - общие столы их семей, их дочерей и матерей, которые день за днем должны осматривать офицеры, мужчины и женщины". Однако они не должны жить откормленными, как звери, потому что "такая жизнь не справедлива и не почетна, и тот, кто ее ведет, не может не получить положенного; а должная награда праздного откормленного зверя - это то, что он должен быть разорван на куски каким-нибудь другим доблестным зверем, чей жир истощен отважными делами и трудом".

Естественно, Платон не хочет, чтобы его идеальные граждане встретили столь бесславный конец. Он предписывает им режим жизни, в котором после тщательно воспитанного детства три года отводится на чтение и письмо, еще три - на обучение игре на лире, остальные - на изучение арифметики, геометрии, астрономии и права, а также на занятия танцами, борьбой, бегом, охотой и многими видами военных упражнений. Следует заметить, что граждане, которых таким образом защищают от жирного вырождения, - это не только мужчины, но и женщины.

Детские сказки предписаны и неизменны, как и музыка, танцы и поэзия. Изучаются законы содружества, которые должны быть привиты каждому гражданину. Моральные и религиозные идеи должны быть зафиксированы, а за инакомыслие полагается смерть. Все должно быть строго определено: количество домов, ферм, граждан, детей, торговцев, ремесленников и иностранцев, максимальное и минимальное богатство каждого. Другими словами, общество, которое Платон в старости представил в качестве модели, не является полным коммунизмом, как в его более молодой и более известной "*Республике*". Это просто система государственного контроля, доведенная до логической крайности, - исправленное и усовершенствованное издание Спарты.

То, что хорошо воспитанный афинянин, испытывая отвращение к свободе действий, возникающей из-за того, что люди живут, как им вздумается, задумал заключить всех граждан в административную смиренную рубашку, неудивительно. Многие из нас сегодня возражают против "широко открытого города". Но то, что Платон, чьей практикой в дискуссии было "следовать за аргументом, куда бы он ни вел", должен был идеализировать государство, в котором свобода мысли и свобода слова полностью отрицались, показывает (даже если мы сделаем все допущения для идеи, что, если бы все было идеально, а есть только одно совершенство, все изменения должны быть вредными), насколько нереальным и вовлеченным в самопротиворечие было мышление лучших греков в этот век реакции.

Теория индивидуальной свободы, применявшаяся в Афинах, привела, по мнению Платона, в экономической сфере к эксплуатации бедных богатыми, а в политической сфере - к эксплуатации богатых бедными. Поэтому Платон полностью отбросил теорию индивидуальной свободы. У него преобладал общий взгляд на жизнь, в котором все естественные человеческие инстинкты и влечения были вредны. Единственная надежда для государств заключалась в том, что они должны воспитывать своих лучших граждан, чтобы те стали их правителями. Платон, соответственно, пригвоздил к мачте доктрину спасения путем образования и отчаялся во всех государствах, в которых тщательно обученные немногие люди с высокими интеллектуальными способностями не принимают законы и не обеспечивают их соблюдение. Из всех этих идей афинская демократия была отрицанием, и Платон ненавидел ее с горечью страстной натуры.

То, что Платон ненавидел периклийскую демократию как политическую систему, также понятно из его ненависти к империализму, на котором она была основана; и сегодня есть те, кто по той же причине, а также из-за ошибочного представления о ее зависимости от рабства, считают афинскую демократию оправданной, если вообще оправданной ее плодами; кто созерцает ее искусство и литературу с теми же смешанными чувствами, с которыми они смотрят на суетливую красоту потребителя. Платон не из их числа. Плоды он находит еще более пагубными, чем породившие их растения. "В музыке, - пишет он, [49] имея в виду поэзию, исполняемую голосом с музыкальным сопровождением, - в музыке впервые возникло всеобщее представление о всеведении и всеобщем беззаконии; после этого появилась свобода, и люди, вообразив, что знают то, чего не знают, перестали бояться, а отсутствие страха порождает бесстыдство. Ибо что такое это бесстыдство, которое является таким злом, как не наглый отказ считаться с мнением лучших по причине слишком смелой свободы?" На что спартанец, который является его собеседником, отвечает: "Очень верно".

"Вслед за этой свободой, - продолжает оратор, - приходит другая свобода - неповиновения правителям; затем попытка избежать контроля и увещаний отца, матери, старших, а когда дело близится к концу, то и контроля законов; И в самом конце - презрение к клятвам и обещаниям и полное отсутствие уважения к богам, - здесь они проявляют и подражают старой, так называемой титанической природе, и приходят к тому же, что и Титаны, когда они восстали против Бога, ведя жизнь бесконечных зол."

Современный критик, даже если он согласится с резким обвинением Еврипида, поэта самой радикальной демократии, - что он разрушил характер аттической трагедии, введя в нее элементы мелодрамы и оперного концерта, извратив величественный стиль ее текста и музыки вульгарными оборотами и несочетаемыми мерами, заменив художественное развитие характеров и сюжета тревожными рассуждениями о женском вопросе и новейшими сенсациями в философии и науке, превращая древних богов и героев в бурлеск,

заставляя их спорить и действовать как современные подхалимы и софисты, - современный критик, даже профессор Шори,^[50] например, в своей пылкой защите софокловской драмы, не согласится с Платоном, когда тот сделает драму основной причиной упадка афинского величия.

В своих "Законах" Платон имеет дело с тем, что, будучи наказанным возрастом и опытом, он считал поправимыми вещами. Жажду частной собственности, земли и дома, жены и детей он когда-то отнес к этой категории, но больше так не делает; в других отношениях он делает широкие уступки человеческим слабостям. Однако с жадностью к богатству он не заключает перемирия. Это греки, заметьте, о которых Платон^[51] говорит: "Любовь к богатству всецело поглощает людей и ни на минуту не позволяет им думать ни о чем, кроме своего личного имущества; на этом висит душа каждого гражданина, и он не может заботиться ни о чем, кроме своей ежедневной выгоды. Люди готовы изучать любую отрасль знаний и следовать любому стремлению, которое направлено на достижение этой цели, и они смеются над каждым другим..... От ненасытной любви к золоту и серебру каждый человек опустится до любого искусства или ухищрения, приличного или неприличного, в надежде разбогатеть; и не будет возражать против совершения любого действия, святого или не святого и совершенно низкого, если только, подобно зверю, он будет иметь возможность есть и пить все подряд и всячески удовлетворять свои похоти".

Таковы были зловещие условия настоящего времени, когда один житель разорял своего собрата, а каждый город - своего соседа. В прошлом все было иначе. До введения роскошных вкусов, стимулирующих изобретения, и чеканных денег, уничтожающих чувство естественного предела богатства, люди "работали летом, обычно раздетые и босые,^[52] а зимой основательно одетые и обутые. Они питались ячменной мукой и мукой из пшеницы, пекли и месили ее, делали благородные лепешки и буханки; их подавали на циновке из тростника или на чистых листьях, сами при этом возлежали на ложах, устланных тисом или миртом. Они и их дети пировали, пили приготовленное ими вино, носили на головах гирлянды и возносили хвалу богам, счастливо общаясь друг с другом. Они заботились о том, чтобы их семьи не превышали своих возможностей: не допускали ни бедности, ни войны". Но не к эпохе такой грубой простоты обращается Платон, вспоминая своих современников. Он, конечно, восстановил бы добродетели, существовавшие у первых деревенских жителей до возникновения современных городов и установления капиталистического режима; но, враждебно относясь к трансмаринной торговле, розничной торговле, промышленности, банковскому делу, процентам и всем другим сопутствующим обменам между городами, которые он считал в целом нежелательными и провоцирующими войны и завоевания, он представляет себе свой идеальный народ, владеющий городской культурой и предметами роскоши и удобства, полученными благодаря капиталистической организации. Его граждане, конечно, фермеры, но это фермеры-джентльмены, которые вкладывают свои деньги в землю и рабов и живут на дивиденды, свободно посвящая свой досуг спорту, интеллекту и другим достойным занятиям. Они будут свободны от жадности к богатству, потому что все они обладают компетентностью, которую Платон определяет как , достаточную, чтобы жить "умеренно", а Аристотель - как достаточную, чтобы жить "с либеральностью и умеренностью". Ни один из философов не думает о бедности иначе, чем как о заказчике разрушающей тело и душу работы, работы, которая деградирует тех, кто вынужден ее выполнять, и делает рабство их естественным состоянием. Платон и Аристотель сделали бы всех землепашцев и работников ремесел рабами и пришельцами. Они должны были существовать только для того, чтобы обеспечивать условия "хорошей жизни" для своих хозяев или начальников; и тогда "мы не должны скрывать от себя, - говорит Аристотель, -^[53] что для того, чтобы содержать пять тысяч граждан в праздности, потребуется страна

размером с Вавилонию или какая-нибудь другая безграничной протяженности". Даже в Америке, где, если воспользоваться современной формулой, десять процентов населения владеют девяноста процентами богатств, экономическая ситуация, предложенная в качестве идеала самыми просвещенными реформаторами четвертого века до нашей эры, едва ли была достигнута. То ли Платон не понимал, что обрекает девять десятых людей на вечное рабство и невежество, то ли, осознав это, отказывался думать о чем-либо, кроме совершенствования немногих, но вывод неизбежен: ему не удалось проследить исторические причины как культурного бесплодия Спарты, так и поразительного плодородия его собственных Афин.

Если бы Аристотель жил в содружестве платоновских "Законов", его постигла бы та же участь, что и Сократа в Афинах. Ибо, хотя он и не был неблагодарен своему учителю, он не был послушным учеником. По рождению он был стагиритом, по опыту - гражданином мира. Он, как и Платон, не формировал свои юношеские впечатления в среде, отравленной горечью по поводу деморализованной демократии. Афины, в которые он приехал семнадцатилетним юношей, все еще были демократией, причем очень нездоровой, и она ему мало нравилась; но его натура была более беспристрастной, чем у Платона. Он не был великим историком^[54], что ясно доказала находка в Египте в 1890 году одной из его многочисленных утраченных исторических работ; но он был очень ученым человеком и, возможно, достиг настолько близкого понимания ранней греческой истории, насколько это было возможно для политического философа, которому нечем было руководствоваться, кроме ненаучных методов исследования прошлого, бывших в моде в то время.

По своей природе наука объективна. Она не бесчеловечна, но заведомо безлична. В этом отношении она резко контрастирует с искусством. Величайшим художником может быть тот, кто воплощает в своих стихах, камнях или красках настроения и мысли, которые должны быть "широко распространены", но которые в совокупности составляют его собственное "я" или душу. История - это, конечно, наука, но не обычная. В отличие от обычного ученого, научный историк должен практиковать не самоподавление, а саморасширение. Он должен осознать, насколько это возможно, предрассудки и особые интересы своей эпохи и, освободившись от них, отправиться в чужую страну, чтобы привезти оттуда отчет, который одновременно является беспристрастным отчетом о том, что он видел, и историей, понятной его согражданам или, по крайней мере, его коллегам-историкам. Он не смеет рассматривать прошлое как единое целое с настоящим или как поддающееся точно такому же анализу. Он должен быть готов к тому, что существует множество различных прошлых эпох, ведущих к настоящему, не имеющих заранее определенной последовательности, а тем более прогрессии. Точки должны составлять линию, но эта линия может быть любой мыслимой кривой. Аристотель был далек от того, чтобы в полной мере осознать трудности исторического исследования; но, в отличие от Платона, он прилагал бесконечные усилия для приобретения исторических знаний.

Он не идеализировал конституции древних времен. Поскольку все люди тогда носили кинжалы, можно предположить, говорит он, что они нуждались в них и пользовались ими. Поскольку условия, в которых царило насилие, должны были сохраняться бесконечно долго, если бы политические изменения были запрещены, он считает хорошим и неизбежным, чтобы законы время от времени изменялись. Постоянство законов Спарты заслуживает высокой оценки; но он объясняет разложение и упадок спартанского государства неспособностью провести необходимые реформы. В целом он устанавливает гораздо более справедливый баланс между спартанскими и афинскими достижениями, чем Платон.

Первый критерий, который он применяет к институтам, таким как семья и государство, - это их естественность, их источник в природе человека, как она раскрывается в его истории. Он прекрасно понимал, что политическая наука, основанная на совершенной человеческой природе, действительно подходит только для "богов и сыновей богов"; что единственные принципы правления, которые имеют реальную ценность, - это те, которые оправдали себя на практике. "Все открытия, - говорит он[55], - уже сделаны, хотя в одних случаях они не были объединены, а в других, когда были сделаны, не были применены на практике". "*Политика* Аристотеля", - говорит один из недавних авторов, - "является единственной великой книгой по науке управления, потому что она единственная, которая является полностью эмпирической".

Это слишком высокая оценка. Ведь "*Политика*" Аристотеля отличается от "*Князя*" Макиавелли, конечно, и в других отношениях, но заметно в том, что у грека есть нравственные идеалы, а у итальянца их нет. У Аристотеля, как и у Платона, государство имеет этическую цель. Он требует, чтобы оно оправдывало не только свои действия, но и свое существование. Незаконные правительства могут существовать - мир Аристотеля был полон ими, на самом деле, - и его ум был слишком любопытен ко всему политическому, чтобы он мог оставить их без внимания: он, действительно, подробно рассмотрел пути и средства для сохранения всех видов государств и показал в этом, что у него был такой же острый глаз на реалии, как и у самого Макиавелли. Но он никогда бы не позволил, а тем более не посоветовал своему законодателю использовать нечестные средства для установления справедливого правительства или честные средства для установления несправедливого.

Более того, о создании правительств он вообще мало задумывается. Однако именно это является для Макиавелли главным вопросом, о чем он сам говорит в начале второй части своего труда: "Главными основами всех государств, как новых, так и старых или составных, являются хорошие законы и хорошее оружие; а так как не может быть хороших законов там, где государство плохо вооружено, то из этого следует, что, когда оно хорошо вооружено, у него хорошие законы. Я не буду обсуждать законы и буду говорить об оружии". Если бы грек услышал его, он бы высмеял и аргумент, и вывод. Аргумент, конечно, софистический, а вывод спасает только то, что Макиавелли уже рассмотрел политическое оружие, которым должны оперировать правители. "*Политика*" - это руководство для законодателей, "*Князь*" - свод инструкций для властителей. Для последних пути и способы *приобретения* власти были, по мнению Макиавелли, самым важным делом; в то время как обладание властью законодателем воспринимается Аристотелем как нечто само собой разумеющееся, и на протяжении всей его работы предполагается, что если законодатель знает конституцию, законы и систему воспитания, которые лучше всего подходят к экономическим, социальным и политическим условиям его государства, он может сразу же ввести их.

Таким образом, "*Принц*" и "*Политика*" в какой-то мере дополняют друг друга, хотя Аристотель пришел бы в ужас от этой идеи. Ведь по его мнению, в мире, приближенном к идеальному, каждый город волен устраивать свои внутренние дела так, как считает нужным, и, обладая этой свободой, если ему показывают, что лучше, он должен, согласно сократовской психологии, немедленно принять это; тогда как Макиавелли - отдадим дьяволу должное - при составлении своих наставлений для принца Лоренцо руководствовался видением объединенной Италии, реализация которой его учеником должна была смыть преступления, совершенные при подчинении его воле городов-государств полуострова. Завоевание Италии, соответственно, было целью усилий идеального принца; в то время как Аристотель в одном из отрывков "*Политики*"[56] отмечает, что "если бы греки были

объединены в единое государство, они были бы способны к всеобщей империи", он считает такой союз крайне нежелательным. Для него государство, не являющееся городом, было рудиментарным и очень несовершенным. Оно вообще перестает быть государством, когда перестает быть свободным. Следовательно, город мог иметь подданных, то есть рабов, но не зависимость. А поскольку, по его мнению, только природная неполноценность оправдывала рабство, и это было особенно заметно у народов Азии, а вовсе не в Греции, то ни один греческий город не мог по праву поработить жителей другого греческого города: он мог вести войну и устраивать набеги рабов только против варваров.

Родимое пятно, которое мы отметили на Платоне, - это наследство от необоснованной ненависти к демократии. То, что портит прежде всего политическое мышление Аристотеля, происходит от инстинктивного отвращения его эпохи к империализму. То, что это тоже уродство, мы можем показать в нескольких заключительных замечаниях. "Необходимо, - говорит Аристотель[57], завершая свое утверждение о том, что смешанная конституция лучше всего подходит для общей массы государств, - необходимо начать с предположения о принципе общего применения, а именно, что та часть государства, которая желает продолжения полиса, должна быть сильнее той, которая этого не желает"; и далее он указывает, что "сила" заключается не в численности, не в собственности, не в военных или политических способностях, а во всем этом вместе, так что необходимо учитывать "свободу, богатство, культуру и знатность, а также простое численное превосходство". Ничто не может быть более холодным и объективным, чем размышления Аристотеля по этому важному вопросу. Однако по необычайной оплошности он допускает, что "сила" оказывает решающее влияние *внутри* городов-государств, и совершенно игнорирует влияние различий в численности населения, богатстве, политических и военных способностях на отношения *между* ними.

Во всем политическом мышлении Аристотеля доминирует идея о том, что мир людей состоит из бесконечной череды нижестоящих и вышестоящих, а стремление вырваться вперед является одним из самых фундаментальных инстинктов человека. Если бы всеведущий Бог выстроил жителей каждого города в ряд в соответствии с их реальной "силой", он бы поставил немногих из них в один ряд. Ни один грек не предаст более наивному, чем Аристотель, национальному сознанию эллинов, что они стоят во главе почетного списка народов. Поэтому им было необходимо покорить азиатов; ведь он считает благодетельным велением природы, изданным прежде всего для пользы слабых, что высшие должны править низшими.

Среди философов-моралистов Аристотель отличается тем, что не позволяет сбить себя с пути мечтательным идеалом человеческого равенства. Тем не менее, признавая, что греческие города, даже больше, чем отдельные люди, различаются по "силе", он не позволяет "сильным" использовать свое преимущество. Он выделяет сферу межгородских, то есть международных, отношений как ту, в которой не должен действовать "универсальный принцип", согласно которому высшие правят низшими. В воображаемом мире "сильный" человек, по теории Аристотеля, - это "нежный" человек; но в реальном мире он - правитель. Если бы Аристотель не был ослеплен предрассудками своей эпохи против империализма, он должен был бы видеть необходимость того, что в реальном мире "сильное" государство также будет правителем. Одной из загадок истории является то, что Аристотель был современником и подданным Филиппа II Македонского, а одной из ее ироний - то, что он был воспитателем Александра Македонского.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Schömann-Lipsius. *Griechische Altertümer*,⁴¹ (1892), pp. 197 ff.
2. Bury, J.B. *A History of Greece to the Death of Alexander the Great* (1900).
3. Meyer, Eduard. *Geschichte des Altertums*, V (1902).
4. Niese, B. *Neue Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Lakedämons: Die lakedämonischen Periöken*. In *Nachrichten der Gött. Gesell. d. Wissenschaften* (1906), pp. 101 ff.
5. Arnim, Hans von. *Die politischen Theorien des Altertums* (1910).
6. Gomperz, Th. *Greek Thinkers*, III (1905), IV (1912).

FOOTNOTES:

[34] Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*, I⁽³⁾ (1901), pp. 236 f. См. примечания.

[35] 1 Масс. XII, 11.

[36] *Geschichte des Altertums*, II⁽¹⁾ (1893), pp. 562 f.

[37] Dickins, *Journal of Hellenic Studies*, XXXII (1912), p. 12.

[38] Schoemann-Lipsius, *Griechische Alterthümer*,⁴¹ (1897), pp. 261 ff.

[39] См. особенно Niese, *op. cit.* в избранной библиографии в конце главы.

[40] Beloch, *Griechische Geschichte*, I (1893), pp. 439 ff.

[41] III, 3, 4 и далее.

[42] Последовательные тирании в Сиракузах и империя Сиракуз над западными греками были опущены в этой книге по необходимости. Они были рассмотрены с особой тщательностью Фрименом в его "*Истории Сицилии*" и с особым сочувствием Белохом в его "*Griechische Geschichte*".

[43] Ксенофонт, *Hellenica*, IV, 2, 11 и далее.

[44] *Laws*, v, p. 730. (Перевод, используемый здесь и в других местах книги, - перевод Джоуэтта).

[45] О том, что здесь опущено, см. превосходную небольшую книгу фон Арнима "*Политические теории Альтертума*" (*Die politischen Theorien des Altertums*).

[46] *Laws*, II, p. 664.

[47] *Laws*, II, p. 662.

[48] VII, p. 806.

[49] *Laws*, III, p. 700. Та же начальная причина вырождения постулируется в "*Республике*" Платона, VIII, с. 546.

[50] *Greek Literature* (The Columbia University Press, 1912), p. 11.

[51] *Laws*, VIII, p. 831.

[52] *Republic*, II, p. 372 b.

[53] *Politics*, II, 3 (6), 3, p. 1265 a. (Перевод, используемый здесь и в других местах книги, - перевод Уэлдона: текст - Иммиша).

[54] Bury, J.B., *The Ancient Greek Historians*, pp. 182 ff.

[55] *Politics*, II, 2 (5), 10, p. 1264 a.

[56] VII (IV), 6 (7), 1, p. 1327 b.

[57] *Политика*, IV (VI), 10 (12), 1, p. 1296 b.

IV

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И МИРОВАЯ МОНАРХИЯ

Александр Македонский родился в 356 году до н. э. Его мать, Олимпия, была полуцивилизованной молосской принцессой, чья свежая красота, явленная на диком религиозном празднике на мистической Самофракии, привлекла блуждающее воображение Филиппа Македонского. Их союз привлекал Филиппа еще и тем, что он мог привести Эпир под его сюзеренитет.

Филипп хотел, чтобы его жена была не столько его супругой, сколько главной наложницей. Олимпия, гордая и страстная женщина, терзалась супружескими неверностями мужа, и у нее хватило воли и мужества восстать и действовать самостоятельно, когда Филипп отстранил ее от дел в 337 году до н. э. Ее нельзя оправдать в причастности к убийству Филиппа, которое произошло годом позже на свадьбе, устроенной им между ее дочерью и ее братом. Этот акт был приурочен к воцарению ее сына, который и стал его главным бенефициаром.

"Мой отец, - сказал Александр двенадцать лет спустя своим взбунтовавшимся македонским солдатам, - нашел вас кочевыми и бедными. Одетые в овчины, вы пасли свои скудные стада в горах и вынуждены были вести тяжелые бои за них с иллирийцами, трибаллами, и фракийцами на ваших границах. Он дал вам плащи вместо шкур, он спустил вас с холмов на равнины, он сделал вас соперниками в битве с варварами, которые жили рядом с вами; так что отныне ваша безопасность зависела не от недоступности вашей страны, а от вашей собственной доблести. Он научил вас жить в городах; он установил хорошие законы и обычаи для вашего управления. Он сделал вас владыками, а не рабами и подданными тех варваров, которые долгое время досаждали вам и вашим владениям. Большую часть Фракии он присоединил к Македону. Захватив наиболее подходящие пункты на морском побережье, он открыл вашу страну для торговли. Он дал вам возможность безопасно разрабатывать свои рудники. Фессалийцев, перед которыми вы трусили, полумертвые от страха, он научил вас побеждать, а смилив фокийцев, он сделал вашу дорогу в Грецию, доселе узкую и трудную, широкой и легкой. Он до такой степени опустил афинян и фиванцев, которые всегда были готовы обрушиться на Македон, - и в этом ему помогал я, - что, вместо того чтобы платить

дань Афинам и получать приказы из Фив, они стали обращаться за защитой к нам. Он прошел в Пелопоннес и навел там порядок; и, будучи назначен главнокомандующим объединенной Греции в ее предполагаемой войне против Персии, он добился этой высокой чести не столько для себя, сколько для Македонского содружества".

Эти слова не принадлежат самому великому царю: в лучшем случае это пересказ идей, высказанных им по этому поводу; в худшем - вольное изобретение историка, озабоченного лишь тем, чтобы Александр сказал то, чего, как ему казалось, требовала ситуация. Как бы то ни было, они хорошо описывают ту замечательную работу, которую Александр, будучи мальчиком и юношей, видел, как его отец совершил для Македонии. "С каким человеком нам пришлось сражаться", - сказал Демосфен,[59] его великий враг. "Ради власти и господства ему выкололи глаз, сломали плечо, повредили руку и ногу. Какую бы конечность ни требовала судьба, он отказывался от нее, чтобы остаток его тела жил в славе и почете". "Принимая во внимание все, - говорит Теопомп,[60] далеко не щедрый современный историк его достижений, - Европа никогда не производила подобного Филиппу, сыну Аминта".

Двор Филиппа был грубым и хамским. Пиршества, позорящие пьянство и разврат, прерывали войны и любовные похождения царя. В Пелле люди вели себя как кентавры и лестригоны, над которыми насмехались привередливые афиняне; и то неистовство, которое вино внушало Филиппу, религия внушала Олимпии. В диком порыве она позволила себе овладеть духом бога Диониса и бродила по ночам по холмам в компании других женщин, столь же опьяненных, размахивая тирсом и "венчанным змеем", крича в экстазе. Это была религия, которую Уильям Вон Муди с поэтическим почтением выделил в великолепной *прелюдии* к своей *"Маске суда"* как характерную для мира, в котором родился Христос. Она действительно была отвратительна для лучших греческих чувств, и Рим подавлял ее суровой жестокостью.

Страсть, яростная и великодушная, главный источник героических поступков, была заложена в костях Александра. Его воображение, пылкое от природы, питалось рассказами о его предке Ахиллесе, которые он слышал от матери, и разгоралось от просторов, открывавшихся перед ним в подвигах его отца. В тринадцать лет Филипп дал ему в наставники Аристотеля, и в годы становления своей юности он изучал поэзию у этого великого учителя. Поэзия была греческой, а не македонской. В ней были заложены идеалы народа, к которому Александр принадлежал по духу и крови, если не по национальности; отсюда же пришли идеи, окрашенные эмоциями, которые, как колющие стрелы, закрепляются в памяти ученика - идеи добра и зла, героизма и нежности, уважения к родителям и обязанностям; как сказал бы Платон, справедливости, мудрости, умеренности и мужества, - которые окрашивают все последующее мышление и формируют характер. Грекам еще есть чему научить нас в отношении воспитательной силы великой поэзии.

Заповеди Гомера, которого Аристотель не перестает цитировать в своих философских трудах, перешли в плоть и кровь Александра, и в нем Ахилл, юношеский герой *"Илиады"*, стал в реальном смысле воплощением. Следующими после Гомера Александр оценил и знал аттических трагиков, продолжателей и усовершенствователей Гомера, согласно Аристотелю, который, таким образом, основывает свою *"Поэтику"* в значительной степени на трагедии, как на высшей форме драматического искусства.

Влияние Аристотеля на литературные интересы и вкус Александра не подлежит сомнению. Кажется также очевидным, что молодой принц, по крайней мере, знал, а возможно, и разделял любопытство своего учителя в области естественной истории; ведь впоследствии

он присылал из Азии образцы для ботанической и зоологической коллекций Аристотеля. При этом кажется невероятным, чтобы он не получил от него наставлений в области политики; чтобы Аристотель, ученик Платона, который сам отправился в Сицилию, чтобы воспитать юного Дионисия II для его высокого положения, не смог передать будущему правителю Македонии и Греции идеи, которые он сформировал относительно наилучшего вида правления. Мы можем представить себе тысячу возможностей, которые предоставили их трехлетнее тесное общение в загородной резиденции в Миезе для обсуждения вопросов политики: Как Аристотель объяснял, что добродетель, или заслуги, или политические способности, или как бы ни переводилось неуловимое греческое слово *arete*, дают наилучшие права на лидерство, и что лучшей из всех форм правления является та, в которой правит человек, обладающий наивысшей добродетелью; "Что, - говоря его собственными словами,[61] , - где бы ни находилась, как это случается, целая семья или отдельный человек, настолько превосходящий в добродетели всех остальных, что добродетель этого человека или семьи превосходит добродетель всех остальных в государстве, в таком случае справедливо, чтобы эта семья занимала царственное или верховное положение и чтобы этот человек был королем. Ибо... это не только соответствует принципу справедливости, обычно утверждаемому основателями полисов, будь то аристократия, олигархия или демократия, во всех из которых право на власть зависит от превосходства, хотя это превосходство не одинаково; но это также согласуется с теорией, которую мы изложили ранее. Ибо, безусловно, не следует предавать смерти, объявлять вне закона или даже подвергать ostracism этого преобладающего человека или требовать, чтобы он стал подданным в своей очереди..... Единственная альтернатива заключается в том, что они должны подчиняться ему, а он должен быть верховным, но не по принципу сменяемости, а абсолютно..... "Было бы неправильно, - убеждал он[62], - относиться к нему как к достойному простого равенства, когда он так сильно превосходит всех в добродетели и политических способностях, ибо любой столь исключительный человек вполне может быть сравнен с божеством на земле". Снова и снова, в сезон и не сезон, часто, несомненно, к досаде нетерпеливого молодого принца, который боялся, что победы отца не оставят его без дела, Аристотель[63], должно быть, твердил о том, что "человек по природе своей - животное городское и что тот, кто не является жителем города, если причина его изоляции естественна, а не случайна, является либо сверхчеловеком, либо занимает низкое место в шкале цивилизации, поскольку он стоит в одиночестве, как "пятно" на доске для игры в нарды. В качестве примера можно привести "бескланового, незаконного, бессердечного" человека, столь горько описанного Гомером; ведь он, естественно, не житель города и любитель войны". Мы можем представить себе философа, настаивающего на том, что как городская жизнь была синонимом цивилизованной жизни, так и город был синонимом государства; что высшая из всех человеческих деятельностей, осуществление политических функций, была разрушена, как только город стал зависим от внешней власти; что подданные не могут существовать постоянно, если только завоеванные не являются естественными низшими, как азиаты; что, однако, в интересах таких людей, чтобы ими управляли их начальники, в случае с азиатами - греки. Таковы были часто повторяемые максимы политического философа, в возрасте которого Филипп радовался, как сказано,[64] "рождению своего сына, поскольку его учение сделает его достойным своего отца и равным тому положению, которое он должен был занять". Таково было литературное и политическое образование Александра: свою военную подготовку и знание дел он получил в непревзойденной школе своего отца; но в этой связи нелишне вспомнить признание Наполеона:[65] "Война - необычное искусство; могу вас уверить, что шестьдесят сражений не научили меня ничему, чего я не знал в первом. Главное качество генерала - твердость, а это дар небес".

Я не ставлю перед собой задачу дать биографический очерк Александра, рассказать о его чудесных завоеваниях или оценить последствия его деятельности для последующего хода истории. При подготовке этой главы я имел в виду сначала подчеркнуть те особенности его семьи и воспитания, которые помогают объяснить его политическое мышление, а затем, в некоторой степени в манере Плутарха, рассмотреть те случаи в его карьере, которые конкретно показывают, как точно он стремился организовать свою мировую империю.

По мнению Наполеона, наиболее ярко политическая проницательность Александра проявилась в том, как он умело апеллировал к воображению людей. Любовь к символизму была заложена в его натуре. С помощью поступка, который он намеренно совершал, ему удавалось снова и снова осветить ситуацию, преподнести урок, раскрыть политику. В каком-то смысле это была своего рода реклама; средство донести до всего мира в безошибочной манере волю и позицию монарха. Но это было нечто большее. Это было применение в мире политики способа выражения, с которым греки были знакомы в мире пластических искусств.

Первым примером такого рода стало разрушение Фив в 335 году до н. э. После воцарения Александра за год до этого вся Греция кипела мятежом. Филипп погиб в полном расцвете сил, а его место должен был занять двадцатилетний юнец. Быстрым продвижением на юг Александр пресек угрозу восстания в зародыше; чтобы обезопасить себя на будущее, он разместил гарнизон в цитадели Фив, где существовало самое явное недовольство. Однако через несколько месяцев, когда он очищал свои северные границы, готовясь к нападению на Персию, фиванцы, действуя по ложному сообщению о том, что он пал в бою, и совместно с Афинами и другими греческими городами, восстали во второй раз. С почти невероятной скрытностью и быстротой Александр подошел к Фивам, взял их штурмом, продал жителей в рабство и сровнял город с землей. Подобное бедствие не постигало греческий город (за пределами несчастной Сицилии) со времен разрушения Милета персами в 493 году до н. э. Оно наглядно показало, что ожидало греков, если они продолжали создавать проблемы, пока Александр отсутствовал в Азии. И в этом случае один урок был заключен в другом: пощадив дом Пиндара, разрушитель Фив заявил о своем уважении к эллинской цивилизации; он четко отличал себя от разрушителей Милета и других варваров.

В следующем году, собираясь напасть на Персидскую империю, Александр отправил свою армию через Геллеспонт обычным путем из Сеста в Абиду, а сам направился в Элей, где принес жертву у гробницы Протесилая и молился о том, чтобы его судьба была лучше, чем у того, кто первым из людей Агамемнона ступил на землю Азии. Затем, переправившись через Геллеспонт в гавань ахейцев, он отправился в Илиум, где посвятил свои доспехи Афине Илиаде и взял вместо них оружие, которое, как говорят, использовалось в Троянской войне. Умиротворив *манов* Приама и попросив их простить его, потомка Неоптолема, убийцы Приама, он возложил венок на могилу Ахилла, а его закадычный друг Гефестион - на могилу Патрокла. После этого он отправился восвояси. Это происшествие всколыхнуло в каждом греке тысячи воспоминаний. Он видел другого Агамемнона, отправившегося брать другую Трою; другого защитника эллинов в их вечной борьбе с народами Азии. Александр никак не мог более четко отождествить свое начинание с давними мечтами всей греческой расы. Правитель того времени был ближе всех к провозглашению священной войны.

В Гордиуме, где войска Александра провели свою первую зиму в Азии, на цитадели стояла повозка, в которой, по преданию, крестьянский сын Мидас ехал к месту встречи фригийцев в тот день, когда неожиданно был провозглашен их царем. С тех пор по стране распространилась легенда, что тот, кто развяжет узел из кизиловой коры, прикреплявший

ярмо к древку этой повозки, станет царем Азии. Александр безуспешно пытался решить эту задачу. Тогда он выхватил меч и перерубил узел надвое. Тем самым он объявил как о своем отходе от политики Филиппа, которая заключалась лишь в освобождении ионийских греков, так и о предстоящем проведении своей собственной политики, которая заключалась в отвоевании у персов их владений в Азии.

После первой победы у реки Граник Александр двинулся вдоль побережья Эгейского моря до Киликии, захватывая по пути все прибрежные города Малой Азии, которые предоставили корабли для персидского флота. Этому плану он придерживался после второй победы при Иссе над Дарием, когда, вместо того чтобы поддерживать связь с побежденным врагом и преследовать его во внутренние районы, как того требовал обычный военный здравый смысл, он отпустил царя и в течение года захватывал приморские города между Киликией и Киринеей. Это он сделал для того, чтобы уничтожить персидский флот, чего он не мог достичь иным способом, поскольку у него не было своих кораблей. Однако оставить вражеский флот во владении в Средиземном море, пока он вел кампанию далеко в сердце континента, означало бы поставить под угрозу все, чего он уже добился, и, в частности, оставить персам возможность вызвать всеобщее восстание среди греков, которых он справедливо боялся больше, чем персов. Этот долгий поход на юг, в Египет, соответственно, вполне объясним здравыми стратегическими соображениями. Однако этого нельзя сказать о сенсационном походе Александра через Сахару к оазису Сива во внутренних районах Киринеи. Там, в таинственной глуши, лежал оракул египетского Аммона, которого греки называли Зевсом. Как в свое время Додона в Эпире была затмлена святилищем Аполлона в Дельфах, так и это место утратило свой престиж и авторитет, когда грекам постепенно стало известно, что Зевс Аммон безошибочно предсказывает будущее своим жрецам в Сиве. За два с лишним поколения до визита Александра Аммон был Меккой для паломников и получал дары со всех концов греческого мира. В Афинах даже построили священную трирему, так называемый "корабль Аммона", чтобы перевозить общественных посланников к оракулу и обратно. В Египте Аммон из Сивы не имел никакого значения по сравнению с Аммоном из Фив, но среди греков Аммон, которого знали и почитали, был, говоря словами Платона, Аммоном из Киринеи. Александр прекрасно понимал, какое впечатление произведет на официальный и благочестивый мир Эллады, если жрецы Аммона поприветствуют его как сына своего бога. Однако они обязаны были сделать это по его прибытии в храм, поскольку отказ от этой формальности означал бы отказ в верности новому фараону, только что признанному в Египте; ведь каждый фараон с незапамятных времен официально являлся сыном Аммона. Особенность Сивы заключалась в том, что правитель, которого там приветствовали как сына Аммона, был авторитетно представлен греческому миру как сын Зевса.

Поход через пустыню в Аммоний был совершен только с помощью сверхъестественного, согласно официальному отчету; и преднамеренная тайна окутывала беседу Александра с богом. Как мы увидим, Теннисон не без оснований завершает свою прекрасную поэму о великом царе ссылкой на это событие: - "High things spoken there there" ("Высокие вещи были сказаны там").

"О высоких вещах там говорилось, нерукотворно;
Только видели тебя из тайного святилища
Возвращался с горячей щекой и горящими глазами".

Однако в официальной версии произошедшего было подчеркнуто одно: желанное приветствие было публично передано Александру старшим из жрецов. А его значение

усилилось после прибытия гонцов, сообщивших, что аналогичные оракулы были даны одновременно сибиллой Эритреей и Аполлоном в Бранхидее, где таким образом было прервано долгое молчание, длившееся более ста пятидесяти лет. Что касается частной беседы, то Александр написал матери, что "ему были открыты тайны, которые он мог сообщить только ей лично".

К значению визита в Сиву я вернусь позже. Пока же достаточно отметить, что это вполне соответствовало уже принятым Александром методам, когда он стремился таким причудливым образом поразить воображение людей новой идеей; раскрыть с помощью сенсационного действия такого рода важную перемену в политике. Этому сопутствует несколько инцидентов в его дальнейшей карьере.

Через двенадцать месяцев после ухода из Сивы Александр стал хозяином Персеполиса. Это была столица Персиды, страны с населением около полумиллиона человек, которую Кир и Дарий сделали владыками подвластного населения, не намного уступавшего населению Римской империи. Более двухсот лет сорок миллионов человек смотрели на Персис и Персеполис как на резиденции сильных мира сего. Город персов и находившийся в нем дворец их царей были явными символами империи: один Александр отдал на разграбление своим солдатам, другой зажег собственной рукой, возвестив тем самым всему миру о конце династии. Его собственное участие в этой катастрофе, которая поразила воображение людей примерно так же, как взятие Рима Аларихом в 410 году н. э., было весьма примечательным. Встав с пира, он и его спутники, среди которых была прекрасная афинская куртизанка Таис, в дионисийском ликовании под звуки флейт прошли по улицам к дворцу и бросили факелы, которые взяли с собой с пира, на кедровые балки крыши. Как только пламя взметнулось вверх и произвело желаемый эффект, Александр приказал погасить огонь.

В начале следующего года Александр вошел в Экбатаны, летнюю столицу Персидской империи, и Дарий стал беглецом. До этого момента Александр был гегемоном Эллинской лиги, а также царем Македонии, и, освободив греческие города в Азии от персидского контроля, он присоединил их к лиге. Теперь, когда война с Персией, для которой якобы и была создана лига, закончилась, Александр решил, что пришло время освободиться от партнерства, в которое, следуя политике Филиппа, он вступил в начале своего царствования. Он сделал это в своей обычной драматической манере. Он выписал все греческие войска, отданные под его командование лигой, и тщательно продумал условия их транспортировки к побережью и через Средиземное море в Грецию. Каждому греческому городу, приславшему ему контингент, его возвращение было сообщением о том, что Александр больше не связан договорами, заключенными при создании лиги. Это не означало, как он старался показать, что они освобождались от всех обязательств по отношению к нему. В этот момент он перестал быть гегемоном над македонцами, но по-прежнему оставался их царем[66].

Немного позже он предстал перед своими изумленными македонскими офицерами, одетый в то, что ему понравилось в костюме персов. Диадему, куртку с рукавами и мешковатые шаровары он не перенял, но взял их мягкие нижние одежды и, как символ власти, диадему. Он также перестроил свой двор на восточный манер, добавив пурпур в форму стражников, камергеров и, если верить сомнительным сообщениям, гарема. Наконец, в 327 году до н. э., вскоре после романтического брака с Роксаной, персидской принцессой из согдийской знати, он добавил требование, чтобы все, кто допускался в его присутствие, преклоняли колени у его ног и целовали перед ним пыль. "Харес Митиленский,[67] который был церемониймейстером во время введения этого обычая, рассказывает, что Александр,

выпивая на симпозиуме, предложил свой кубок одному из своих товарищей, который, взяв его, встал и подошел к очагу, где, выпив, сначала преклонил колени и поцеловал ноги Александра, затем поцеловал его в щеку и вернулся на свою кушетку. Все присутствующие сделали то же самое, кроме Каллистена, который предложил поцеловать его в щеку, не преклонив предварительно колена, и тем самым заслужил немилость царя. Этим довольно неубедительным заключением был начат пролог того, что его старые македонские вельможи считали великой трагедией.

"Считается, - говорит Эдуард Мейер, - что *"проскинезис"* - если использовать технический термин для этой церемонии - был лишь естественным выражением того факта, что по решению битвы Александр стал повелителем Персидской империи и законным преемником Дария". И действительно, в этой идее есть своя правда. Но смысл требования и историческое значение этого события и конфликта, который оно вызвало, отнюдь не исчерпываются, если рассматривать проскинез как безобидную уступку взглядам его восточных подданных. Существенным моментом является то, что Александр требовал этого и от македонцев, и от греков. Однако именно в этом вопросе взгляды восточных людей и европейцев сталкиваются наиболее четко и типично. Здесь существует антагонизм, который совершенно не зависит от расы и национальности. Мы не можем сказать, как он возник, но он доминирует над всем ходом культурного и политического развития рассматриваемых регионов. Восточный человек, будь он семитом, египтянином, индоевропейцем, китайцем или представителем любой другой национальности, считает естественным, что в общении с другими людьми он должен смирять себя; что он называет себя их слугой, а их - своими господами; что он преклоняет колени в пыли не только перед королем, но и перед всеми вышестоящими, не уменьшая тем самым чувства личной гордости, которым он тоже может быть одушевлен.

"Для европейца, с другой стороны, такое поведение подразумевает разрушение его собственной личности. Свободный человек никогда не назовет себя рабом другого. Напротив, он всегда будет говорить о себе в уверенных тонах, с сильным чувством собственной значимости..... Преклонение перед богом и целование праха, по европейскому мнению, полагается только богу, который тем самым признается господином поклоняющегося, в присутствии которого у поклоняющегося не может быть собственной воли.

"Именно у греков, в их свободных республиках, это чувство развилось в полную силу. Оно нашло типичное выражение в истории спартанских глашатаев, Спертиса и Булиса, которые, хотя и сдались персидскому царю для казни, отказались преклонить перед ним колена; "ибо в их стране, - заставляет их сказать Геродот, - не принято целовать прах перед человеком, да и они пришли не для этого". Столь же показательны истории о Фемистокле, оказавшем требуемое почтение, и о Кононе, который по этой причине вообще избежал аудиенции у царя, несмотря на то, что она имела бы для него большое значение. Таким образом, требуя проскинеза, Александр жестоко оскорбил греческие чувства. Скорее, он требовал признания того, что официально, в качестве царя, - его личное положение это совсем другое дело, - он уже не человек, а бог".

Другими словами, когда Александр требовал, чтобы греки и македонцы падали к его ногам и целовали перед ним пыль, он требовал, чтобы они признали его богом, фактически сыном Зевса. Для персов эта церемония не имела таких последствий; но, как мы увидим через минуту, по мысли Александра, персы должны были прекратить свое существование; они должны были стать эллинами путем воспитания.

Александр отправился в Азию с твердой верой в абсолютное превосходство эллинской культуры; и в этой вере он остался непоколебим до конца. Утверждение эллинской жизни во всей Азии он считал главной целью своих завоеваний. Свои эллинские идеалы он раскрывал перед изумленными туземцами почти на каждой остановке во время своего похода; в таких случаях он снова и снова устраивал гимнастические и музыкальные состязания по греческому образцу. Как мы уже видели, от Аристотеля он узнал, что городская жизнь и эллинская жизнь - это синонимы, и что без политической активности городская жизнь скорее животная, чем человеческая. Поэтому он проявил лихорадочную энергию, основывая греческие города-государства повсюду на завоеванной территории, но особенно в регионах Дальнего Востока, где до сих пор не было городской жизни. Как грибы за одну ночь, города десятками возникали за его спиной на его марше; так велика была иммиграция в Азию из Греции и Македонии даже в течение тринадцати коротких лет его царствования.

Дело в том, что, основывая города, Александр значительно уменьшал свои военные и административные трудности. Ведь каждый город снимал с его плеч ответственность за поддержание порядка, сбор налогов и отправление правосудия на отведенной ему территории - необходимые задачи теперь, когда в Азии возникло европейское государство, которые иначе можно было выполнить только путем создания бюрократической системы чиновников. Однако это был неэллинский институт, к которому Александр, естественно, не испытывал симпатии. В будущем он видел весь мир - Азию, которую он уже завоевал, и Дальний Запад, который он собирался завоевать, - состоящим, как и сама Греция, из множества городов-государств, каждое из которых было отдельной ячейкой с городом в центре, каждое обладало общим собранием и советом, магистратами по своему усмотрению и законами по своему усмотрению, каждое было домом свободных людей, говорящих греческом языке, развивающих греческое искусство и письмо, сражающихся греческим оружием и тактикой. Это было грандиозное видение, которое не удалось реализовать ни во времена Александра, ни впоследствии; но оно заложило идеал, к которому будущие поколения двигались на протяжении более пяти веков.

Очевидно, что Александр никогда не терял веры в абсолютное превосходство эллинской культуры. Безусловно, место неограниченной власти, которое он отводил себе над миром городов-государств и их законопослушных граждан, было тем самым, которое предписывал идеальному мудрецу, человеку с высшими политическими способностями его наставник Аристотель. То, что Аристотель придумал для каждого города-государства своего *памбасилея*, а Александр - единого для всех "абсолютного монарха", - несущественная разница, и просто в институтах, которые Александр считал необходимыми для воплощения идеи философа в мир реальности, были нарушены эллинская практика и обычаи.

Однако эти дикий институты Александр использовал как средство для лучшего распространения греческой жизни и мысли, не осознавая, возможно, что они разрушают дух, который призваны сохранить.

С другой стороны, бесспорно, что Александр пересмотрел мнение своего воспитателя и свое собственное юношеское мнение о ценности азиатов. Что он стал думать о семитах и египтянах, мы не знаем; возможно, он продолжал считать их по природе подневольными и, следовательно, обрекал их навсегда оставаться дровосеками и водоносами для эллинских или эллинизированных граждан, в городах которых они должны были жить. Но что касается медов и персов и родственных им иранских племен Дальнего Востока, то взгляды завоевателя радикально изменились, когда он узнал их по-настоящему и в полной мере оценил масштаб задачи, которую он взял на себя.

Он обнаружил, что они обладают духом и способностями, сравнимыми с духом и способностями самих греков и македонцев. О том, что они не вызывали у него физического отвращения, свидетельствует его влюбленность и женитьба на Роксане. Научите их греческому языку, вовлеките их вместе с греками-иммигрантами в политическую жизнь новых городов, вооружите их македонским оружием, обучите их македонскому мастерству и распределите в македонские полки; прежде всего, используйте дворян на высоких административных постах, и Александру показалось возможным в течение короткого времени объединить новых хозяев Азии со старыми в новую космополитическую расу.

С железной решимостью он проводил эту политику в жизнь, несмотря на все противодействие. Затем, выбрав драматический момент своего возвращения в Сузы после индийского похода, он устроил необычный брак как символ предполагаемого слияния доминирующих народов Европы и Азии. "Сам он, - пишет Арриан в *"Анабасисе"* [69] со ссылкой на очевидца Аристобула, - женился на Барсине (скорее Статире), старшей из дочерей Дария, и, кроме нее, на другой, младшей из дочерей Оха (могущественного предшественника Дария), Парисатис. Ранее он также женился на Роксане, дочери Оксиарта из Бактрии. За Гефестиона он отдал Дрипетис, которая тоже была дочерью Дария и сестрой жены, которую он взял сам; он хотел, чтобы дети Гефестиона были двоюродными братьями его собственных детей. Кратеру он отдал Амастрину, дочь Оксиарта, брата Дария, Пердикку, дочь Атропата, сатрапа Мидии, Птолемея, его помощника, и Эвмена, его личного секретаря, детей Артабаза, одного - Артакама, другого - Артониса. Неарху он отдал дочь Барсина и Ментора, Селевку - дочь Спитамена из Бактрии, а остальным своим спутникам - самых знаменитых дочерей мидян и персов, числом восемьдесят. Бракосочетания праздновались на персидский манер. Сиденья были расставлены в порядке, и на них откинулись женихи"; и в этом месте мы можем позволить Харесу, церемониймейстеру, прервать Арриана и описать обстановку, которую он организовал для службы.

"Это был, - говорит он, - [70] зал из ста кушеток, каждая из которых была достаточно велика, чтобы двое могли откинуться за стол, и в нем каждая кушетка, сделанная из серебра стоимостью в двадцать мин, была украшена, как на свадьбе. У Александра были золотые ножки. И на пир были приглашены все его персидские друзья, и им отвели места на противоположной стороне зала от него самого и других женихов. А все войско, и моряки, и посольства, и гости собрались во внешнем дворе. Зал был украшен самым роскошным образом, с дорогими коврами, и виселицами из тонкого льна, и гобеленами многих цветов, вытканными золотыми нитями. А для поддержки огромного шатра, из которого состоял зал, стояли столбы высотой в тридцать футов, покрытые серебром и золотом и усыпанные драгоценными камнями. А по сторонам стояли дорогие портьеры, расшитые фигурами и пронизанные золотыми нитями, подвешенные на позолоченных и посеребренных прутьях.

"Окружность двора составляла полмили. Все начиналось по сигналу трубы, будь то начало пира, празднование бракосочетания или возлияние одного из различных возлияний, чтобы все войско знало об этом". "После пира, - продолжает Арриан, - невесты входили и садились каждая рядом со своим женихом, который тут же брал ее за руку и целовал ее; первой это делала царь..... Затем каждый мужчина, взяв свою жену, повел ее прочь. Каждой из них Александр дал приданое. И он велел записать имена всех других македонцев, женившихся на азиатских женщинах, а их, как говорят, было более десяти тысяч. Им Александр тоже преподнес подарки на брачном пиру".

Пять дней подряд артисты из всех стран и народов развлекали космополитическое собрание демонстрацией мастерства, столь же разнообразного, как и идеи и интересы, которые они удовлетворяли. Но разногласия смягчались, а доминирующий *мотив* повторялся снова и

снова благодаря появлению и повторному появлению величайших греческих мастеров драматического и музыкального искусства.

Убедившись на примере этих многочисленных происшествий в том, что раскрытие своей принципиальной политики с помощью тщательно продуманных постановок и представлений перед как можно большей аудиторией было характерной чертой характера Александра, мы можем вернуться к его необычному визиту в храм Аммона Киринейского. Сначала ему пришлось пройти сто семьдесят пять миль вдоль ливийского побережья, а затем в юго-западном направлении около семи дней, прежде чем он достиг своей цели. Месяц тяжелейшего похода в то время, когда каждый день был дорог, был той высокой ценой, которую Александр счел нужным заплатить за признание, которое он получил как сын Зевса. В чем же заключалась ценность этого широко разрекламированного признания?

То, что оно не имело никакой ценности для Египта и народов Азии, для которых бог Сивы, как и пророк в его собственной стране, был без чести, подразумевает, что Александр высоко ценил его в греческом мире, где голос, услышанный в Сиве, был, по сути, наставлением для благочестивых и мог смущать всех, кто занимал официальные должности. Однако оракул всегда был адресован прежде всего тому, кто его получил. Другие люди могли безнаказанно пренебречь им. Тем не менее Александр сделал так, что никто не мог не знать о том, что Зевс признал его своим сыном. Несомненно, это вызвало бурные дискуссии, но на этом дело, похоже, закончилось для Эллады, пока семь лет спустя, во время праздника в Сузах, Александр не издал указ всем греческим городам-государствам, новым и старым, чтобы они признали его богом.

Как бы странно это ни казалось нам, у которых церковь и государство резко отделены друг от друга, а религия зависит от откровения, которое можно толковать, но не дополнять, этот вопрос относился к компетенции общего собрания граждан каждого города. В это время в Афинах, например, ожидали у своих ворот многие иностранные божества, на официальное признание которых в еkkлeсии претендовали как пришельцы, так и местные жители. Это и египетская Исида, и кипрская Афродита. В сравнительно недавние времена еkkлeсия уступила подобным просьбам и причислила к божествам афинского народа Асклепия и фракийского Бендиса.

В политеистическом мире нет логического предела возможному числу богов, так что всегда существует вероятность того, что существуют божества, которых данное сообщество еще не обнаружило в тот или иной момент. В таком мире логически необходимо, чтобы на небесах не было анархии. Поэтому каждая община должна была ранжировать своих богов и богинь в соответствии с их силой и сферами деятельности. Низший бог, полубог или герой, соответственно, был отделен от человечества не глубокой и не широкой пропастью. С большинством своих божеств греки, по сути, находились в близких отношениях, как средневековые христиане со своими святыми. Различные из низших богов, например, Тесей и Геракл, предки Александра, когда-то были людьми, вознесенными на Олимп по милости Зевса за многочисленные услуги, которые они оказали людям. Это правда, что они были детьми Зевса; но разве Зевс не назвал Александра своим сыном? Почему бы и ему не быть обожествленным?

Сложность с точки зрения религии - тех чувств, которые в прошлом приводили к героизации людей, - заключалась в том, что он был еще жив. И это была непреодолимая трудность. Из религиозных представлений греков никогда не вытекало поклонение живому правителю; и,

по сути, именно благочестивые люди и по теологическим причинам выступали против воздания божественных почестей Александру в Афинах и других местах.^[72] Самое большее, чего можно было ожидать от людей религиозных убеждений, - это молчаливое согласие с тем, чему они не могли помешать.

Апофеоз Александра был основан на нечестии, на неверии в сверхъестественное. Ведь эпоха, в которую он жил, была отмечена именно этим. В то бурное и напряженное время древнегреческая религия обанкротилась. Для просвещенных людей - а их тогда было легион - боги перестали иметь объективную реальность. Подобно духам усопших, которых Улисс вернул к сознанию, дав им испить крови, они зависели в своем существовании от доброты людей. Без помощи живых они были бы не просто забыты - они были бы уничтожены. Именно благодарность человечества поддерживала память о благодетелях зелеными обрядами, считавшимися и называвшимися религиозными. Когда-то, конечно, божества были реальными существами, но это было до их смерти, когда они жили на земле как люди. Тогда они совершали великие дела - основывали города, завоевывали миры, устанавливали законы, изобретали искусства, выращивали злаки и фрукты, дрессировали животных. Так что, по крайней мере, многие талантливые и образованные люди уже преподавали. Но Эвгемеру Мессенскому, примерно пятьдесят лет спустя (около 280 г. до н. э.), оставалось дать этой идее классическое выражение в занимательном труде по популяризации.^[73] Со всей обстоятельностью Дефо рассказывает, как во время своего путешествия он был занесен на юг Индийского океана из Араби Благословенного, пока не прибыл на остров Панхея. Там он обнаружил образцовую общину, социальную и политическую организацию которой он описал в манере, знакомой нам по "*Республике*" Платона. Там же он сделал замечательное открытие - написанный Гермесом на золотых скрижалях на "реформированном египетском" языке рассказ о жизни и достижениях Хроноса, Зевса и всех остальных богов и богинь греческой иерархии. Они были царями и знатными людьми Панхеи, а некоторые из них, как Зевс и Дионис, были завоевателями мира. Другие, правда, заслужили благосклонность потомков весьма сомнительными поступками. Афродита была первой проституткой, а Кадм, дед Диониса, был поваром царя в Сидоне и сбежал с флейтисткой по имени Гармония.

Это "священное писание", естественно, было самым последним и авторитетным откровением. Кроме того, его спасло от превращения в евангелие атеизма то, что, как говорит Кюмон^[74], "оно оставило вечным и нетленным звездам... достоинство изначальных богов и возвысило их в той мере, в какой опустило их соперников минувших дней". Главная заслуга Хрона заключалась в том, что он ввел в Панхее поклонение небесным телам.

В этом отношении *Писания* Эвгемера соответствовали сильному течению как ранней, так и современной религиозной мысли. Большинство людей того времени признавали сверхъестественные силы определенного рода, такие как Тихе, "Шанс", - любимое божество эллинистического мира, - чью роль в человеческих делах современные неверующие в религию также отрицали бы в последнюю очередь. Но они отказывались признавать действенными богов и богинь, в честь которых города содержали храмы, жрецов, жертвоприношения и игры, за исключением тех случаев, когда они жили на земле в виде мужчин и женщин.

В лучшем случае эти божества были просто прототипами Александра, который основал семьдесят городов и дал им свои конституции и законы, завоевал всю территорию, которую когда-то захватил Дионис, и планировал проложить шоссе вдоль побережья Северной Африки к столбам, установленным Гераклом на границе мира; кроме того, он формировал массы Европы и Азии в новую расу и поддерживал, как никогда не делал ни один бог, социальные и политические рамки мира.

Религия была не в состоянии возвысить живого человека до божества. Даже в Египте священные животные были всего лишь священными животными до семидесяти дней после смерти, когда они становились божествами. Но иррелигия, низведя всех богов до уровня людей, не имела причин отказывать великим людям в почитании, которое она оказывала великим мертвецам.

Основополагающий документ об обожествлении греческих царей дошел до нас с печатью афинского государства. Его пела толпа на официальном приеме своего государя, молодого македонского царя Деметрия Полиоркета, по возвращении в Афины в 290 г. до н. э. [75] "Царь приходит, легкомысленный, как подобает богу, справедливый и смеющийся, но величественный в кругу своих придворных, он - солнце, они - звезды: "Приветствую тебя! дитя могучего Посейдона и Афродиты. Другие боги далеко, или не имеют ушей, или не существуют, или не заботятся о нас, но тебя мы видим лицом к лицу - настоящего бога, а не деревянного и каменного". Это броское богохульство не позволяет усомниться в том, из какой области мысли возникло поклонение греческим правителям.

Но зачем людям, которые считали уже имеющихся у них богов бесполезными, обременять государство культом другого, чья власть была слишком реальной? Зачем отказываться от царя Бревна ради возможного царя Аиста? Именно в этом вопросе ученые сегодня расходятся во мнениях. Есть те, кто считает апофеоз Александра данью уважения, которую греки отдавали трансцендентному гению, результатом вызывающей благоговение личности человека. Признаюсь, однако, что восторженное восхищение, которое это предполагает, не кажется мне гармоничным с презрительными высказываниями, которыми было отмечено установление его культа в некоторых местах Греции. [76] В Спарте Дамис в связи с посланием Александра о провозглашении его богом предложил спартанцам "позволить ему называться богом, если он этого хочет"; а в Афинах Демосфен советовал своим согражданам "признать царя сыном Зевса или, если ему так угодно, сыном Посейдона". В других местах, однако, признание, по-видимому, было достаточно спонтанным и являлось выражением реальной благодарности за оказанные или ожидаемые услуги. Но греки и в более ранние времена, да и другие народы, были не менее благодарны и не менее раболепны, не обожествляя объект этих чувств. Почему же восхищение, благодарность или раболепие приняли такую форму в данном конкретном случае?

Верно, что обожествления греческих городов *требовал* Александр, и что именно в ответ на мандат, отправленный им из Суз в 324 году до н. э., "священные послы", которые отправлялись к богам, а не к царям или государствам, прибыли в Вавилон весной 323 года до н. э. за несколько недель до смерти Александра с указами, в которых его просьба была удовлетворена. Но в течение последующих пятидесяти лет подобные почести оказывались последующим правителям по инициативе греческих городов, а иногда и вопреки воле и интересам получателя. Таким образом, мы можем быть уверены, что на первых порах обожествление было уступкой как Александру, так и городам его царства. Думаю, мы также не можем сомневаться в характере услуг, которые оно оказало.

Оно давало Александру правовое положение в мире городов-государств, который он организовывал. Аристотель учил его, что несправедливо, если человек с такими высокими политическими способностями, какие он проявил, будет считаться достойным простого равенства в городах своего царства. Иначе и быть не могло, если бы он стал их гражданином. С другой стороны, теперь, когда он освободился от конституционных ограничений, наложенных на предыдущих царей Македонии, и от договоров, которые он заключил с

эллинскими городами в начале своего правления, он рисковал быть преданным смерти, объявленным вне закона или подвергнутым остракизму, если он не будет, как предлагал Аристотель, причислен к божествам на земле.

С его точки зрения, его правление становилось легитимным, когда его зачисляли в число божеств, признанных каждым городом; ведь после этого он имел полное право отдавать приказы всем жителям своего мира. С другой стороны, обожествляя Александра, они избавлялись от невыносимой необходимости подчиняться командам чужеземца. Тем самым они давали свое согласие на то, чтобы ими управлял он. Они подчиняли свою волю его воле.

Обожествление правителей, соответственно, было просто проскинезом городов. Его следствием стал абсолютизм, подобного которому Европа - и, если уж на то пошло, Азия - никогда не знала прежде и не переставала знать с тех пор. И именно это меланхоличное последствие апофеоза слишком часто заслоняет его важнейшую услугу: он сделал возможным прочное объединение всех городов-государств мира в одно большое территориальное государство.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Hogarth, D. *The Deification of Alexander the Great*. В "Английском историческом обозрении", II (1887), с. 317 и далее.
2. Niese, B. *Zur Würdigung Alexander's des Grossen*. In *Historische Zeitschrift*, LXXIX (1897), pp. 1 ff.
3. Уилер, Б. И. *Александр Македонский*, (1900).
4. Bevan, E. *The Deification of Kings in the Greek Cities*. В *английском историческом обозрении*, XVI (1901), стр. 625 и далее.
5. Meyer, Eduard. *Alexander der Grosse und die absolute Monarchie*. In *Kleine Schriften* (1910), pp. 283 ff.
6. Kärst, J. *Der hellenistische Herrscherkult*. Beilage 2 in *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, II, 1 (1909), pp. 374 ff.
7. Ferguson, W.S. *Legalized Absolutism en route from Greece to Rome*. В *American Historical Review*, XVIII (1912), pp. 29 ff.

ССЫЛКИ:

[58] Arrian, *Anabasis*, VII, 9, 2 ff.

[59] *De Cor.* 67.

[60] Müller, F.H.G., I, *Frg.* 27.

[61] *Politics*, III, 11 (17), 12, p. 1288 a.

[62] *Politics*, III, 8 (13), 1, p. 1284 a.

[63] *Politics*, I, 1 (2), 9, p. 1253 a.

[64] Aulus Gellius, *Noctes Atticæ*, IX.

[65] Johnston, R.M., *The Corsican*, p. 498.

[66] См. выше, стр. 28, и ниже, стр. 243.

[67] Plut., *Alex.* 54.

[68] *Kleine Schriften*, pp. 314 ff.

[69] VII, 4, 4 и далее.

[70] Athenaeus, XII, pp. 538 ff. (Переведено Уилером в его *Alexander the Great*, pp. 477 f.)

[71] VII, 4, 7 f.

[72] В Македонии, регентом Ἀντί πατρος ἀσεβὲς τοῦτο κρίναξ (Suidas).

[73] Pauly-Wissowa, *Real-encyclopädie*, VI, 1, pp. 952 ff.; Wendland, *Die Hellenistisch-römische Kultur* (1907), pp. 67 ff.

[74] *Astrology and Religion among the Greeks and Romans* (1912), p. 55.

[75] Ferguson, *Hellenistic Athens*, p. 143.

[76] Meyer, Ed., *Kleine Schriften*, p. 330, n. 2.

V

ИМПЕРИЯ ПТОЛЕМЕЕВ

За смертью Александра Македонского последовало несколько дней неопишемого смятения. Когда некое подобие порядка было восстановлено, было официально объявлено, что он вовсе не умер, а просто "отошел от жизни среди людей". Соответственно, память о нем не была проклята, и в каком-то смысле его присутствие в мире, который он преобразил, продолжало осознаваться. Но не в каком-то реальном смысле. На имперских монетах, где бы они ни выпускались, некоторое время изображалось лицо великого царя в виде Зевса Аммона; но не существовало никакого имперского культа, который бы неуклонно внедрял в сознание людей мысль о том, что их умерший повелитель занимает почетное место среди олимпийцев. Его *деяния* были подтверждены не волей тех, кто наследовал его власть, а силой исторических событий.

Его наследниками стали македоняне, которых он недавно пытался вытеснить из родового партнерства с ним. Теперь их можно было найти частично в Македонии, частично в отрядах по всей империи, а частично в Вавилоне, где Александр и умер. Те, кто находился в Вавилоне, взяли на себя ответственность действовать от имени всего народа; они установили регентство в интересах Филиппа Арридея и сына, которого должна была родить Роксана, и согласились на "захват" важных западных сатрапий, который сразу же был осуществлен их главными офицерами.

Именно они решили не продолжать амбициозные проекты Александра. Они, как им было сказано в его бумагах[77], заключались в том, чтобы "построить в Финикии, Сирии, Киликии и на Кипре тысячу кораблей типа супертрирем для похода против карфагенян и других народов, обитающих на берегах Средиземного моря от Ливии и Иберии до Сицилии;

построить дорогу вдоль побережья от Кириinei до Геракловых столпов, подготовить гавани и морские станции в подходящих местах; возвести шесть храмов за огромную сумму в 1 890 000 долларов каждый (пятнадцать сотен талантов); основать города и пересадить мужчин и женщин как из Азии в Европу, так и из Европы в Азию, соединив таким образом два величайших континента взаимопониманием, основанным на дружеском общении и братских чувствах, вызванных межнациональными браками." Александр, как оказалось, считал свою работу выполненной лишь наполовину: македонцам не терпелось насладиться плодами предприятия, которое они считали уже завершенным.

Их настроения разделял и Птолемей, сын Лагоса, бывший одним из помощников Александра. По приказу Александра он женился на персидской принцессе, но теперь бросил ее и, взяв с собой свою афинскую любовницу Таис, отправился в Египет, который был отдан ему в удел. Там он прочно обосновался, управлял властно и проницательно в течение сорока лет и, женившись последовательно на двух македонских принцессах, основал династию, которая дала Египту последнюю великую царицу, Клеопатру VI, а до ее воцарения - десять царей,^[78] все из которых носили имя Птолемей. Между собой они правили двести семьдесят один год; средняя продолжительность правления составляла более тридцати двух лет; несколько из них были изгнаны на время, у нескольких были коллеги, но девять из них умерли, владея тронem. Это статистический отчет, который трудно сравнить со всей историей.

Проследить карьеру этих одиннадцати монархов было бы увлекательным исследованием человеческой предприимчивости и человеческой испорченности. Но сделать это означало бы исчерпать имеющееся в моем распоряжении пространство, не дойдя до специальной темы моего очерка. Поэтому достаточно отметить, что история Птолемеев делится на императорский период, продолжавшийся четыре царствования и сто двадцать лет (323-203 гг. до н. э.), и внутренний период, также длившийся сто двадцать лет (200-80 гг. до н. э.), в течение которого туземные народы, поощряемые слабостью Птолемеев за границей и губительным расколом между военными и гражданскими элементами иностранного населения, одерживали одну победу за другой за счет династии. Затем следует третий период, длившийся пятьдесят лет, в течение которых Египет находился во власти уже не римского сената, а всемогущих полководцев, свергнувших его.

Последний царь Египта, Птолемей Трубач, бастард по рождению и инстинкту, унижал себя в течение двадцати восьми лет (80-52 гг. до н. э.); но, разорив свою казну и пожертвовав добрым мнением соотечественников, он сумел передать сильно потускневшую корону своей знаменитой дочери, тогда еще семнадцатилетней девочке.

Клеопатра VI обладала преимуществом, гораздо более ценным, чем раболепие и шутовство ее отца, а именно личной привлекательностью. Она рано потеряла всякое отвращение к использованию своих физических чар, а также еще более заметных душевных граций в том, что, при всей нашей неприязни к императорским куртизанкам, мы должны охарактеризовать как ее галантную и патриотическую попытку спасти свою страну от разрушителя, сделать царицу Египта супругой, а не рабыней грядущего римского монарха, поставить гордую Александрию рядом с властным Римом во главе средиземноморских народов.

Она отдалась Юлию Сезару, родила ему сына, покинула свое царство и присоединилась к нему в Риме, где Цицерон и другие оказывали ей знаки внимания в садах Сезара, гадая, не станет ли она их титулованной королевой. В современных документах Сезар назван "спасителем и благодетелем обитаемого мира"; в последний год своей жизни он был занят проектами вселенской империи. Он намеревался присоединить к своему царству еще не

присоединенные к Риму районы, покорить гетов, скифов, и парфян. Почему Египет, самый богатый приз из всех, не был включен в список его запланированных завоеваний? Это была страна, которую он пытался получить в качестве своей провинции более двадцати лет назад. Но это было еще до встречи с Клеопатрой. То, что он не включил ее в военную программу, которой занимался в момент своего убийства, говорит о том, что решение египетского вопроса Клеопатрой, скорее всего, было и его решением.

Десять лет спустя Александрия стала свидетелем необычайного зрелища. ⁷⁹ На сцене, покрытой серебром, стояли два золотых трона, на которых бок о бок восседали Антоний в образе Диониса и Клеопатра в образе Исиды. У их ног сидел Сезарион, сын Клеопатры от Сезара, а на одном уровне с ним Александр, ее старший сын от Антония, в персидском костюме и с диадемой персидских царей. Ниже сидела сестра-близнец Александра, Клеопатра Селена, а рядом с ней ее младший брат, Филадельф, в македонском костюме и с головным убором царей Македонии. Значение этой сцены объяснил сам Антоний: Клеопатра, царица Египта, Кипра и Сирии, отныне была "царицей цариц"; ее сын, Сезарион, - "царем царей". Александр был провозглашен царем Армении и государств, лежащих между Евфратом и Индией, Филадельф - Сирии и всех земель между Евфратом и Геллеспонтом, Клеопатра Селена - царицей Ливии, в том числе Кирены. Это было восстановление древней империи Птолемеев, а в лице Антония символизировалась "захваченная Италия". Александрийская сирена вернула себе то, что потеряли ее предки; и если бы римлянин, которого она очаровала, оказался способен удержать свое первоначальное господство в Италии, она, возможно, оправдала бы свою хвастливость и вершила правосудие на Капитолии. Но Антоний потерпел поражение при Акциуме, и молодой Август прибыл в Египет, подобно товарищам Улисса на берег искуссителей, с ушами, залепленными воском.

Паскаль^[80] говорит: *Le nez de Cléopâtre: s'il eût été plus court, toute la face de la terre aurait changé.* Но Паскаль говорит как философ. Он, вероятно, не знал, что у Клеопатры был выдающийся нос. Он, конечно, не знал, что ее смерть практически ничего не изменила в конституционном положении Египта. В каком-то смысле Август был просто исполнителем политики великой царицы; ведь после завершения реорганизации Римской империи, "как говорит Моммзен^[81], "столь же правильно сказать, что цари Египта правили в Риме, как и то, что князь римского народа царствовал в долине Нила". Как бы то ни было, империя Птолемеев не могла быть вызвана из прошлого даже магией женской красоты; ибо, как мы увидим, когда перейдем ко второму периоду ее истории, смерть, которой она умерла, была естественной. Он лишь испытал судьбу, к которой был предрасположен своей конституцией. С самого рождения она была поражена неизлечимыми слабостями.

Тем не менее, в течение первого столетия своего существования она показала себя с лучшей стороны, а во время правления второго монарха, Птолемея Филадельфа (285-246 гг. до н. э.), ее столица, Александрия, была Лондоном древнего мира. Единственным ее соперником в торговле и коммерции был сосед с запада, Карфаген. Золотой век Птолемеев совпадает с единственной эпохой в истории мира, когда Африка была лидером в деловой предприимчивости, в денежной мощи, в военно-морской силе, в роскоши, в науке и, пока не наступило настоящее испытание, в политическом престиже и влиянии. Торговая аристократия Карфагена и просвещенные деспоты Александрии поделили между собой Средиземноморье. К западу от Сицилии лежало карфагенское озеро, в которое иностранные корабли заходили на свой страх и риск; к востоку от него главные гавани на всем протяжении от Киринеи до Корсиры, а также острова, лежащие в этой замкнутой области, Птолемеи стремились закрепить за собой. Владение морем между Египтом и Греко-Македонским

миром, омываемыми им берегами и окруженными островами было главным объектом внешней политики первых Птолемеев.

Основатель династии был храбрым воином, но осторожным полководцем. Снова и снова он отступал из Азии перед сухопутным нападением и возлагал основную надежду на естественную оборону Египта. Он совсем не был моряком, но стал адмиралом и в результате трех великих морских экспедиций (308-306, 295-294, 288-287 гг. до н. э.) передал своему не склонному к военным действиям сыну основную часть владений семьи за пределами Египта. Основатель династии был одновременно и основателем империи.

К Соломону Птолемею, Филадельфу, обращается Феокрит,^[82] сицилийский поэт, недавно приехавший в Александрию в поисках покровителя, в следующих хвалебных строках: - "Он видел триста раз.

"Он видел, как триста городов возникли,
Три тысячи, да три мириада; и над всеми
Он правит, принц героев, Птолемей.
Он владеет половиной Финикии и половиной Арабии,
На Сирию и Ливию, и на Эфиопию мутную;
Покоряет памфилийских и киликийских храбрецов,
Ликийцев и карийцев, обученных войне,
И все острова; ибо никогда флот, подобный его
Не ходил по океану: и суша, и море
И шумные реки приветствуют царя Птолемея".

Герой этих строк только что успешно завершил войну со своим братом в Киринее и соперником в Азии (273 г. до н. э.); и, за исключением вероятного промежутка в четыре года (253-249 гг. до н. э.), непобедимый флот, которым он тогда обладал, правил морем до самой его смерти. Но он был не просто королем-воином. За всю свою жизнь он ни разу не командовал армией или флотом лично. Как и Август Сезар, с которым его сравнивали, он обладал тонкой конституцией, не приспособленной для грубой и шумной войны. Он обладал живым умом, который тщательно культивировал, и, подобно императору Адриану, неутолимой жадностью новизны. Новая книга, старая картина, дикий зверь, полезное изобретение - все это вызывало его любопытство. Одна удивительная женщина - его родная сестра - вырвала его из пут самообольщения. Она стала его женой - как могла бы поступить любая египтянка со своим братом - и, хотя она была его царицей не более шести лет (275-270 гг. до н. э.), когда ей было больше сорока, а ему больше тридцати двух, он следовал ее политике и лелеял память о ней долгие годы.

Чтобы ее *акт* не был недействительным, он обожествил ее после смерти, а чтобы он мог оставаться ее супругом, он одновременно вознес себя на ее сторону как первого самозванного царя-бога со времен Александра.

Сладострастник по инстинкту, он окружил себя в Александрии всем, что отвечало его разнообразным похотям.^[83] Женщины, которых он взял в свой гарем после смерти сестры, получили дворцы и скаковых лошадей, публичные статуи, - в костюмах, которые не всегда были скромными, - и даже божественные почести. В Александрии были заложены новые великолепные кварталы, возведены общественные сооружения, как там, так и в других частях его царства. В столицу съезжались ученые, литераторы и музыкальные знаменитости, привлеченные фондами и коллекциями Музея, богатством библиотеки, обилием праздников

и либеральностью царя, желавшего, чтобы Александрия стала для нового мира тем, чем были Афины для старого.

Однако, несмотря на все эти многообразные удовольствия, жизнь утомляла многоопытного монарха. Он обратился от врачей к шарлатанам и, страшась боли и смерти, экспериментировал с шашками, которые якобы даровали бессмертие: странный поступок для того, кто уже был богом! Страдая от подагры, он завидовал судьбе феллахов, которых видел из своего окна, растянувшихся на песке под солнцем и вкушающих свою простую пищу. "Бедняки, - воскликнул он однажды, - если бы я был одним из вас!"

"Из-за богатых занавесей своего дворца", как выразился его сильный противник, Антигон Македонский[84], Птолемей Филадельф осторожно и ловко играл в большую игру международной политики. Его эмиссаров, нагруженных подарками и деньгами, можно было встретить в каждой столице от Ганга до Тибра. "Могущественные цари" и "великие города", говорит нам Феокрит,[85] были на его содержании; а в гавани Александрии стояло множество огромных боевых кораблей, готовых придать дипломатии особое значение и поддержать агентов, которых его золото приводило в действие.

С помощью этих средств он также держал открытыми дороги, которые вели через море со всех сторон в Александрию; отгородил бахромой египетских владений великую континентальную империю Селевкидов от доступа к Средиземноморью; удерживал Грецию в состоянии столь упорного восстания против ее сюзерена, Македона, что мог отгородиться от любой опасности с этой стороны.

Он расширил унаследованную им империю, захватив Ионию, когда Евмен I Пергамский сбросил сюзеренитет Селевкидов и пошатнул их власть в Малой Азии (263-261 гг. до н. э.); но завоевания, которых он тогда добился, ему пришлось оставить во время потрясений, сопровождавших восстание его "сына" в Эфесе (259-255 гг. до н. э.), и он понес еще большие потери в Азии во время войны, которую он вел впоследствии (253-249 гг. до н. э.), с Македонией и Сирией вместе взятыми. Однако в начале своего правления (246-242 гг. до н. э.) его сын, Эвргет, вернул их себе, а также приобрел округа в Ионии и Геллеспонте; положение, которое он таким образом обеспечил, он сохранял до своей смерти двадцать лет спустя. На море, однако, он показал себя менее настойчивым, чем его отец. Филадельф потерял контроль над Эгейским морем, когда был разбит при Косе в 253 году до н. э. Антигоном Македонским, но не успокоился, пока не восстановил его четыре года спустя, когда лига островитян, которая была непосредственным предметом спора, снова оказалась под властью его адмиралов. В 242 году до н. э. Эвргет потерпел сокрушительное морское поражение у острова Андрос от рук "ветерана" Антигона; после этого он вообще отпустил Киклады. Однако это было не единственным продолжением; из-за больших затрат и незначительных выгод, связанных со строительством и поддержанием в готовности огромных линкоров, которые тогда использовались, а также, возможно, из-за неспособности карфагенян, несмотря на большие военно-морские расходы и приготовления, удержать море против импровизированных флотов Рима в Первой Пунической войне (которая только что закончилась), третий Птолемей, как и правительство Барсидов в Карфагене, отказался от политики содержания флота, достаточно сильного, чтобы изгнать всех врагов из соответствующих частей Средиземноморья. В каждом случае это было большой ошибкой. Когда в конце III века до н. э. Македон и Сирия, традиционные и многострадальные враги Египта, оказались в состоянии возобновить совместную борьбу с Птолемеями, разросшаяся империя Птолемеев рассыпалась, как карточный домик, и только Рим спас династию от полного уничтожения.

В борьбе за иностранные владения ранние Птолемеи руководствовались самыми разными мотивами. Среди них, конечно, была и гордость за обладание. Придворный поэт Каллимах[86] задел за живое, когда в своей поэме, посвященной смерти Арсинои, сестры-жены Филадельфа, передал печальную весть от маяка к маяку, пока она не достигла Лемноса на внешней границе империи. Национальная честь - сильный мотив для действий, , но обычно он вызван скорее страхом потерять то, чем владеешь, чем надеждой приобрести что-то новое. Поэтому мы должны глубже искать причины, побудившие осторожных государственных деятелей, таких как первые два Птолемея, опоясать Египет своим поясом власти.

Мотив, предложенный Полибием[87], совершенно иной. Птолемеи удерживали, как он говорит, "важнейшие города, места и гавани на всем побережье" восточного Средиземноморья, опасаясь возможных движений со стороны монархов Сирии, Малой Азии, Фракии и Македонии. И нет никаких сомнений в том, что он прав, приписывая им эту довольно злонамеренную цель. Они, несомненно, были большими интриганами. Но Полибию, наблюдавшему со стороны, из одного из районов, пострадавших от близкого соседства египетских гарнизонов и морских станций, связь этих постов с внешней политикой Птолемеев была свойственна навязчивость, исключая все остальное. В наши дни историки склонны к подобной однобокости из-за пристального внимания к экономическим факторам. Они совершенно правы, когда подчеркивают важность военно-морской мощи Птолемеев и выгодных позиций в Европе и Азии для развития александрийской торговли. Маяк, который Птолемей возвел в устье Нила за миллион долларов (восемьсот талантов), был не только одним из семи чудес света : он был вестником доброй воли для торговых судов, которые приходили из всех зависимых стран с грузом или без, чтобы получить для греческого потребления разнообразную продукцию александрийских мануфактур, египетских зерновых полей и нильских перевозок из Аравии, Индии, Сомалиленда и Эфиопии. То, что символизирует маяк, доказывает рост Александрии до полумиллиона человек за сто лет: масштабы торговли, которую стимулировали трансмаринские владения Египта, хотя они ее и не зарождали.

Однако историки экономики ошибаются в том, что делают то же, что и Полибий. *Он* сделал имперскую политику первых Птолемеев преимущественно внешней; *они* же делают ее преимущественно торговой. На самом же деле она диктовалась и простыми внутренними потребностями. Давайте посмотрим, что это было.

Первый Птолемей занял место фараона после смерти Александра Македонского. Единственным правом, которое он хотел признать за египтянами, было право на завоевание. Что касается их, то мы можем быть уверены, что подобно тому, как они создали миф о том, что Александр на самом деле был не ребенком Филиппа, а сыном, рожденным от Олимпии либо Нектанебом, последним родным фараоном, либо Аммоном, самым великим богом, принявшим для этой цели облик Нектанеба; и подобно тому, как в более поздние времена они представляли Сезара и Антония реинкарнацией Аммона, чтобы внебрачные дети Клеопатры могли быть законными фараонами: так и к Птолемею они применили фикцию, с помощью которой на протяжении тысячелетий они были склонны заполнять пробелы в генеалогии своих царей.[88]

Мост, однако, был необходим, поскольку, по их мнению, боги, некогда жившие среди людей, удалившись в божественные обители, оставили одного из них править миром, которым, разумеется, был Египет. От него происходили все их цари. Фараон, соответственно, был единственным богом, живущим на земле, и, как таковой, подходящим посредником между людьми и великими богами и богинями верхнего и нижнего мира.^[89] Фараон, таким образом, был одновременно и богом-царем, и главным жрецом. Вся земля и народ Египта были его собственностью. Без его присутствия и опеки земля буквально зачахла бы и стала бесплодной, а мужчины, женщины и дети погибли бы. Соответственно, Египет должен был иметь законного фараона. Птолемея можно было сделать отпрыском Аммона так же легко, как Александра Македонского, но как это было сделано, мы не знаем.

Прибыв в Египет, Птолемей обнаружил там еще два государства в дополнение к египетскому. Это были старый греческий город Наукратис и новый город Александрия. Третье возникло, когда он сам основал Птолемаис, чтобы стать для Верхнего Египта тем же, чем была Александрия для Нижнего Египта - центром и точкой сплочения эллинских интересов. К этим трем городам-государствам он добавил множество других в Средиземноморье и вокруг него, когда приобрел для своего дома его иностранные владения. Удобным для них было связать себя с ним гордиевым узлом религиозного поклонения; и, как Птолемей Сотер, или Спаситель, он был фактически зачислен в круг божеств, признанных несколькими городами. В Александрии мы можем быть уверены, что ее основатель, Александр Великий, с самого начала пользовался божественными почестями, и что после его смерти граждане ежегодно назначали жреца Александра, как это было принято при его жизни, и так же, как они назначали жреца Зевса или Аполлона. Однако в какой-то момент между 311 и 289 годами до н. э., возможно, после принятия царского титула в 306 году до н. э., Птолемей взял в свои руки управление своей столицей и отныне лично назначал жреца города-бога Александра, который с этого момента стал имперским богом. К этому культу Филадельф не добавил культ своих родителей, "богов-спасителей", когда официально обожествовал их после смерти (283 г. до н. э.); но он добавил к нему культ своей покойной царицы и себя, когда в 270 г. до н. э. открыл поклонение "богам-братьям". Его примеру следовала каждая последующая пара правителей до конца династии, за исключением того, что боги-спасители были вставлены четвертым Птолемеем на их надлежащее место после Александра. Таким образом, центральное место среди богов столицы империи занимала длинная череда ушедших правителей, а во главе ее - живые царь и царица.

За пределами столицы, в городах-государствах царства, как и позднее в провинциях, подчиненных римским императорам, божественные почести воздавались только царствующим монархам. Живой Птолемей, признавая божественность своих предшественников, брал на себя ответственность за действительность всех их *актов*. Они издавали свои мандаты (*prostagmata*) как боги; пока они оставались богами, их мандаты должны были выполняться. Города же не заботились ни о чем, кроме легализации приказов, отданных им их живыми правителями, как только их живые правители легализовали и таким образом стали ответственными за все приказы, отданные мертвыми. В Риме память о некоторых императорах была проклята, а их деяния отменены. Это было возможно потому, что император теоретически был лишь должностным лицом римского народа. Одним из способов признания недействительными *актов* свергнутых правителей был отказ от их причисления к своим богам после смерти. Александрийцы не имели такой свободы действий. Примерно после 306 года до н. э. они сами были подданными, а не хозяевами Птолемеев. В их городе только живой Птолемей был хозяином своего обожествления, и он мог лишиться своего предшественника божественных почестей только тогда, когда, как в единственном случае с основателем династии, монарх пренебрегал тем, что при жизни сам

стал богом . Поскольку его желание было решающим, неудивительно, что вместе с ним на Олимп были вознесены члены его семьи - жена, сестры, дети и наложницы. Любопытно, однако, что Филадельф и четыре его ближайших преемника, требуя от своих подданных поклонения им как божествам, сами относились к себе просто как к царям и тщательно воздерживались от описания себя как богов даже в своих публичных сообщениях. Дело, видимо, в том, что только приняв египетскую теорию божественного воплощения, Птолемеи смогли найти теологическое основание для того, чтобы считать себя богами. Однако от этой уступки туземному мышлению гордые первые члены династии отказались, предпочитая оспаривать своим самоотречением божественные почести, которых они требовали от других. С этой точкой зрения согласуется и тот факт, что первый Птолемей, намеренно заручившийся поддержкой туземцев для своего трона - Эвргет II - был также первым, кто подписывал свои эдикты как θεός, или "бог".

Хотя верно, что ни одна великая империя никогда не существовала без конституционной фикции, верно и то, что она никогда не существовала только на фикции. Македонские солдаты, которых Птолемей нашел в Египте, а также те, кого он привез с собой и за кем послал позже, были необходимы для поддержания его правительства. Пока жил сын Александра Македонского, а на самом деле еще четыре года (до 306 года до н. э.), Птолемей был просто их полководцем. Затем он стал их царем, и чтобы узаконить эту практическую узурпацию, возникла легенда, что на самом деле он был не сыном Лагоса, а сыном Филиппа. К чести Птолемея, он не имел ничего общего с этой клеветой на доброе имя своей матери и предпочел быть скорее незаконным царем, чем незаконнорожденным сыном. Кроме того, нужно было лишь вернуться на поколение или два назад, чтобы присоединить линию Птолемея к линии древних "рожденных Зевсом" царей Македонии. Жена Лагоса фактически принадлежала к царскому роду, о чем Птолемеи тщательно следили.

Империя Птолемеев, соответственно, основывалась на трех параллельных теориях: одна для коренных египтян, другая для греческих городов-государств и третья для македонцев.

Аппиан Александрийский,[90] писавший примерно через двести лет после смерти Клеопатры, ссылается на царские регистры как на авторитет для своего сообщения о том, что Филадельф содержал для сухопутных операций 200 000 пеших, 40 000 конных и оружие для 300 000 человек; кроме того, 300 боевых слонов и 2000 боевых колесниц; для морской войны - 2000 транспортов, 1500 линкоров с тремя-пятью банками гребцов, веслами и оснасткой для вдвое большего числа. Кроме того, согласно тому же авторитету, у него было 800 царских барж с позолоченными пупами и клювами, а в его казне хранился запас в 740 000 египетских талантов, или 890 000 000 долларов.

То, что приведенный резерв в три раза превышает стоимость золота и серебра в казначействе Соединенных Штатов, показывает, что это перечисление относится только к истории, которую еще предстоит написать об абсурдности статистики. Более достоверные оценки египетской армии составляют 80 800 человек при втором Птолемеи и (без учета туземцев, которых тогда насчитывалось 26 000) 49 700 человек при четвертом Птолемеи.[91] Это очень большие цифры. Для решения многих вопросов птолемеивской политики поможет наблюдение за тем, откуда были взяты солдаты.

Но сначала заметим, что они не могли происходить от местных жителей, поскольку их важнейшей обязанностью было держать их в подчинении. Нужно было сдерживать так много людей! В самой Александрии был большой туземный квартал. Два других греческих города в

этой стране были лишь чужеродными пятнами среди огромного множества людей. Вверх и вниз по долине лежали туземные деревушки, насчитывавшие, согласно Феокриту, 33 333 человека, и кишачие семью миллионами людей, которых тогда содержал Египет. Александр Македонский, возможно, мечтал эллинизировать эти массы; Птолемей, однако, не имел такой мысли, о чем убедительно свидетельствует тот факт, что при его династии и, по крайней мере, в течение двух веков после ее падения Наукратис, а также, вероятно, Птолемей, законодательно запрещали браки между своими гражданами и туземцами[92].

Единственным землевладельцем в Египте был царь. Вся долина Нила была буквально его личным владением.

За исключением отдельных участков, "выделенных" для определенных целей, которые мы рассмотрим через некоторое время, пахотная земля вокруг бесчисленных туземных деревень находилась во владении арендаторов короны, которые платили королю около семи бушелей зерна за акр в качестве арендной платы и засевали свои земли в соответствии с королевскими приказами семенами, предоставленными им; которые могли быть лишены собственности в любое время, но не могли оставить свои участки (по крайней мере в период посева и сбора урожая) или свои деревни (за исключением коротких периодов) по собственной воле; которые несли многочисленные повинности, связанные с "геометрией", ирригацией, транспортом, почтой и тому подобными делами, и могли быть перемещены или принуждены в массовом порядке выкупать и обрабатывать сухие или болотистые земли, расположенные рядом с их жилищами; которые платили царю налог с избирателей и налог на дом, а также одну шестую часть урожая своих виноградников и садов, если они были, храмовым властям, назначенным царем; Они покупали пиво, масло, рыбу, мед, ткани, соду, кирпичи, дерево, бумагу и почти все другие предметы общего пользования либо исключительно у короля, который был единственным производителем и продавцом, либо в некоторых случаях у частных торговцев, которые, однако, платили столько за лицензию, что не могли уступать королю. На полях повсюду стояли дозорные, следившие за тем, чтобы король не был обманут. Жандармы патрулировали страну, охраняя дороги и пустыни, чтобы предотвратить контрабанду и "самогонование". В каждой деревне были писцы и банкиры, которые следили за всеми изменениями в семьях и в аренде, следили за каждым платежом. В каждой деревне было свое хранилище записей, зерна, денег. А по Нилу ходили туда-сюда царские транспорты, которые везли излишки в Александрию, а продукцию царских мануфактур на местные склады, откуда она продавалась. Соответственно, царь Египта был величайшим торговцем и производителем во всем мире. Даже на далеком Делосе цены на бумагу, мирру и другие товары устанавливались по желанию царского монополиста. О том, что его вмешательство "регулировало рынок" в своих интересах, можно судить по тому, что лист бумаги, который в 296 году до н. э. продавался за один обол (три с половиной цента), в 279-250 годах до н. э. стоил в среднем одиннадцать[93].

Обиженные бесчисленными чиновниками и ободранные до нитки, феллахи жили при Птолемеях "терпеливо, трудолюбиво, весело", но с затаенной горечью на роскошь, в которой их хозяева жили за их счет в Александрии, выплескивая свой гнев в бессильных пророчествах, что "великий город у воды должен стать местом для сушки сетей рыбаков, а его боги должны перебраться в родную столицу Мемфис"[94].

Очевидно, что армия Птолемеев не могла быть набрана из таких элементов. Египтян можно было посадить на военные корабли в качестве гребцов, использовать в транспортной службе и, иногда, когда в этом была большая необходимость, в небольшом количестве в качестве

солдат. Но если за границей они могли быть полезны в бою, то дома они принадлежали к врагам, которых первые Птолемеи очень боялись.

Граждане Александрии, Наукратиса и Птолемаиса, как таковые, были освобождены от военной службы. Таким образом, великая проблема национальной обороны не могла быть решена основанием новых греческих городов такого типа в Египте, если бы для них было место, или основанием городов любого типа, если бы Птолемей считал возможным организовать местных жителей в городские общины вокруг греческого или македонского ядра - как, возможно, хотел сделать Александр, и как фактически сделали римляне в 202 году н. э.; ведь даже если бы Птолемей заботился о таких вещах, греческого или македонского ядра в Египте еще не существовало. Его нужно было привезти из-за границы. Поэтому для династии Птолемеев было вопросом жизни и смерти оставаться в постоянном общении с регионами восточного Средиземноморья, откуда приходили сторонники их правления, солдаты для их армий.

"Но неужели ты действительно хочешь отправиться в путешествие, - говорит один греческий крестьянин другому в "Феокрите"[95].

"Свободный человек - это Птолемей".

(Æschines)

А кто он еще?

(Тионих)

Джентльмен: человек

С умом и вкусом: лучший в компании;
Преданный дамам; тот, чей глаз зорек
На друзей, и еще острее на врагов.
Большой в своих щедротах, он в королевском роде,
Никому не отказывает в милости: но, Эсхинес,
Не следует просить слишком часто. Это предпосылка,
Если ты накинешь военный плащ
На правое плечо, и с ногами наперевес
Жди, когда на тебя набросятся люди с щитами:
"Привет тебе в Египет".

Финикия и ее внутренние районы были необходимы Птолемею из-за лесов с древесиной для кораблестроения, которой не хватало Египту. Остальные его трансмаринские владения были необходимы из-за запасов надежных солдат, которых также не хватало Египту. Таким образом, как уже говорилось, имперская политика первых Птолемеев была простым следствием их внутренней политики, заключавшейся в том, что Египет считался иностранным государством.

Давайте теперь посмотрим, что они делали с тем запасом солдат, которым обладали, и с новыми рекрутами, которых они постоянно пополняли.[96] Я уже обращал ваше внимание на некоторые земли, которые Птолемеи "отводили" для определенных целей. Один из комплексов таких земель они отвели под храмы. И я могу заметить, что, назначая и

контролируя жрецов, Птолемеи в то же время умиротворяли их, оставляя им ценные привилегии, выплачивая им ежегодно установленные суммы, строя новые и ремонтируя старые храмы и позволяя им производить для собственного потребления различные товары, которые они могли купить только на царских прилавках и по монопольным ценам. Они также выделяли свои земли в льготную категорию. Общим для этой категории является не одно фискальное соглашение, а отказ короля от права непосредственного управления. С ее членами он связывал себя обязательствами, которые не умаляли его права собственности, но ограничивали его возможности завладения.

К этой категории относятся "подарки" больших участков земли с деревнями своим придворным, которые получали их без арендной платы и налогов. Друзья Птолемеев, хотя и проживавшие в Александрии, были, таким образом, землевладельцами-заочниками, содержавшими свои роскошные заведения в столице на ренту, которую платили их египетские арендаторы. Простые солдаты не могли рассчитывать стать феодалами, поступив на службу к Птолемею. Но для "верных товарищей", как называет их Феокрит^[97], - его офицеров, придворных сановников и фаворитов - у него были такие бенефиции.

Рядовым воинам были выделены участки земли по всему Египту; гвардейцам и кавалерии - фермы в шестьдесят пять и сорок пять акров, пехотинцам - фермы в двадцать акров. Для египетских условий это были очень большие отряды, а поскольку при Филадельфе, который усовершенствовал эту систему распределения солдат, армия состояла из 57 600 пеших и 23 200 всадников, то в их распоряжении находилось бы более четверти всей пахотной земли Египта, если бы им была предоставлена только земля, естественно орошаемая Нилом, и если бы никто из них не был наемником, служившим только по найму. Однако многие из них, несомненно, были наемниками такого типа; остальным же обычно раздавались земли, которые требовали определенных затрат капитала и энергии, чтобы быть отвоеванными у пустыни или воды. Таких земель Птолемеи, очевидно, унаследовали изрядное количество от персов, правительство которых в IV веке до н. э. стало неэффективным из-за частых восстаний туземцев.

Солдаты могли сдавать свои участки полностью или частично и жить в Александрии или в других местах. Или же они могли вступить во владение участком и обрабатывать его своими руками. Чтобы облегчить фактическое распределение армии по стране, царь присоединил к лотам "кварталы" в помещениях соседних египтян. Это совсем не понравилось последним, о чем свидетельствует следующее письмо квартирмейстера одному из чиновников округа:^[98] "Мы обнаружили, что некоторые владельцы домов в Крокодилополисе, которые когда-то использовались для расквартирования войск, сняли крыши, замуровали двери и построили на их месте алтари. Это они сделали для того, чтобы их не занимали. Если вы согласны, то, ввиду нехватки помещений, напишите Агенору, чтобы он заставил владельцев домов снять алтари и воздвигнуть их снова лучше прежнего на самых подходящих и заметных частях крыш, чтобы мы могли завладеть ими". Боги никогда не возражали против того, чтобы старые алтари заменялись более красивыми. Отныне религия должна была защищать не входы, а крыши. Древний квартирмейстер знал свое дело.

Правительство было заинтересовано в том, чтобы во всех *номах*, или округах, Египта находился своего рода гарнизон - обученные солдаты, готовые занять свои места в ротах по команде главного чиновника нома, который был также их генералом.

Эти люди далеко не все были македонцами или греками. Некоторые из них были персами, которые были в стране еще при Птолемеях; некоторые были ливийцами, евреями,

фракийцами, мисийцами, галатами; почти все они были из регионов, захваченных империей Птолемеев.

Они не платили арендной платы за свои участки, не взимали налог с населения и десятую часть урожая своих садов и огородов вместо одной шестой. Как и эллины в целом, они могли давать деньги в качестве компенсации за ручной труд на строительстве дамб и каналов. В остальном они облагались более суровыми налогами, чем "королевские арендаторы"; кроме того, они должны были выплачивать королю определенные феодальные "пособия". Если они не выплачивали эти "подмоги" или задерживали налоги, то теряли свои владения. Таким образом, они были вынуждены делать землю, которую обычно получали как пустующую, полезной. Таким образом, солдаты стали "первопроходцами" птолемеевского Египта, неуклонно расширяя пахотные площади страны и исправляя ущерб, нанесенный сельскому хозяйству во время бедствий позднего персидского режима.

После смерти или ухода из армии их жребий возвращался к царю. Царь мог присоединить их к своим владениям или перепоручить другим солдатам. В императорский период истории Птолемеев он, по-видимому, придерживался прежнего курса, когда земля была в состоянии приносить ему ренту в дополнение к налогам. Однако с самого начала он взял на себя обязательство предоставлять новую или повторную субсидию сыновьям умерших или вышедших в отставку солдат, которые были подготовлены к военной службе. Их официально называли "людьми *эпигона*, или прироста", и они поступали в армию одновременно с вступлением в наследство. Таким образом, Птолемеи выращивали в Египте новых солдат, чтобы в будущем постепенно перестать зависеть от наемников, набираемых из-за моря. Египет обогащался новой военной кастой, которая должна была занять место рядом с новой династией, которое "*machimoi*" или "воины" занимали в старые времена родных фараонов.

Хотя солдаты были многорасовыми, все они говорили по-гречески. Они должны были регулировать свое личное поведение и деловые отношения в соответствии с особыми законами, установленными в Египте в интересах различных этносов, или наций, к которым они принадлежали. Ведь в птолемеевском Египте, как и в современной турецкой империи, иностранцы приносили с собой свои собственные правовые ограничения и гарантии, которые, однако, были сформулированы для использования в птолемеевских судах в виде этнических кодексов. Эти кодексы, однако, либо изначально были составлены на греческом языке, либо, подобно законам Моисея, которые соблюдали евреи, в ранние времена были переведены на греческий. Насколько широкой политической свободой пользовались различные народы, сказать трудно, но в целом они, похоже, сдерживали абсолютизм Птолемеев только там, где они собирались вместе в большом количестве, как в Мемфисе и, прежде всего, в Александрии. В других местах этнические группы, несомненно, состояли в основном из территориальных солдат, или *клерухов*, как их называли.^[99] Они, однако, переставали иметь какие-либо гражданские права, когда царь призывал их на действительную службу. В их среде политическая агитация могла стать эффективной только тогда, когда она превращалась в мятеж.

Среди учреждений, которые эллинские и эллинизированные иностранцы принесли в Египет, видное место занимали гимнасии. Некоторые из них, несомненно, поначалу и долгое время были предметом скандала и удивления туземцев. Когда греки бегали и кувыркались голыми на палестрах или в состязаниях, для которых, как и для армии, палестры служили тренировочными площадками, история Геракла и Бусирииса постоянно повторялась; разве что со временем Бусириис понял, откуда берется сила, которой он не может противостоять. Именно в гимназиях греки получали высшее образование и с их помощью прививали своим

сыновьям идеи, которые могла дать только поэзия и философия Эллады. В гимнасиях храмы эллинизма появлялись в каждом уезде Египта.

Иноземцы принесли с собой в Египет свои родные религии, и если они не были монотеистами, как евреи, то легко сходились с мириадами культов местных жителей. Так было установлено религиозное *сближение* и создана бирелигиозная *среда*, в которой процветал новый полугреческий, полуегипетский бог Сарапис, привезенный Птолемеем I из Синопа. Вскоре это Янусоподобное божество, наделенное святостью и чудодейственной силой, которое мог дать только хриплый Египет, и пластической красотой, свойственной грекам, *стало* самобытным великим богом Египта и, в сочетании с Исидой, Анубисом и Гарпократом, самой активной религиозной силой во всем мире империи Птолемеев. Сарапис - Осирис, монарх, судья и спаситель мира мертвых: Птолемеи-Фараон, монарх, судья и спаситель мира живых; эти двое и только эти двое пользовались божественным почтением как греков, так и египтян. Ранние Птолемеи сделали невозможное: приняли местные божества, культы, верования и иерархии в качестве активного элемента в объединенной грабо-египетской религии; позволили двум цивилизациям, представленным в их царстве, объединиться в той мере, в какой это касалось их религиозных идей, практики, стремлений и надежд; и в то же время разделили их в других отношениях: чтобы сохранить в других вопросах неприступное превосходство захватчиков.

Конечно, успех этой попытки привить древнюю религию, которую он, как фараон, должен был принять и сохранить, на новую почву эллинизма, не испортил прекрасный вкус плодов, которые она до сих пор приносила в Греции, зависел от того, чтобы сделать греческие города, Александрию, Наукратис и Птолемаис, и греко-македонские военные колонии просто египетской частью греко-македонского царства, простирающегося через моря до верховьев Эгейского моря. Эту необходимую поддержку своего положения в Египте третий Птолемей поставил под угрозу, когда пренебрег заменой большого флота после 242 года до н. э. Более того, на двадцать долгих лет он оставил свою армию заниматься сельским хозяйством в Египте, в результате чего она неизбежно стала неподвижной. Такое пренебрежение военными вопросами казалось оправданным из-за бессилия двух его великих соперников. Ведь в течение всего этого периода Азию раздирала династическая борьба, а Македон был парализован всеобщим восстанием в Греции. Его слабый и нерадивый сын поплатился за пренебрежение отца. Усилив свою армию 26 000 туземцев, которых он вооружил и обучил на македонский манер (221-217 гг. до н. э.), он сохранил империю на семнадцать лет, когда она пала перед объединенным нападением Македонии и Сирии (202-200 гг. до н. э.); но он искусил египтян мечом претендовать на партнерство с иностранцами в управлении. Их претензии были отвергнуты, что вполне естественно; но как только империя была потеряна и поток иммигрантов в Египет прекратился, Птолемеи "внутреннего" периода были вынуждены признать его справедливость.

Они формировали свою территориальную армию все больше из местных воинов, которым давали все более крупные участки, постепенно уменьшая размер тех, которыми владели иностранцы. Они перестали забирать владения после смерти или выхода в отставку жильцов, признав тем самым право сыновей и других потомков мужского пола получать в обмен на военную службу не сухую или болотистую землю, как в ранние времена, а землю, уже выкупленную капиталом и трудом их отца. Солдаты перестали быть солдатами, проводящими свободное время за завоеванием новых земель из пустынь и болот для имения своего хозяина; они стали фермерами, для которых служба в армии была неприятностью и убытком. Таким образом, армия становилась безнадежно неподвижной.

Эта эпоха в целом была эпохой экономического упадка, а не экономического прогресса; ведь Египет, как показало дальнейшее, больше выиграл от энергичного правления первых Птолемеев, чем потерял от траты излишков на империю. В этот упадочный век египтяне свободно поступали на полицейскую и административную службу, а также в армию. Возвысившись в социальном плане, они могли вступать в браки со своими древними владыками, так что образовалось значительное полукровное и двуязычное население - греки по внешним признакам, феллахи, согласно Полибию, по характеру и культуре. Александрию, говорит он,^[100] "занимают три слоя: египтяне и туземная раса, резкая и (не)цивилизованная. Затем наемные войска, деспотичные, многочисленные и беспутные; ибо по старому обычаю они держали вооруженные отряды, которые научились скорее править, чем подчиняться, из-за никчемности царей. Третьим слоем были александрийцы, и даже они не были по-настоящему цивилизованным населением в силу тех же причин, но все же были лучше двух других, так как, хотя они и были смешанной породы, но изначально были греками, с традициями общего типа греков. Но эта часть населения исчезла в основном благодаря Птолемею Эвргету Фискону (145-116 гг. до н. э.), в царствование которого Полибий посетил Александрию, - ибо Фискон, восстав против, снова и снова напускал свои войска на население и истреблял его, - и при таком положении вещей посещение Египта было долгим и неблагоприятным путешествием". Иностранных врагов всемогущий римский сенат не подпускал к себе в течение II века до нашей эры.

Но Птолемеи, которых теперь представляли энергичные мужчины без характера или с характером и без характера, женщины, в основном происходившие от аделфийских союзов, с замечательными способностями, красотой и нравственностью, в период длительных династических и национальных распрей положили начало драматической эпохе Птолемея Пипера и Клеопатры Великой.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Махаффи, Дж. П. *Империя Птолемеев* (1895) и *Династия Птолемеев* (1899).
2. Beloch, J. *Griechische Geschichte*, III (1904).
3. Bouché-Leclercq, A. *Histoire des Lagides*, особенно vols. III и IV (1906).
4. Rostowzew, M. *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates* (1910).
5. Wilamowitz-Moellendorf, Ulrich von. *Staat und Gesellschaft der Griechen: D. Die makedonischen Königreiche* (1910).
6. Lesquier, J. *Les institutions militaires de l'Égypte sous les Lagides* (1911).
7. Kornemann, E. *Ägypten und das (römische) Reich*. In Gercke and Norden's, *Einleitung in die Altertumswissenschaft* (1912), pp. 272 ff.
8. Mitteis, L., und Wilcken, U. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde* (1912).

ССЫЛКИ:

^[77] Diodorus, XVIII, 4.

^[78] Опуская теневого Евпатора, Филопатора Неоса и Александра II.

^[79] Bouché-Leclercq, *Histoire des Lagides*, II, p. 278; Plut., *Antony*, 54; Dio Cassius, XLIX, 41.

- [80] *Pensées*, VI, 43 bis. Ed. Havet; cp. Bouché-Leclercq, *Hist. des Lagides*, II, p. 180, n. 1.
- [81] *Gesammelte Schriften*, IV, p. 256.
- [82] *Idyll*, XVII. (Перевод Калверли.)
- [83] См. Droysen, *Geschichte des Hellenismus*, ²III, pp. 262 ff.
- [84] Plut., *Aratus*, XV.
- [85] *Idyll*, XVII, 110 f.
- [86] Wilamowitz-Moellendorff, *Sitzb. d. Berl. Akad.* XXIX (1912), pp. 524 ff.
- [87] V, 34, 6-8.
- [88] Bouché-Leclercq, *Histoire des Lagides*, III, pp. 1 ff.
- [89] Breasted, J.H., *Development of Religion and Thought in Ancient Egypt* (1912).
- [90] *Prooem.* 10. Tarn, *Antigonos Gonatas*, pp. 454 ff.
- [91] Athenæus, V, 202 f.; Polybius, V, 65.
- [92] Wilcken, *Grundzüge*, 13, 17, 47.
- [93] Glotz, *Journal des Savants* (1913), pp. 16 ff.
- [94] Wilcken, *Grundzüge*, 22.
- [95] *Idyll*, 14, 58 и далее (перевод Калверли).
- [96] Для следующего раздела основополагающими являются работы Ростовцева, Буше-Леклерка (т. IV), Вилькена и Лескьера, приведенные в Избранной библиографии в конце этой главы.
- [97] *Idyll*, XVII, 111.
- [98] Wilcken, *Chrestomathie*, 449.
- [99] См. об этом разделе Lesquier, *op. cit.*, pp. 142 ff.; Mitteis, *Grundzüge Einl.* XII; Schubart, W., *Spuren politischen Autonomie in Ägypten unter den Ptolemäern*, *Klio*, X (1910), pp. 41 ff.; cf. *Id.* *Archiv für Papyrusforschung*, V, pp. 81 ff.; Jouguet, P., *La vie municipale dans l'Égypte Romaine* (1911); Plaumann, G., *Ptolemais in Oberägypten* (1910).
- [100] XXXIV, 14 (Перевод Mahaffy, *The Ptolemaic Dynasty*, p. 191.)
-

VI

ИМПЕРИЯ СЕЛЕВКИДОВ

Основная часть завоеваний Александра Македонского пришлась на континент Азия. После установления регентства эта обширная область была разделена между более чем двадцатью

сатрапами. Десять лет спустя, осенью 313 года до н. э., один из них, Антигон, известный в истории как Монофthalm, или "Одноглазый", в течение двух лет удерживал всю территорию, лежащую между веерообразными отрогками Гималайских гор и морем. Все азиатское побережье Средиземного моря от Геллеспонта до Газы на египетской границе находилось в его владении. Его флот властвовал на море.

Весна 312 года до н. э. стала одним из самых переломных моментов в древней истории. В лице Антигона появился человек, обладавший волей, способностями и силой, чтобы занять место Александра. Рядом с ним стоял сын Деметрий, отличавшийся необыкновенной привлекательностью и блеском, по прозвищу Полиоркет, или "Взявший города"; так что династия казалась обеспеченной.

Предстоящая работа была четко обозначена, и подготовка к ее выполнению была уже завершена. После восстания в Греции в предыдущем году флот Антигона присоединился к его основной армии, которая была сосредоточена у Геллеспонта в готовности к переходу в Европу для завоевания Фракии и Македонии. В этом районе Антигон вел операции лично. Его сын Деметрий был размещен с небольшой армией в Палестине с инструкциями избегать столкновений и просто держать Птолемея в Египте до окончания европейской кампании. Если он потерпит поражение в нападении на Фракию и Македонию, Антигону не придется опасаться ничего серьезного, пока он будет хозяином моря; в случае победы он сможет обрушиться с неодолимой силой на Египет и завершить объединение империи Александра. Вся кампания была превосходно спланирована, а войска хорошо распределены для ее успешного проведения[101].

В том, что он так и не был начат, отчасти виноват Птолемей, который, осознав масштабы опасности, пошел на отчаянный шаг и пополнил свою армию многочисленными туземцами, а отчасти - Деметрий, который, несмотря на численное превосходство, инструкции и мнение штабных офицеров, рискнул вступить в битву при Газе и потерпел решительное поражение. В том, что проект больше никогда не мог быть возобновлен на столь же выгодных условиях, был повинен Селевк, сын Антиоха. Взяв с собой тысячу человек, этот опытный офицер, старый по службе, но еще молодой по годам, сразу после битвы при Газе отправился в Вавилон, свою собственную сатрапию, откуда он бежал в Египет, опасаясь Антигона, четырем годами ранее. Через десять лет после этого, в 302 году до н.э, когда Антигон снова приступил к завоеванию Македонии и Фракии, после того как выбил Птолемея обратно в Египет, его великая цель была расстроена не только потому, что царь Фракии Лисимах перехитрил его, переправив армию в Малую Азию, но и потому, что Селевк, который теперь владел всей территорией в тылу Антигона между Евфратом и границами Индии, бросил на чашу весов решающий вес своей новой армии и вместе с Лисимахом разбил их общего врага в великой битве при Ипсусе в 301 году до н.э.С.

Тем самым Селевк продвинул свою западную границу от Евфрата до края Средиземного моря, перенес свою столицу из Вавилона в недавно основанную Антиохию и привел свою империю в непосредственную близость с районами, откуда могли прибывать только греческие и македонские иммигранты. Селевкиды датировали основание своей династии возвращением Селевка в Вавилон в 312 году до н. э. Однако есть много аргументов в пользу мнения, что их империя впервые была основана после битвы при Ипсусе.

В течение следующих двадцати лет (301-281 гг. до н. э.) Селевку посчастливилось оставаться в надежном владении огромной территорией, которая назвала его царем; и хотя он не смог передать своим потомкам все плоды своей коронной победы над Лисимахом при Корупедионе в 282 г. до н. э, он оставил своему сыну Антиоху I, прозванному Сотером, или

Спасителем, а тот, в свою очередь, примерно двадцать лет спустя, своему сыну Антиоху II, прозванному Теосом, или Богом, ткань их владений, несколько потрепанную по краям, конечно, но в остальном целую.

Злым гением империи Селевкидов в тот век, когда она была великой державой, была женщина - Лаодикия, жена Антиоха II и мать его преемника, Селевка II, прозванного Каллиником, или Славным Победителем (246-226 гг. до н. э.). Ее власть как царицы подтверждается другими свидетельствами, а также тем фактом, что она была связана с царем в поклонении, которое сатрапии царства оказывали своим правителям; каждая сатрапия была обязана Теосом учредить священство в ее особую честь.^[102] Тем не менее, ей пришлось уступить свое место Беренике, дочери Птолемея Филадельфа, когда этот коварный монарх соблазнил ее мужа от союза с Македонией, дав ему вместе с дочерью огромное приданое и обширные территориальные уступки (249 г. до н.э.). Она удалилась в Малую Азию, где владела большими поместьями, приобретенными в прежние времена за счет царского домена, и где могла жить почти в царском состоянии. В смерти своего бывшего мужа, которая произошла три года спустя, она, вероятно, не виновата - хотя слухи считали ее виновной, - поскольку Теос уже на смертном одре, очевидно, из соображений разумной династической политики, назначил ее старшего сына, тогда "юношу, приближающегося к зрелости", своим преемником, исключив мальчика, которого ему недавно подарила египетская царица. Не стоит осуждать ее и за то, что она убрала с дороги своего соперника и соперника своего сына; ведь она действовала не только в целях самозащиты, но и для того, чтобы спасти империю Селевкидов от превращения в простой удел Египта во время долгого несовершеннолетия ребенка Береники. За успешное завершение, несмотря на первые неудачи, кампании против Птолемея III, с помощью которой она поставила своего сына на трон, она заслуживает высокой оценки. Именно тогда, когда это было сделано и ее сын стал царем, ее честолюбие привело ее к материнскому и политическому преступлению; чтобы сохранить власть, которую ее старший сын, достигший зрелого возраста, угрожал отнять у нее, она выставила против него своего младшего сына Антиоха, прозванного Ястребом, для которого она получила управление Малой Азией. Таким образом, Селевкиды разделились между собой, и в течение двадцати лет (242-223 гг. до н. э.) они были настолько ослаблены династической враждой, что не только пренебрегали жизненно важными вопросами внешней политики, но и вынуждены были допустить полную потерю некоторых пограничных сатрапий и восстание почти всех остальных. Антиох III, прозванный Великим, начал свое правление с ошибки - попытки разобраться с внешней ситуацией до того, как навел порядок в своем доме; а закончил его великой катастрофой - непоправимым поражением от римлян при Магнезии в 190 году до н. э.; но в промежутке он восстановил свою власть над тем, что Беван в своем *"Доме Селевка"* называет "основным телом империи", и свой сюзеренитет над ее "внешней сферой". Последнего он добился впечатляющей кампанией в Армении (где правил Ксеркс, выдававший себя своим именем за иранца), в Парфии (где на престол только что взошел Арсакс, третий царь из рода варваров из Туранской пустыни, овладевших этой страной чуть менее сорока лет назад), в Бактрии (где правил Эвтидем, грек из Магнезии, недавно основал новую эллинскую династию вместо старой, основанной почти пятьдесят лет назад Диодотом, "владыкой тысячи бактрийских городов", как его называли), и в Индии, где некий Софрагасен, следуя примеру Арсакса и Евтидема, признал превосходящую силу Селевкидов.

Вернувшись в Антиохию после пяти лет походов и сражений на Дальнем Востоке (210-205 гг. до н. э.), Антиох вырвал Палестину из слабой хватки Птолемеев. Этот подвиг дал ему долгожданный, долгожданный и долгожданный выход к морю, и впервые в истории царства появилась возможность построить большой флот. Одновременно с этим Филипп

Македонский пал перед римлянами в Цинокефале (197 г. до н. э.), после чего Антиох принялся за энергичную работу по вытеснению всех "чужеземцев" со средиземноморского побережья Малой Азии. Это привело в 192 году до н. э. к конфликту с Римом.

Антиох Великий с опозданием получил по заслугам.^[103] Один только факт, что Ганнибал, которого неугасающая ненависть Рима заставила перейти к нему на службу, разработал для него план кампании против римлян, который он отверг, и что он поставил величайшего полководца своей эпохи во главе новой эскадры своего экстемпорализованного флота, был достаточным, чтобы заранее исключить любые извинения за свое поражение. Вопрос показал, что мнение Ганнибала о силе Рима было правильным. Верно, что остановить его могло только великое объединение всех средиземноморских государств. Но не менее верно и то, что такое объединение было неосуществимо. Антиоху пришлось действовать в той ситуации, в которой он оказался. Он слишком многим рисковал ради нескольких пограничных районов и возможной гегемонии в Греции. Но, похоже, он сильно недооценил мощь Рима и приписал сенату гораздо меньше энергии и целеустремленности, чем было на самом деле. После того как его авангард был отброшен из Греции несравненными римскими легионами, главная надежда на защиту Малой Азии фактически осталась за его флотом. Соответственно, Ганнибал оказался в нужном месте. Но флот был слишком новым и слишком слабым, а также слишком разрозненным, чтобы удержать римлян в Европе; и как только ветераны Второй Пунической войны оказались за Геллеспонтом, ни одна армия в Азии не смогла бы им противостоять.

Селевкиды усвоили страшный урок на полях сражений при Фермопилах и Магнесии: фатальность заключалась в том, что все народы Азии также усвоили его. Антиох Великий согласился сдать все свои владения в Малой Азии и выплачивать римлянам репарации по тысяче талантов в год в течение двенадцати лет; сдать свои боевые корабли и ограничить свой флот десятью палубными судами и несколькими небольшими судами; отдать всех своих боевых слонов и в будущем не держать других; не брать в наемники италийцев и открыть свою империю для купцов и торговцев с Родоса - все это слишком ясно говорило восточным людям о том, что дни господства македонцев в мире прошли.

Однако только после безвременной смерти его сына Антиоха IV, прозванного Эпифаном, или "явленным богом", в 164 году до н. э., буря разразилась во всей своей ярости. Силы, приведенные в движение для разрушения империи Селевкидов, были двух видов: внешние и внутренние. Из внешних сил мы уже рассмотрели одну - продвижение римской державы на Восток. Римский сенат в это время имел только одну заботу в отношениях с Сирией - сделать Селевкидов безвредными. Этому он добивался различными способами. Сразу после смерти Антиоха IV он послал в Сирию уполномоченных, которые выполнили неисполнимую статью договора, заключенного после битвы при Магнесии: они сожгли селевкидские корабли, найденные в городах Финикии, и запрягли боевых слонов, которых обнаружили в царских арсеналах. Ревностно ограничивая военное ведомство Селевкидов, сенат сломил их власть во всех отношениях. Однако, не довольствуясь тем, что связал ноги своей жертве, сенат протягивал руку ободрения всем мятежникам против его власти. В качестве примера можно привести иудеев. Снова и снова, между 164 и 120 годами до н. э., Иуда и Ионафан Маккавеи и Гиркан I искали и добивались римского признания в своей борьбе против своих повелителей. У них были национальные причины для постоянных вспышек и религиозные стимулы для отчаянного сопротивления, но сомнительно, что они смогли бы довести свою

войну за независимость до успешного конца без уверенности в том, что Рим сочувствует их предприятию. Сенат способствовал разрушению царства Селевкидов еще одним недружественным актом: вместе с Пергамом и Египтом он разжег огонь династической войны в Сирии в 153 году до н. э. и время от времени подливал в него топливо, в результате чего царство было опустошено гражданской войной почти непрерывно с того момента и до конца династии, девяносто лет спустя. Затем почерневшая громадина, укомплектованная мятежной командой, беспомощно лежала в море, кишасшем пиратами, когда Помпей подобрал ее и отбуксировал в римскую гавань.

Другая внешняя сила, способствовавшая такому бесславному концу путешествия, начатого с такими честными обещаниями, была приведена в движение с самого дальнего Востока. Я не учитываю этом счете, что парфяне снова восстали и в 140 году до н. э. продвинули свою западную границу до Евфрата, образовав таким образом филэллинское царство Западного Ирана, которое выросло за стеной империи Селевкидов до такой мощи, что впоследствии с некоторым успехом оспаривало притязания Рима на сюзеренитет в Азии. Я также не упоминаю здесь о том, что Армения установила свою полную независимость и при Тигране Великом на некоторое время (83-69 гг. до н. э.) присоединила к себе все остававшиеся тогда владения Селевкидов. Это внутренние движения, аналогичные восстанию евреев. Именно с берегов Хоангхо в начале II века до н. э. произошло продвижение на запад, которое можно сопоставить с одновременным продвижением на восток Римской державы с берегов Тибра.^[104] Наступающим восточным агрессором был конгломерат индоевропейских народов, которых китайцы называют Юэ Тчи. Они пришли по краям великой пустыни из сменяющихся песков в Восточном Туркестане, по которой течет безводная река Тарим, не с *планом* завоевателей, а медленно отступая перед превосходящей силой хуннов (хиунг-ноу), своих бывших подданных, с которыми они недавно вели неудачную войну за обладание Северным Китаем. Именно против своих завоевателей, заметим мимоходом, китайские императоры, Чи-Хуан-ти и Воу-ти из династий Цинь и Хань соответственно, построили в III и II веках до н. э. к югу от пустыни Гоби великий китайский *лимес*, или стену. В 159 году до н.э. Юэ Чжи заняли Согдиану. Двадцать лет спустя (139 г. до н. э.) они сокрушили греческое царство Бактрия; таким образом, в этом регионе греческие царства впоследствии существовали только в Индии, в обширном районе, осушаемом рекой Инд. Где-то к началу христианской эры они тоже уступили место юэ-тчи, которых греки теперь правильно называют индоскифами. В течение нескольких столетий индоскифы, как и сменившие их в пятом веке нашей эры гунны, и последовавшие за гуннами в шестом турки, держали открытыми торговые пути, по которым они сами продвигались на запад от Хоанг-Хо. Их преемники передали на границы Китая манихейство, космополитическую религию Ирана: *они* совершили более значительную работу. Они не только передали китайцам буддизм, но и до него, а вместе с ним и чистое, а также испорченное искусство Греции. Среди бесценных сокровищ, которые доктор Штейн привез из пустыни. Штейн привез из пустынных городов Китая, нет ничего более примечательного, чем некоторые глиняные печати, прикрепленные к документам третьего века нашей эры, найденные в Ние, в районе, находившемся тогда под контролем Китая;^[105] ибо одна из них могла быть сделана для Диодота, первого греческого царя Бактрии, а на других изображена Афина Алкис, надменная, в шлеме, *промахивающаяся* Афина, метаящая молнию, которую Антигониды, цари Македонии, и греческие цари Индии помещали на свои монеты.^[107] Удивительное зрелище - наблюдать, как эллинистическая цивилизация одновременно текла по каналам к источникам в Италии и Китае, откуда хлынули потоки, захлестнувшие империю Селевкидов.

После этого краткого обзора политической истории Селевкидов я хочу посвятить оставшуюся часть этой главы рассмотрению внутренней политики династии. Я отмечу, что Селевк и его преемники продолжили дело Александра Македонского по основанию городов-государств в Азии, и что, имея дело со жреческими общинами и феодалами, а также с обитателями обширных царских владений, они отказались выводить из-под своего прямого контроля любые земли, не переданные под юрисдикцию города-государства. Я кратко рассмотрю внутреннюю структуру городов-государств и более подробно их отношение в теории и на деле к монарху. В заключение я рассмотрю политику Антиоха IV, в правление которого произошла кульминация внутреннего и внешнего развития империи Селевкидов.

Селевк занял высокий пост на службе у Александра после того, как Александр раскрыл свою цель - объединить македонцев, греков и иранцев в новую космополитическую расу. Продвижение, полученное им в ходе ожесточенной борьбы, которую вызвала эта политика, позволяет предположить, что он принял точку зрения Александра как свою собственную. Это предположение об отношении Селевка подтверждается тем, что после смерти Александра он занял свое место среди тех, кто поддерживал дело семьи Александра, и покинул ее ради своей вавилонской сатрапии только тогда, когда стало ясно, что остаться - значит погибнуть, ничего не добившись.

Селевк был единственным из великих македонских полководцев, кто не воспринял смерть Александра как разрешение отказаться от своих иранских жен. Бактрийская дева, назначенная ему в великом Сусийском браке - Апама, дочь Спитамена - стала его царицей и матерью его наследника Антиоха. Династия Селевкидов, соответственно, с самого начала была наполовину иранской; и для политики, которую она унаследовала от Антигона и Александра и которую она энергично проводила до смерти Антиоха IV в 164 году до н. э., а именно эллинизации Азии, она имела в качестве оправдания практику своего идеализированного основателя.

Из греческих городов, которые Селевк основал в своем царстве, Аппиан называет пятьдесят девять.^[108] Особенно много их было в Сирии, в районе между Евфратом и морем, который он стремился превратить во вторую Македонию. Его сын Антиох, которому он передал управление восточными сатрапиями в 293 г. до н. э., был особенно активен в развитии городов по греческому образцу в этом регионе; ему и его сыну Антиоху Теосу принадлежит честь создания городских привычек эллинской жизни во внутренних районах Малой Азии. В той части их царства, которая простиралась через этот полуостров в тыл греческой полосы на азиатском побережье, новые города возникали под их покровительством со счетом. Движение не прекратилось с воцарением второго Антиоха в 246 году до н. э., хотя, вероятно, ослабло в это время. Более двух поколений спустя, в царствование Антиоха IV, оно вновь активно возобновилось и было направлено прежде всего в Палестину, которая была недавно присоединена к царству.

Наиболее яркой чертой внутренней политики Селевкидов является попытка перенести в Азию городскую форму жизни, характерную до этого для Эллады. Очевидно, эти монархи вместе с Аристотелем, Александром и Полибием, да и со всеми греками, считали, что люди, не живущие в городах, нецивилизованные люди. Очевидно, они также считали разумным и возможным цивилизовать свои владения.

Нелегко составить определенное впечатление о политической ситуации в селевкидском царстве, когда македонцы впервые вступили во владение им, но города в греческом понимании, похоже, полностью отсутствовали. Это не значит, что городов не было вообще, поскольку, даже если не принимать во внимание такие административные центры, как Вавилон, Сузы, Экбатана, Персеполис, мы можем использовать термин "город" в отношении таких мест, как Бамбис в Сирии, в четырнадцати милях к западу от Евфрата. Там, в плодородной, хорошо орошаемой долине, стоял знаменитый храм Атаргатис, сирийской богини. Как известно читателям Лукиана, это было удивительное сооружение с широкими подходами, похожими на обелиски *фаллосами*, священным прудом с рыбой и шокирующими обрядами. Во главе его стояли жрецы, которые не только проводили церемонии и руководили далеко идущим прозелитизмом, но и управляли общиной храмовых рабов (*hieroduli*), обрабатывавших землю в окрестностях для своего и храма обеспечения. Эта клерикальная форма местной организации была тщательно взращена персами. Мы все знаем, как при реорганизации Иудеи они поставили простой народ, который просто платил десятину, под контроль первосвященника, старейшин и левитов и сделали так называемый закон Моисея гражданским законом страны. Подобным образом они действовали по всей Малой Азии. Там Селевк обнаружил десятки больших и малых городов, к которым применимо описание, данное Страбоном^[109] священного города Ма в Комане в Сарра досиа: "Сам по себе это, - говорит он, - примечательный город, но большинство его жителей - одержимые богами или храмовые рабы. Все они каталонского происхождения и подчиняются в целом власти царя, но находятся под непосредственным контролем жреца. Он является повелителем одновременно и храма, и храмовых рабов, которых на момент моего визита насчитывалось более шести тысяч, включая мужчин и женщин. К храму примыкает много земли, доходами от которой пользуется жрец, и в Каппадокии нет никого выше его по положению, кроме царя". Подобным ему был храм Зевса в Венасе с тремя тысячами храмовых рабов и земель, которая приносила жрецу ежегодный доход в двадцать тысяч долларов (пятнадцать талантов); храм Зевса Асбадея в Тиане, Аполлона в Катаонии, Матери Зизимены в Иконии и Артемиды Перасии в Кастабале. Похожим был и храм Ма в понтийской Комане с его кишашим маром, обширными акрами и шестью тысячами храмовых рабов, среди которых молодые женщины, как и везде, были священными проститутками; храм Анаитиса в Зеле, Мена в Кабире, Селены в Иберии, Великой Матери в Пессине, Зевса в Ольбе и других богов в других местах, разбросанных по Фригии, Писидии и Лидии, а также Палестине, Сирии и Вавилонии. Селевкиды должны были найти тело своей империи густо усыпанным религиозными общинами, каждая из которых подчинялась своему собственному кодексу божественного закона, в каждой из которых господствовала властная и давно постигнутая теократия. Под этим пагубным правлением вся страна в персидское время постепенно погрузилась в прогрессирующий политический и экономический застой.

За исключением гор и пустынь, где царила свобода племен и кочевников - постоянная угроза центральному правительству, - народы Азии к приходу македонян жили в деревнях. Многие из этих деревень, все жители, принадлежали князьям и дворянам, которые, если были коренными жителями, не были потревожены персами, если иранцами, то попали в их владения благодаря царским пожалованиям. По всей Сирии и Малой Азии сегодня можно увидеть руины "квадратных башен" (*тетрапиргиев*) и замков, которые эти вельможи строили и укрепляли для защиты от соседей и, если нужно, от самой царской власти.^[110] Те, кто их построил, очевидно, не были преданы персидскому царю, но и не были склонны подчиняться его преемнику. Соответственно, их изгоняли направо и налево. Полученными таким образом поместьями македонские цари могли распоряжаться по своему усмотрению. Они снова составляли часть царского домена, который простирался во всех направлениях по краям пустынь и гор, среди храмовых земель, феодальных вотчин и административных

городов - настоящий архипелаг земельных владений, обрабатываемых для короны мириадами царских крепостных. Здесь был материал, из которого Селевкиды основали многие свои города-государства.

Ручкой для реорганизации, которую жреческие города предлагали новому правительству, часто становилась нецерковная часть населения. То, что храм регулярно становился центром местной торговли и ареной постоянно действующего базара, привлекало в его окрестности торговцев деньгами и тому подобное. С началом греческой иммиграции этот элемент, естественно, усилился. Поэтому Селевкиды смогли придать ему городскую организацию - общее собрание, совет и магистраты - и таким образом создать новый город-государство.

Однако, согласно неизменной греческой практике, такой город контролировал - с определенными ограничениями - свои собственные святыни. Например, великие храмы Аполлона в Дельфах и Делосе управлялись гражданами этих городов. Поэтому естественной политикой для Селевкидов, которой они фактически следовали везде, где это было возможно, было подчинение первосвященников и духовенства прилегающим городским властям, что позволяло решить церковный вопрос удобным для себя и приемлемым для европейцев способом. Там, где это было невозможно, они часто отнимали у храма его земли в пользу своих последователей. Так, деревня Бэтоцэс была отнята у местного храма Зевса и отдана некоему Деметрию, а священная земля Зевса в Эзани была разделена на участки, которые были распределены между клерухами, обложены налогом и переданы в финансовую юрисдикцию прилегающего города.^[111] Это просто еще один аспект той же общей политики, когда царь за царем стремился наложить "нечестивые" руки на сокровища, хранившиеся в храмах Бэла, Анаитиса, Атаргатиса и Иеговы.

Секуляризация религиозных ценностей была очень сложным делом, и Селевкиды не всегда продвигали его с одинаковой энергией. Когда монархи оказывались в затруднительном положении из-за внешних или внутренних неурядиц, им приходилось примирять жрецов, вплоть до того, что они отменяли уже сделанное. О том, как легко может произойти реакция, можно судить по случаю, записанному в великолепной надписи, которую г-н Батлер недавно обнаружил вырезанной на внутренней стене большого храма Артемиды в Сардах.^[112] Некий Мнесимах, предположительно македонский офицер или авантюрист, получил от царя Антигона огромную вотчину. Она состояла из деревни Тобальмура на Сардской равнине и прилегающих к ней деревень Танду и Комбилипия. За них он должен был платить ежегодные взносы в размере 50 фунтов стерлингов в соответствующую хилиархию, или подразделение сатрапии. Рядом, в Синаре, находился *клерос*, или участок, за который он платил 3 фунта стерлингов в год. Кроме того, в состав вотчины входила деревня Периасасостра, ежегодные взносы за которую в другую хилиархию составляли 57 фунтов стерлингов. Рядом, в Нагриоа, снова находился *клерос*, с которого он ежегодно платил 3 фунта 7 *шиллингов*. Кроме того, в состав *фьефа* входила деревня Илу на территории хорошо известного города Аттуда, с которой ежегодно уплачивались пошлины в размере 3 фунтов 5 *шиллингов*. Поместье (*aule*) *фьефа* находилось в деревне Тобальмура, и вместе с некоторыми домиками, принадлежавшими судебным приставам, и некоторыми садами и парками, обрабатываемыми крепостными в Тобальмура и Периасасостре, оно когда-то принадлежало Питею и Адрасту, также македонцам; но позже, по-видимому, перешло во владение Мнесимаха. Счастливый обладатель этого огромного поместья, несомненно, получал весь чистый доход от усадьбы и участков, а кроме того, как владелец усадьбы и участков, имел право требовать от холопов деревень услуги деньгами, добром и трудом. Если бы он был так

настроен, то мог бы обосноваться в Лидии и стать бароном, как иранские вельможи, которых македонцы лишили собственности; и, несомненно, многие македонцы и греки обосновались в Азии подобным образом. Однако Мнесимаху нужны были деньги, а не "права", и, обратившись в храм Артемиды в Сардах, он добился от казначеев храма ссуды в 1325 фунтов стерлингов. Надпись, вырезанная на стене храма, фиксирует продажу Артемиде с правом выкупа доли Мнесимаха в вотчине. Его неспособность выплатить кредит привела к возвеличиванию храма.

Подобные инциденты, несомненно, происходили часто и показывают, от чего Селевкиды должны были защищаться. Их земельная политика, по-видимому, была благоразумной и дальновидной. Они должны были с осторожностью подходить к своим гигантским владениям, поскольку они приносили самую ценную и стабильную часть их доходов. С другой стороны, они нашли предел тому количеству, которое они могли выгодно сохранить, благодаря тому, что, в отличие от Птолемеев, они унаследовали от персов государственную службу, достаточную не для управления, а просто для надзора за управлением. Они действительно увеличили число своих сатрапий, не уменьшив, возможно, число хилиархий или гипархий, на которые делилась каждая сатрапия, и, похоже, дополнили общую службу отдельной фискальной службой и отдельной службой священников; но, тем не менее, они должны были оставить детали фискального, судебного и религиозного управления в деревнях. Хотя мы крайне плохо осведомлены о том, как они организовывали деревни, можно предположить, что они выбирали определенных людей, подобно старейшинам в египетских деревнях, и возлагали на них ответственность за налоги жителей и за их общее хорошее поведение. Эти люди были скорее заложниками, чем должностными лицами, и скорее кандидатами центрального правительства, чем представителями деревень. Но на самом деле мы ничего не знаем о фактах, кроме того, что у жителей деревень были какие-то средства, с помощью которых они платили налоги коллективно.

Одним из способов, с помощью которого Селевкиды могли избавиться себя от забот о местном управлении и в то же время укрепить свою власть в стране, было пожалование целых кварталов или комплексов своих земель, деревень, жителей и всего остального, македонским и греческим феодалам, таким как Мнесимах, которые, конечно, несли ответственность за налоги, причитающиеся короне. Но о вреде этой системы узнали еще персидские цари, когда обнаружили, что их вассалы более непокорны, чем деревни. Поэтому Селевкиды отказывались давать четкий титул тем, кому они дарили части царского домена, а в случае с Мнесимахом храм Артемиды, которому он продал свои права, должен был обезопасить себя в договоре от убытков, которые он мог понести, если бы царь отозвал свое пожалование. С другой стороны, когда царь продавал часть владений, как он часто делал, особенно во времена финансового кризиса, и проданные земли и деревни становились вместе с их крестьянами частной собственностью, он требовал, чтобы они были присоединены к территории какого-либо города-государства, поскольку покупатели очень дорожили привилегией, предоставляя им свободу решать, к какому городу должна принадлежать их собственность. Селевкидская политика, согласно которой земля должна принадлежать либо городу-государству, либо короне, была прекрасно рассчитана на уничтожение жреческих и феодальных суверенитетов, и ее переняли римские императоры, в чью вотчину в Малой Азии перешли многие храмовые земли, которые либо избежали секуляризации при их предшественниках, либо были возвращены жрецами в более поздние, слабые времена династии Селевкидов^[113].

В результате подобной продажи или дарения колонисты, образовавшие новый город, или старые жители деревни, ставшие гражданами свободного города, получали в полную

собственность выделенные им участки земли. Горожане, в свою очередь, получали власть, разумеется, в соответствии с городскими законами и конституцией королевства, над крепостными, если таковые оказывались в их владениях. Таким образом, король терял контроль над своими крестьянами и своим имуществом; ведь основанный город был не просто новым городом, но и новым государством. Его сувереном был не король, или не только король: это было собрание жителей, наделенных правом голоса, и оно управляло своими государственными делами посредством обсуждений и резолюций, делегируя функции совету и магистратам, а также определяя свою внутреннюю и внешнюю политику. Языком общественной жизни был, конечно, греческий. Кодекс публичного и частного права, несомненно, был составлен по эллинским образцам. Появилась Гимназия, а вместе с ней гимнастические и музыкальные состязания - наиболее характерные признаки греческой образованности. Боги, которых они почитали, были теми, кого они сами выбирали: они выбирали как местных богов и богинь, так и греческих; прежде всего они выбирали в качестве главного городского бога живого императора.

Империя Селевкидов была государством без гражданства. Если афинянин поселялся в ней, он оставался афинянином, даже если становился сатрапом, если только не получал права гражданина в каком-нибудь из свободных городов. Иными словами, в империи было столько разных гражданских судов, сколько было разных городов, и столько же разных государств, сколько было разных гражданств.

Соответственно, каждый город мог проводить любую политику в отношении приема иностранцев, будь то греки или азиаты, приезжие или коренные жители, в свое политическое тело. Он мог полностью запретить браки граждан с негражданами или пойти на то, чтобы открыть свои двери для бастардов. Поэтому нам невозможно, не имея таких источников знаний, как папирусы по Египту, говорить в общих чертах о масштабах и последствиях расового слияния в империи Селевкидов. Две вещи, однако, кажутся очевидными: (1) браки между гражданами разных городов были частым явлением и, несомненно, полностью законными; (2) на огромную массу сельскохозяйственного населения соседство с греками, македонцами, евреями или иранцами не оказывало особого влияния в расовом отношении. Крестьяне были практически крепостными. Их социальная неполноценность защищала их от ассимиляции горожанами. С другой стороны, они, несомненно, были гораздо сильнее взволнованы европейской иммиграцией, чем феллахи в Египте; ведь приток на их землю был гораздо более обильным и более стихийным, чем в долину Нила. Кроме того, здесь эллинизм имел гораздо больше эффективных агентов для своего распространения, чем там. Ведь в сотнях городов-государств Азии, надо полагать, разрешались браки между всеми гражданами, независимо от того, были ли смешавшиеся с греками фригийцы, лидийцы, сирийцы, евреи, вавилоняне или иранцы. Мы должны предположить, что мужчины, по крайней мере, в какой-то мере знали греческий язык. Они, безусловно, носили греческие имена, и в документах Делоса, датированных II веком до н. э., мы встречаем выходцев из Бамбиса - теперь уже *полиса*, переименованного в Иераполис, или Священный город, - которые были бы неотличимы от коренных греков, если бы не семитские имена их жен. Действительно, некоторые из них могли быть греками, женившимися на сирийских женщинах. Различные круги европейцев в Сирии и, хотя и в меньшей степени, в других частях Азии, должно быть, уже в ранние времена были окружены полукровок, благодаря чему резкий контраст антагонистических цивилизаций был ослаблен. В этих условиях греческие идеи и обычаи стали ферментом, который взбудоражил народы Азии до глубины души. Пробуждение Ближнего Востока началось в третьем веке до нашей

эры, и если бы римляне уступили Ганнибалу, а греки сохранили свой престиж неповрежденным еще на столетие или два, весь ход истории был бы изменен.

Греки пришли в Азию "не с миром, а с мечом". Они пришли, чтобы заполнить континент маленькими раздражительными республиками там, где раньше плотная толпа жила в состоянии политической летаргии. И любопытно, что те, кто руководил расчленением Азии на гораздо большее количество государств, чем даже средневековая Германия, были правителями, на которых лежала ответственность за управление всем регионом. Как объяснить эту аномалию?

Аномалия скорее кажущаяся, чем реальная. Правитель был не просто крупным землевладельцем в окрестностях городов; он был основателем или потомком героизированного основателя большинства из них; он был "благодетелем" или "хранителем" их всех. Как таковой, он заслуживал их почтения и имел право на повиновение. Они могли предложить его без возражений, как только Александр укажет им путь. Они просто должны были сделать свой проскинезис: избрать его в свой круг божеств, оборудовать ему священный участок, храм, алтарь, изображение, процессию и состязание, назначить жреца для совершения жертвоприношений и других дел, связанных с его поклонением. Это они делали по собственной воле во время правления основателя династии. Апофеоз без территориальных ограничений Антиох I требовал для Селевка "после его ухода из жизни среди людей", а второй Антиох - для себя и своей сестры-жены при их жизни, а также для их "ушедшего" отца; таким образом, как и в Египте и по тем же причинам, имперский культ умерших и живых правителей был установлен не только в сатрапиях и гипархиях, но и в городах царства^[114].

Город, соответственно, имел двойственный характер: теоретически и фактически он был одновременно и государством, и муниципалитетом. В первом случае он мог дарить или отказывать в верности царю, во втором - просто подчиняться. Например, она должна была платить ему дань (*phoros* или *syntaxis*), которая могла рассматриваться как арендная плата за выделенную ей землю или как плата за военную защиту. В городе мог быть не только жрец царя и жрица царицы, но и резидент (*эпистат*), который в отдельных случаях мог быть *фраурархом*, или комендантом, царского гарнизона, если таковой имелся. О двойном статусе города свидетельствует и тот факт, что его граждане подчинялись не только законам, которые они сами принимали, но и мандатам (*prostagma*), которые издавал царь. В случае конфликта не могло быть сомнений в том, кто из них главнее. Теоретически царь был абсолютен, как абсолютен бог. Разумеется, он не имел гражданства ни в одном государстве, а был просто *басилеем*, или царем. Этот титул, присоединенный к имени без *этникума*, был единственным, который использовали ранние Селевкиды; но более поздние члены династии, начиная с Антиоха IV, добавили к нему титул, такой как Эпифан, или Бог Явленный, который указывал на их особое положение как богов. Впоследствии на их монетах и эдиктах появлялись оба титула, и таким образом монархи классифицировались в двух мирах, к которым они принадлежали, - мире людей и мире богов - так же полно, как и граждане, когда к их именам добавлялись прилагательные от названия их города. В любом из этих качеств они превосходили города. С другой стороны, селевкидские цари-боги должны были тщательно обдумывать требования своих городов, поскольку те, имея средства для организации сопротивления, могли легко восстать. Не получив удовлетворения, они могли выбрать другого царя-бога, как это сделали города Парфии и Бактрии, или добиться освобождения от дани, как это сделали города Малой Азии в правление Антиоха I. Соответственно, оставалось место для большой муниципальной свободы, и, в целом,

деятельность граждан была многочисленной и важной. Они должны были поддерживать порядок, отправлять правосудие и собирать налоги на своих территориях. Поэтому города давали такой стимул политическим интересам и амбициям, какого Азия еще не знала. По сути, они занимали в империи Селевкидов место не менее важное, чем муниципалитеты в ранней Римской империи, прототипами которых они, собственно, и являлись.

Римская империя, однако, еще не существовала. Именно италийская федерация под руководством Рима одержала победу над Ганнибалом и выиграла сражения при Фермопиле и Магнезии. В сравнении с этой совокупностью объединенных и союзных государств империя Селевкидов продемонстрировала фатальную слабость. В Риме было, пожалуй, не намного больше граждан, чем мужчин военного возраста в городах Селевкидов; а ее государственные земли, которые, тому же, были главным источником дохода, значительно уступали по площади и доходности царским владениям Селевкидов. Ее преимущества были двоякими, и их перечисление поможет нам понять, какие трудности испытывала азиатская монархия. Во-первых, кроме солдат, состоявших на службе в армии Рима, в Италии было мало мужчин военного возраста; другими словами, здесь не было огромного туземного населения, которое можно было бы держать в подчинении. Во-вторых, Рим мог мобилизовать свои силы гораздо легче, быстрее и полнее, чем Селевкиды. Огромные расстояния, часто горные и пустынные, которые отделяли города Азии друг от друга; значительный торговый, промышленный, азиатский и в остальном невоенный элемент в свободном населении эллинских и эллинизированных городов; независимость городов, особенно в вопросах предоставления или отказа в военной помощи своему сюзерену, не имели аналогов в Италии, где территория была компактной, население в основном состояло из воинственного крестьянства, а города были обязаны предоставлять войска по призыву Рима в полном объеме своей власти. Подобно гиганту Антею в его состязании с Гераклом, Рим с каждым падением восстанавливал свою мощь от соприкосновения с родной землей. Селевкиды правили космополитическим, денационализированным миром. У них не было родной почвы, на которую можно было бы упасть. Очень важно, что во всей Азии не было и не могло быть сограждан Селевкидов. Преданность истинных людей в его царстве была в первую очередь связана с их городами, и только по прошествии времени вторичная преданность правящей династии перестала означать измену родным государствам. Города всегда стояли перед решением, что они больше выиграют или потеряют, отказавшись от Селевкидов и передав свою верность их врагу или какому-то другому царю.

Трагедия Антиоха IV заключалась в том, что, получив образование в Италии, он полностью осознал политические основания военного превосходства Рима, а сентиментальная привязанность к Афинам и искусству, литературе и философии, за которые выступали Афины, позволила ему вновь убедиться в абсолютном превосходстве греческой культуры.^[115] Он пытался энергичнее, чем когда-либо, продвигать династическую политику эллинизации, с помощью которой только и можно было вырастить новую нацию в Азии, в то время, когда возрождались надежды туземцев; он пытался привлечь города-государства своего царства в более полную зависимость от себя единственным доступным ему способом - правом, которым он обладал как один из их богов, на беспрекословное повиновение во всех вопросах - в то самое время, когда эта политика столкнулась с религией, для которой обожествление царей было мерзостью. В 200 году до н. э. Палестина перешла из-под контроля Египта под власть Антиоха Великого, и тогда его династии пришлось иметь дело с евреями. Проблема, конечно, заключалась в том, что иудеи были монотеистами. Многие евреи в Иерусалиме, как и в других городах царства, были не против эллинизма, посещали гимназии, записывали своих сыновей в эфебы и давали им греческие имена, но набожные люди с ужасом боялись поклоняться императору, а крестьяне - всему иностранному. Поэтому

в Иудее произошло открытое восстание, главным образом среди сельского населения, когда Антиох IV объявил Иерусалим эллинизированным городом, заменил причудливый закон Моисея просвещенным, современным греческим кодексом и установил в Святой Святынь свое собственное изображение олимпийского Зевса.

Это тот самый Антиох, который дважды приводил свою победоносную армию к стенам Александрии, один раз, чтобы отступить, продиктовав условия Птолемаем, другой раз, чтобы встретить римское посольство во главе со своим старым другом Гаем Попиллием. Прежде чем ответить на приятное приветствие царя, римлянин вручил ему послание своего сената и с укоризной велел прочитать его. Он обнаружил в нем приказ о немедленной эвакуации из Египта. Попросив время на обдумывание предложения, он получил еще один сюрприз: очертив тростью на песке круг вокруг царя, Попиллий потребовал ответа "да" или "нет", прежде чем выйти за его пределы. Несколькими месяцами ранее, разгромив македонского Персея на поле битвы при Пидне (168 г. до н. э.), Рим избавился от последнего серьезного соперника. Поскольку для Антиоха сопротивляться теперь означало в одиночку противостоять владыке мира, единственным ответом, который он мог дать, было "да"; однако это означало гибель империи Селевкидов. После этого на огромной территории Африки, Азии и Европы, лежащей между рекой Евфрат и Атлантическим океаном, существовала только одна свободная воля - воля правительства Рима. Инструменты для ее постоянного исполнения в Италии эта мудрая и настойчивая корпорация, римский сенат, уже создала и использовала; и в своем походе к всеобщей империи она разбила и повергла на землю инструменты власти, поднятые против нее ее греческими противниками. Подобрать их, починить и усовершенствовать для дальнейшего использования - вот задача императора на ближайшее будущее.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Schürer, E. *Geschichte des jüdischen Volks im Zeitalter Jesu Christi*, I⁽³⁾ (1901), II⁽⁴⁾ (1907).
2. Беван, Э. *Дом Селевкидов* (1902).
3. Niese, B. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten*. Особенно том III (1903).
4. Beloch, J. *Griechische Geschichte*, III (1904).
5. Rostowzew, M. *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates* (1910), pp. 240 ff.
6. Wilamowitz-Moellendorf, Ulrich von. *Staat und Gesellschaft der Griechen: D. Die makedonischen Königreiche* (1910).
7. Bouché-Leclercq, A. *Histoire des Séleucides* (1913).

FOOTNOTES:

[101] Kromayer, *Historische Zeitschrift*, C, p. 50.

[102] Dittenberger, *Orientis Graecae Inscriptiones Selectae*, 224; если царь - Антиох II, а не, как сейчас утверждается (Pozzi, *Memorie della Reale Accademia di Torino*, serie II, tom. LXIII, p. 345, n. 4), Антиох III. См., однако, Kärst, *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, II, I, p. 422 и Bouché-Leclercq, *Hist. des Séleucides*, pp. 90 f., 470 ff.

[103] См. теперь Kromayer, *Hannibal und Antiochus der Grosse* (*Neue Jahrbücher für d. klass. Altert.* XIX (1907), pp. 681 ff.).

[104] Cordier, H., *Journal des Savants* (1907), pp. 247 ff.; Cunningham, *Numismatic Chronicle* (1888), pp. 222 ff.

[105] *Ruins of Desert Cathay* (1912), I, pp. 274, 284.

[106] W.W. Tarn, *Journal of Hellenic Studies*, XXII (1902), pp. 268 ff., и *Antigonos Gonatas*, фронтиспис; Gardner, P., *Numismatic Chronicle* (1887), p. 177.

[107] *Encyclopedia Britannica*¹¹, s. v. *Hellenism* (Bevan).

[108] Syr. 57; ср. Droysen, *Gesch. d. Hellenismus*², III, 2, pp. 254 ff.

[109] XII, 2, 3, p. 535. Rostowzew, *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*, pp. 269 ff.

[110] Butler, *Publications of an American Expedition to Syria*, II (1903), pp. 121 ff., 177; ср. Rostowzew, *op. cit.*, p. 254.

[111] Dittenberger, *Orientis Græcæ Inscriptiones Selectæ*, 262, 502.

[112] Buckler and Robinson, *Greek Inscriptions from Sardis*. (*American Journal of Archæology*, XVI, 1912, pp. 11 ff.)

[113] Calder, *Classical Review*, XXVII (1913), pp. 9 ff.

[114] Kärst, *Gesch. des hellen. Zeitalters*, II, I, pp. 419 ff. Обработка этого вопроса Буше-Леклерком (*Hist. des Séleucides*, pp. 469 ff.), неадекватна.

[115] *Эллинистические Афины*, стр. 303 и далее.

VII

ИМПЕРИЯ АНТИГОНИДОВ

Из всех эллинистических империй больше всего пострадал Рим и меньше всего узнал Антигониды в Македонии и Греции. Мы говорим "Македония и Греция": цари Македонии от Филиппа II до Персея говорили "Эллада", ибо они никогда не переставали утверждать, что Македония была частью *Эллады* - частью Эллады, заслужившей достижениями Филиппа II и Александра право на гегемонию для своих царей. Это была имперская нация, к которой ее царь, вельможи и общинники испытывали глубокую преданность и гордость, но которая в их представлении относилась к Элладе так же, как Виргиния к Соединенным Штатам Америки в *добеллумные* времена или как Пруссия к Германии, а не как Австрия к Австро-Венгерской империи.

Она меньше всего учила римлян, потому что ей было чему их учить. Единственное, в чем македонцы были искусны, так это в военном искусстве, но в этом римляне превосходили их по собственным достижениям. Они изобрели фалангу, но фаланга уступила легиону. В искусстве управления Антигониды были изобретательны, но поднять медузу на острие копья

- задача невыполнимая. Однако именно это им и пришлось делать в Элладе. Единственные уроки управления, которые они могли преподавать, были уроками неудачи; но то, что это не было их позором, доказывает неспособность самого Рима справиться с той же ситуацией, пока Эллада не погибла и не иссохла. Они были достаточно проницательны, чтобы понять, что для народа с обычаями, благочестием и прямоотой македонян лучше всего подходит царская власть, которая, говоря словами Аристотеля, является вечной магистратурой, а не абсолютной монархией. Поэтому им не нужно было требовать, чтобы македонцы поклонялись им как богам, а македонцы, унаследовав права, которые ни один Антигонид не смел игнорировать, [116] не имели юридической необходимости навязывать божественность своим правителям. Поэтому только Антигониды из эллинистических династий управляли как люди, опирающиеся на преданность своего народа, а не как боги, которым все дозволено. Более того, они не организовали в Элладе официального культа своей семьи по причинам, которые станут известны позже. Не Македония, а Греция взяла в плен гордого римского победителя и понесла его искусство в деревенский Лаций. Ибо македонцы сами оставались деревенским народом и почти ничего не добавили к поэзии, живописи, скульптуре, архитектуре и науке Эллады. [117] Их элитой были правители и офицеры, их общинами - крестьяне и солдаты. С момента вступления Филиппа II на престол (359 г. до н. э.) и до битвы при Синокефалах (197 г. до н. э.) невозможно найти ни одного десятилетия, да и половины десятилетия не найти, в течение которого трудоспособные мужчины Македона хотя бы раз не были призваны к штандартам для защиты своей страны от чужеземного нападения или для похода на север, юг, восток или запад против врагов своего повелителя. [Их мертвых можно было найти в каждой долине Эллады, а их эмигрантов - в каждой земле Азии; но их род был плодовитым, так что, несмотря на многочисленные потери в промежутке, они выставили 29 000 македонцев в последней борьбе с Римом, или на 2000 больше, чем было под командованием Александра Великого, когда он завершил свои приготовления к завоеванию Азии.

Рим пострадал от Антигонидов больше, чем от любой другой эллинистической династии, потому что только там ему пришлось иметь дело с нацией ветеранов под оружием. Македонцы, как уже было сказано, были имперским народом, преданным своим царям и стремящимся сохранить свое господство в мире. Во время войны с Римом - обладателем 100-тысячной армии - они одновременно подвергались нападению со стороны своих эллинских вассалов и соперников, атаковались или были оставлены своими македонскими сородичами в Азии и Африке; тем не менее они выстояли при Антигониде, в первой борьбе в течение восьми лет (212-205 гг. до н. э.), во второй - в течение четырех (200-197 гг. до н. э.), в третьей - еще в течение четырех (171-168 гг. до н. э.). И даже после того, как половина их мужчин военного возраста пала при Пидне, а их последний царь умер в плену, а его единственный сын стал клерком в Альба-Фуценсе, их завоеватели были настолько серьезно обеспокоены "пульсацией их древней верности", что сенат в конце концов был вынужден поставить римского проконсула на трон великого Александра (148 г. до н. э.).

Хотя династия Антигонидов произошла от македонского рода, она была выведена в Азии, а в Македонию перебралась только в третьем поколении. Это произошло следующим образом. Первый Антигон стал правителем Фригии, когда Александр Македонский покинул Малую Азию в 333 году до н. э., и он все еще владел этой сатрапией, когда его государь умер десять лет спустя. Взяв Фригию за отправную точку и назначив себя главнокомандующим царскими войсками в Азии в качестве предлога, он планировал и воевал с таким успехом в течение следующего десятилетия, что весной 312 года до н. э. ему, казалось, было суждено

присоединить Македон к Азии, которой он уже владел; с ней, чтобы поддерживать, а не противостоять ей, он рассчитывал овладеть всей империей Александра. Мы уже видели, почему этот проект провалился, а также как более поздняя попытка достичь той же цели стоила ему жизни и азиатского царства. Возможно, он был слишком амбициозен. Возможно, никто не смог бы предотвратить расчленение геракско-македонского мира. Возможно, центробежные тенденции оказались бы слишком сильными для самого Александра, если бы он прожил достаточно долго, чтобы испытать их. Однако это не делает проблему менее тяжелой для эллинов; ведь на полях сражений в Газе и Ипсусе было решено, что чуждые римляне, а не родственные македонцы должны объединить мир под единым правительством. С личностью первого Антигона ушла в могилу надежда великого народа.

Разделителем его чаяний и в значительной степени причиной его поражения был его сын Деметрий, прозванный Полиоркетом, или "Взявшим города". Своим неповиновением приказам в Газе и стремительностью действий при Ипсусе он больше всего способствовал потере своего царства; но после смерти отца он сохранил за собой господство на море, а вместе с ним ценность союзника и возможность использовать свои силы в тех пунктах, которые он сам выбирал. После нескольких лет бесцельных скитаний и тягостного бездействия он решил использовать их в попытке, уже дважды тщетно предпринятой в сотрудничестве с отцом, захватить Грецию и Македонию. Его силы несравненно уступали тем, что он использовал в предыдущих случаях, и у него по-прежнему были бдительные враги со всех сторон. Существенное отличие заключалось в том, что дом Антипатра, правивший Македонией и Грецией с тех пор, как Александр Македонский переправился в Азию, теперь представлял не способный сын Антипатра, Кассандр, умерший в 297 году до н. э. после девятнадцатилетнего правления, а его слабые и несогласные дети. Они бездействовали, пока он блокировал Афины (295-294 гг. до н. э.) и морил их голодом; затем он отбросил их в сторону и занял их место царя Македонии и сюзерена Греции. Поскольку его женой была Фила, сестра Кассандра, его сын Антигон по прозвищу Гонатас был внуком Антипатра I не меньше, чем Антипатр II, который теперь был единственным оставшимся в живых представителем рода Кассандра. Таким образом, если право Деметрия Полиоркета на македонский престол не основывалось ни на чем более существенном, чем на неудовлетворенных амбициях его отца, то право его сына было безупречным после смерти Антипатра II. Однако это произошло в 288-287 годах до н. э., в то самое время, когда Деметрий, изгнанный из Македонии, покинул Грецию и отправился до конца жизни в плен в Азию. Оставшись в Греции, Антигон Гонатас, не будучи царем Македонии, осуществлял там бдительный сюзеренитет, который в течение нескольких лет (с 288 по 284-283 гг. до н. э.) разделяли Пирр Эпирский и Лисимах Фракийский, еще один промежуток времени (283-280 гг. до н. э.) Лисимах, Селевк и Птолемей Церавн владели единолично, а кельты с севера в течение трех лет грабили и преследовали. Только в 277 году до н. э. Антигону удалось освободить его от проблем и сделать базой своих операций в Греции. Тем самым он основал в Европе династию, которая правила Македонией до римского завоевания (168 г. до н. э.).

Антигон I и Деметрий Полиоркет сформировали свои политические амбиции и идеи в эпоху *диадохов*, когда империя Александра предстала во всем своем великолепии и обещаниях как золотой приз для способных, смелых и беспринципных. Они стремились править как боги-цари над миром, в котором люди и города оказывали бы им почтение (*proskynesis*), как они оказывали его Александру. Они считали Грецию и Македонию одинаково желанными,^[119] общее очарование которых заключалось в том, что они были матерью солдат и поселенцев, в которых нуждалось их безграничное царство. Возможно, Греция была им даже более желанна, чем Македон. Конечно, Афины, а не Пелла, были городом мечты Деметрия. В 307 году до н. э. он прославился тем, что стал его освободителем, а когда после

поражения при Ипсусе город разрушил его надежды, исключив его из своих рядов, он испытал горькое разочарование. Тем не менее, несмотря на отчаянное сопротивление, которое она оказала ему в 295-294 гг. до н. э., он отнесся к ней снисходительно, когда снова стал ее хозяином. То, что его отец думал об одобрении Афин, он выразил, назвав их башней-маяком мира. Насколько высоко он ценил культуру ее жителей, он продемонстрировал, сделав колонию афинян ядром Антигонии (впоследствии Антиохии), которую он основал как новую столицу империи, принадлежавшей Александру, но теперь, как он надеялся, ставшей его столицей.

Антигону I не посчастливилось править в родной стране, но Деметрий Полиоркет был ее царем в течение шести лет (294-288 гг. до н. э.).^[120] Тем самым он убедительно показал, что не намерен править там патриархально, как это делали Кассандр и Антипатр по примеру Филиппа II и его предшественников. Он проявил полное пренебрежение к установившимся при дворе обычаям и ограничениям, налагаемым обычаем на его царскую власть. Двор, которым он себя окружил, был богато назначенным, торжественным, одетым в униформу, придуманную Александром в его поздние, более пышные, более высокомерные дни; и, требуя проскинеза от македонской знати и общинников, он оскорбил, без необходимости, как оказалось, самые стойкие чувства нации.^[121] Его попытка установить абсолютную монархию в неискушенном Македоне стала самой непосредственной причиной гибели его царства; когда его иноземные враги, предвидя задуманное им нападение, атаковали его со всех сторон, его подданные поспешили покинуть его и объединились с захватчиками. У них больше не было сердца для диких империалистических проектов, к которым, почти не замечая этого, их подтолкнул Александр Македонский.

Антигон Гонатас никогда не знал соблазна Востока. Раннюю юность он провел в Афинах (294-290 гг. до н. э.), где недостойная связь с куртизанкой Демоной и удостоившая его чести близость с Зеноном, основателем стоа, свидетельствуют о широте его деятельности. Он получил свои шпоры в беотийских походах своего отца 292-291 гг. до н.э., и провел годы становления своей карьеры в качестве полководца и государственного деятеля в Греции (288-280 гг. до н.э.). Лишь однажды, в 280 году до н. э., когда его сильно подтолкнули, он показал, что в его жилах течет кровь Деметрия Полиоркета и Антигона I, а именно, когда он попытался захватить Малую Азию, тогда временно оставшуюся без хозяина. Обычно он вел себя как дитя Филы и наследник политики Кассандра и Антипатра. Именно в духе материнской линии он установил свое правительство в Македонии после изгнания кельтов в 277 году до нашей эры.

Его правление началось благоприятно. Завоевав - как, когда и какой ценой, мы не знаем - дружбу Египта, он получил возможность устраивать дела в Греции по своему вкусу. С другой стороны, его восшествие на престол сопровождалось женитьбой на Филе, его родной племяннице, сестре Антиоха I, нового царя Азии. Этот союз санкционировал соглашение, по которому Антигон отказался от своих притязаний на Малую Азию, а Антиох - от права на македонский престол, как сын Селевка. Это положило начало политике, благодаря которой Македон на восемьдесят лет (277-197 гг. до н. э.) обеспечил себе иммунитет от нападений или интриг со стороны Селевкидов. Дружба с Египтом была менее прочной, но она дала ему десять лет (277-267 гг. до н. э.) для укрепления власти - период спокойной деятельности, прерванный только возвращением Пирра из Италии и потрясающими волнениями в Македонии и Греции (274-272 гг. до н. э.), которые сопровождали энергичное отстаивание этим авантюрным монархом своего права на управление этими странами. Падение Пирра в битве при Аргосе сняло напряжение в этой ситуации, но до самой смерти, последовавшей

через тридцать два года, Антигону приходилось постоянно считать Эпир своим возможным врагом, когда тот еще не был его противником. На северной границе ему противостояли угрожающие дарданцы, а на северо-восточной - мародерствующие кельты, которые довели Фракию до состояния варварства, царившего во всей Центральной Европе. Сдерживая эти народы, он оказал большую услугу Греции, которую таким образом защитил; но за это он получил мало благодарности, и именно его сюзеренитет над Грецией принес ему и его преемникам большинство их многочисленных бед.

Как в отношениях с собственным народом он был верен традиционной политике македонских царей, так и в отношении греков он придерживался в целом старомодного плана - сделать их своими зависимыми союзниками. В якобы свободных и самоуправляющихся государствах он добивался преобладающего влияния, назначая отдельного человека своим представителем и делая его практически губернатором. Естественно, внутренние противники такого человека называли его тираном, и таковым, по сути, его положение заставляло его становиться, поскольку он не мог занимать свое место, не нарушая ни общественных, ни частных законов. Но внешняя видимость сохранялась, даже когда он призывал на помощь македонские войска, по старой практике, когда он и его приверженцы брали на себя ответственность за их приход.

Антигон Гонатас и, по крайней мере, некоторые из его правителей были учениками Зенона. Это означало, что если Александр Македонский, например, был вынужден отбросить то, что было наиболее характерно для политики Аристотеля, когда он отождествлял себя с человеком трансцендентной добродетели, которого, по мнению его учителя, следовало сделать абсолютным монархом, когда он был найден, то Антигон черпал из его философии обязательство позволить править никому, кроме мудреца. [Против мудрости идеального мудреца законы государств, которые он игнорировал или нарушал, были бесполезны, ибо, согласно его вероучению, они были противоестественны и, следовательно, нездоровы. Мудрец не мог совершить ничего плохого. В его действиях, поскольку он был сам себе законом, мораль торжествовала над законностью. Антигон Гонатас не желал искать оправдания своим поступкам, претендуя на прерогативы богов, хотя в пантеистической теории стоицизма ничто не мешало поклоняться ему, если люди хотели поклоняться ему, но у него не было юридической необходимости изображать из себя бога; если бы он это сделал, то вступил бы в конфликт с религиозным консерватизмом своей философии. Поэтому ему не составило труда отчитаться перед собственной совестью за то, что он установил "тиранов" в своих греческих владениях и практиковал или санкционировал беззаконие. Но он был слишком проницательным человеком, чтобы полагать, что, поскольку Зенон и он сам считали его поведение оправданным, он мог безнаказанно делать с македонцами или греками все, что ему заблагорассудится. Нельзя было ожидать, что они будут знать, что их правитель - стоический мудрец, который не может сделать ничего плохого, или что он будет делать поблажки в своем поведении из-за этого. Таким образом, хотя он мог оправдывать свою систему правления философскими соображениями, нет никаких доказательств того, что он не был щепетильным македонским царем и внимательным сюзереном Греции. И если бы его оставили одного решать проблемы эллинского управления без постороннего вмешательства, вероятно, его высокое чувство долга, мастерство и терпение обеспечили бы Греции долгий период мира.

Основателю первой Македонской империи Филиппу II в Греции противостояла Персия, но сопротивление, с которым он столкнулся благодаря дипломатии Артаксеркса Оха, было ничто по сравнению с трудностями, которые создали дяде Антигона Гонатаса, Кассандру,

обещания и армии его деда, Антигона I, или с препятствиями, которые ему самому пришлось встретить в интригах, деньгах и экспедициях Птолемея Филадельфа.

Ситуация, сложившаяся в первые десять лет его правления (277-267 гг. до н. э.), была создана не Антигоном, и не Филадельфом. Именно Птолемей I Сотер после окончательного *разрыва* с Деметрием Полиоркетом (287-286 гг. до н. э.) захватил морское господство, а вместе с ним и контроль над лигой островитян. Таким образом, между царством Филадельфа и царством Антигона была установлена длинная и, по сути, неопределенная граница. Владычество над морем Гонатаса, похоже, поначалу не волновало, и, действительно, большая война, которая разразилась в 266-265 гг. до н. э. между двумя монархами - так называемая Хремонидская война - была явно спровоцирована Египтом, а не им самим. Несмотря на то, что она была мертва уже четыре года, когда начался конфликт, его настоящим зачинщиком, несомненно, была Арсиноя, сестра-королева Филадельфа. Действуя в соответствии с ее политикой, Филадельф сначала заключил союз со спартанским царем Ареем I и его союзниками (Ахей, Элида, Мантиней, Флия и часть Крита) и с Афинами, а затем поддержал их в совместных усилиях, которые они решили предпринять для освобождения Греции от Антигона и его "тиранов". Какова была реальная цель "братьев-богов", можно только догадываться. В любом случае, все, чего они добились, - это дали Антигону пять лет упорной борьбы^[123], довершили разорение Афин и принудительное спокойствие Спарты.

Тем самым свершилось то, что давно готовилось: было свергнуто лидерство, которое города-государства с незапамятных времен удерживали в европейской Греции. Отныне значительные движения возникали не из городов, а из этносов. Македон сам по себе был этносом или, по крайней мере, группой этносов, и казалось, что его можно расширить, добавив к нему все остальные этносы полуострова. Сложность заключалась в том, что два других этноса, Итолия и Ахейя, первый в Центральной Греции, а второй в Пелопоннесе, имели схожие, хотя и менее масштабные амбиции; стремление Итолии приобрести территорию в Пелопоннесе и стремление Ахейи расшириться за счет Центральной Греции обычно приводили их в конфликт друг с другом; и хотя каждый из них по очереди (Итолия в 245-241 годах, Ахейя в 220-217 и 212-206 годах до н. э.) получал помощь от М. до н. э.) получала помощь Македона против другой, и обе объединились лишь однажды (238-229 гг. до н. э.) в войне против Македона, Ахейя до 224 г. до н. э. и Этолия до 200 г. до н. э. предлагали привлекательную альтернативу македонскому сюзеренитету для этнов и городов-государств, которые не могли стоять самостоятельно. Естественным желанием нового этноса, как и старых городов-государств, было, однако, быть независимым - чувство, которое полностью разделяли Этолия и Ахейя; и против этой мощной силы Антигону пришлось бороться, после Хремонидской войны не меньше, чем до нее.

Однако он так блестяще вышел из Хремонидской войны, что прошло десять лет, прежде чем его сюзеренитет снова был оспорен. Его самый грозный враг, Птолемей Филадельф, был тем временем поглощен опасными беспорядками в Ионии, вызванными восстанием Птолемея, его "сына", и Тимарха, его адмирала, на помощь которому пришли его бдительный враг, Антиох II, и его дерзкие морские соперники, родосцы^[124] (258 г. до н.э.); но когда эта вспышка была завершена миром 255 г. до н.э.,^[125] Антигон был вынужден ожидать возобновления своих бед в Греции. Поэтому он решил перестать быть наковальней и стать молотом. Это означало строительство флота, с помощью которого он должен был отобрать у Египта контроль над Эгейским морем, которым до 288-287 гг. до н. э. владели его отец и дед. Для достижения этой цели он возобновил союз с Сирией и заключил брак между своим сыном и наследником Деметрием и Стратоникой, сестрой Антиоха. Сделав это, он разыскал

адмиралов Птолемея в Леуколле близ Коса и разбил их в большом морском сражении (253 г. до н. э.). Сюзеренитет над лигой островитян был самым поразительным приобретением; но более существенным преимуществом было то, что с помощью своего флота он мог теперь предотвращать неприятности в Греции и разжигать их в царстве Птолемея. Последнего он добился, отправив своего сводного брата, Деметрия Справедливого, в Киринее и вырвав это царство, только что освободившееся после смерти Магаса (251-250 гг. до н. э.), из рук Египта. В первом случае ему не удалось добиться успеха. Ведь в 251 году до н. э. Аратус, несколько мелодраматичный герой Ахейской лиги, овладев своим родным городом Сикионом в результате государственного переворота, не только предпочел принять субсидию от Филадельфа, а не от себя, но и присоединил Сикион к соседнему этносу ахейцев. И почти сразу после этого Птолемей нанес второй удар, который сделал первым важным. В 250 году до н. э. Александр, племянник Антигона и главный лейтенант в Греции, подстрекаемый, несомненно, Египтом, поднял восстание и стал независимым монархом, имея в качестве основы для действий Коринф и Калхиду, которые он удерживал для своего дяди, и македонский флот, который был их военно-морской станцией. Он сразу же заключил союз с ахейцами и заставил Аргос и Афины платить ему дань (до 250-249 гг. до н. э.). Это восстание парализовало военно-морскую мощь Антигона. Несомненно, оно было спровоцировано неверностью Антиоха II Македону, так как этот монарх (теперь, в 249 году до н. э. или ранее) порвал с Антигоном и вступил в союз с Египтом, сохранив завоевания, сделанные во время войны, и получив в жены Беренику, единственную дочь Филадельфа, чья внутренняя ценность была дополнена огромным приданым. Этот низкий и, как оказалось, глупый поступок позволил Птолемею направить все свои силы на войну с Македонией. Флот Египта вновь овладел Эгейским морем и восстановил контроль над лигой островов (249 г. до н. э.). Одновременно проегипетская партия в Киринее убила справедливого Деметрия и, выдав свою юную царицу Беренику замуж за наследника Филадельфа, добилась воссоединения двух царств, которые были разлучены после восстания отца Береники, Магаса, в 274 году до н. э. Триумф Птолемея был полным, и когда его дочь быстро родила своему селевкидскому мужу сына, который по условиям брака должен был стать его наследником, будущее Птолемеев казалось поистине светлым.

Между 250 и 245 гг. до н. э. удача Гонатаса была на низком уровне. Он, очевидно, сгинул перед бурей, не в силах противостоять Александру и Арату в Греции и адмиралам Филадельфа в Эгейском море. Помощь пришла к нему из неожиданного источника - возобновления войны между Египтом и Азией, когда после смерти Антиоха II его сестра-жена Лаодикия выступила против египетской царицы и ее младенца от имени своего сына Селевка Каллиника. Благодаря безвременной смерти Филадельфа и несмотря на вмешательство египетского флота, ей удалось добиться смерти своих соперников; [127] после чего новый Птолемей, Эвргет, лично вышел на поле боя и предпринял общее нападение с суши и моря на нее и ее приверженцев. Этот трагический инцидент стал одним из немногих счастливых случаев, произошедших с Антигоном. Другой случай - преждевременная смерть его племянника Александра (246 г. до н. э.), за которой последовало завоевание Этолией Беотии, и решение вдовы Александра Никеи отдать Коринф и остатки своего царства Македону; по договоренности она должна была занять место бесплодной и дискредитированной Стратоники в качестве жены наследного принца Деметрия. В 245-244 гг. до н. э. баланс в Азии резко склонился в пользу Лаодикии, и в это же время Антигон, при поддержке своего бога-покровителя Пана, вернул Делос и острова. Вернув себе то, чего стоило ему восстание Александра, и рассчитавшись с Египтом, Антигон теперь должен был в одиночку разбираться с Аратусом Сикионским. Однако ахейцы оказались слишком проворны для него. Ночным нападением в мирное время он вероломно захватил Коринф (243 г. до н. э.) и сразу же присоединил его вместе с Мегарой, Эпидавром и Трезеном к ахейской

лиге. В ответ на этот дерзкий переворот Антигон заключил договор со своими старыми друзьями этолийцами о разделе ахейской территории между ними, после чего Аратус, как единственный выход из столь опасной ситуации, возложил ответственность на самого себя, избрав Птолемея Эвргета генералом ахейской лиги на суше и на море на 242 г. до н.э. Эвргет довел Лаодикийскую войну до точки, где был возможен выгодный мир, победой над Каллиником в этот критический год; но его попытка помочь Арату, который пытался "освободить" Афины, пока его "командир" сражался с Гонатом в Эгейском море, была сорвана поражением, которое потерпел его адмирал Софрон от рук ветерана Антигона у острова Андрос. Македон по-прежнему удерживал Эгейское море. Тем временем его союзники - этолийцы, уже опасно усиленные оккупацией Беотии, одержали победу над Олимпией, царицей-регентшей Эпира, в нескольких сражениях и были готовы присоединить к своей лиге всю Акарнанию. Антигон решил, что настало время объявить перерыв. Эвргет и Каллиник были того же мнения. Таким образом, долгая война была завершена в 242-241 гг. до н. э. всеобщим миром, заключенным на основе *uti possidetis*. Антигон удерживал Аргос, Гермину, Флию, Гигину, Мегалополь и Орхомен в Пелопоннесе, в Средней Греции - только Афины, а в Эгейском море - Эвбею и Киклады, а также, по-видимому, Лемнос, Имброс и Сцирос, колонии Афин. Фессалия, конечно же, принадлежала ему. Его гарнизоны стояли в Деметрии, Халкисе и Пирее. Из "оков" Греции только Коринф был вне его власти. В 240-239 гг. до н. э. он умер в возрасте восьмидесяти лет, пробыв царем сорок семь лет, из них десять лет - в Македонии.

Я в общих чертах описал карьеру Антигона Гоната главным образом потому, что только недавно стало возможным придать рассказу об этом замечательном человеке хоть какую-то хронологическую точность.^[128] Однако его правление заслуживает подробного рассмотрения из-за положения, которое оно занимает в одной из кульминационных точек греческого империализма, единственной равной по значимости точкой является та, в которой Александр Македонский ввел обожествление правителей. Приведенные выше данные, как мне кажется, ясно показывают, что могущества Македонии не хватало, чтобы удержать Грецию в подчинении на принципах, которых придерживался Антигон Гонатас, и вопреки противодействию Египта. Даже после окончательного триумфа в 242-241 гг. до н. э. египетские гарнизоны остались во Фракии, на Геллеспонте, в Ионии и на островах в Эгейском море, таких как Тера и Астипалея, Самос и Лесбос, Тасос и Самофракия. Ахейцы оставили за собой Коринф и Мегару, Эпидавр и Трезен, а также Сикион и, по крайней мере, плацдарм в Аркадии. Итолия получила в свое распоряжение часть Акарнании, Долопию, Энианию, Малис, Дорис, Локрис, Фокис и тесный союз с Беотией. Гераклея в Фермопилах и Дельфы с их Амфикифонийским советом были эйтолийскими. Поэтому, когда новый царь Македонии Деметрий II женился на дочери Олимпии Фтии и взял под свою защиту Эпироту Акарнанию (240-239 гг. до н.э.), а сдерживаемая таким образом Итолия заключила оборонительный и наступательный союз с Ахейей, территории двух лиг, объединенных теперь в противостоянии с Македонией, встретились и полностью закрыли Коринфский залив. Одна из них окрепла вопреки Антигону, а другая - при его попустительстве. Он был вынужден предоставить Этолии свободу действий из-за необходимости ее помощи против Египта, Эпира и Ахейи. Теперь политика Эпира была подчинена политике Македона, как это было до восшествия Пирра на престол в 295 году до н. э., но две лиги смогли вести честную борьбу с двумя монархиями, и в 238 году до н. э. они бросили вызов Македону, теперь уже при поддержке Эпира, не имея в качестве союзника Египет. О провале греческой политики Антигона Гоната можно судить по тому, что двадцатью семью годами ранее Афины и Спарта

осмелились сделать то же самое, но только тогда, когда на их стороне сражались Египет и, вероятно, Эпир.

Главная причина столь разительного отличия заключается в том, что за это время ахейцы, следуя примеру этолийцев, ожили и сбросили свой этнический кокон. Они уже давно были *койноном*, или лигой, но до 251 г. до н. э. их лига, как и лига Беотии до 387 г. до н. э., как и лига этолийцев до захвата Дельф в 292 г. до н. э., была строго ограничена рамками своего этноса. Этолийцы расширили свою территорию под эгидой дельфийской амфикионии. Ахейцы не имели таких благоприятных обстоятельств. В их случае расширение за счет присоединения "чужих" народов было политикой и достижением гражданина первого поглощенного "чужого" города, Арата из Сикиона, который видел больше возможностей для власти в качестве главы соседней лиги, чем в качестве "тирана" своего родного государства, занимая пост, как жрец в Неми, пока не был убит или пока не потерял доверие Антигона. По его инициативе ахейская лига была перенесена на территорию "чужеземца", однако необходимым условием для такого развития событий было то, что этнические узы между ахейскими городами были отменены и заменены федеративными узами. Упорная теория о том, что общее гражданство предполагает общность происхождения, была отброшена. Отказ от нее открыл перед лигой возможности для роста, которыми никогда не обладали ни города-государства, ни этнические государства. Этой возможностью в меру своих сил воспользовались этолийцы и ахейцы.

Более того, они были достаточно мудры, чтобы понять, что городские институты не только необходимы для современной политики, поэтому этолийцы при создании своей лиги в 322-314 гг. до н. э. отказались от трех древних племен и многочисленных деревень и организовали вместо них десяток-другой городов[129], но и что их федеративная система должна признать и принять существовавшие до этого города-государства в качестве своих единиц. Этого, как мы видели[130], не было сделано ни в Беотии, ни в Эллинской лиге, организованной Филиппом II, в каждой из которых федеральный синод, построенный на идее представительства по численности населения, сделал единицами округа, а не города; таким образом, небольшие города чувствовали себя дискриминированными и были склонны восставать против объединения в клуб. Насколько равенство городов преобладало среди ахейцев, с уверенностью сказать невозможно: нам просто сообщают, что голосование там происходило по городам. Но мы, я думаю, можем сделать вывод, что использовался принцип "один город - один голос". Ведь вряд ли старые ахейские города, приняв Сикион, Коринф, Мегалополь и Аргос, сознательно подвергали себя судьбе маленьких озерных городов в Беотии, предоставляя этим крупным "чужим" городам право голоса пропорционально их населению. Я считаю, что этот вывод справедлив как для ахейского представительного собрания, или синода, состоявшего, по-видимому, из последовательных фракций граждан входящих в него городов,[131] так и для ахейского первичного собрания, или *синклета*, в котором могли участвовать все граждане старше тридцати лет. По-видимому, это относится и к двум эйтолийским собраниям, обычному и чрезвычайному, которые оба были первичными[132], но не к эйтолийскому совету, состоявшему из делегатов, распределенных по городам в соответствии с их размерами. Ахейская и Итолийская лиги в этом отношении представляют собой реакцию на ранние лиги. Они надеялись превратить центробежную силу в центростремительную, основывая свои федерации непосредственно на городах-государствах.

До определенного момента они могли это делать, тем более что у каждого этноса не было города-государства, обладавшего выдающейся политической и экономической мощью. Равенство городов-государств не вступало в вопиющее противоречие с реальностью ни в

Ахейе, ни в Итолии. Поэтому принцип, согласно которому каждый город-государство, независимо от силы в аристотелевском понимании, должен иметь один голос в федеральном собрании и равный голос при выборе федерального кабинета (*demiurgi; apocleti*) и федеральной исполнительной власти (*strategus, hipparch, secretary of state, treasurer or treasurers*), казался справедливым. В Беотии и Элладе в прежние времена лиги были созданы благодаря превосходству Фив и Македона соответственно; и эти столичные государства позаботились о том, чтобы первоначальное лидерство сохранилось благодаря институтам лиг. Ахейская и Итолийская лиги, с другой стороны, были отчасти, несомненно, результатом компромисса между составными частями, но в основном - следствием иностранного давления. Федеративное движение было основано не столько на деятельности какого-то одного города, сколько на общей необходимости. Поэтому столицей Ахейской лиги стал Егиум, а столицей Этолийской лиги - Термон - нейтральные места встреч, такие как Вашингтон, Оттава и Канберра. Это было нечто новое в летописи греческих лиг.

Творческая сила внешней политики проявляется и в других особенностях этих эллинистических лиг. В те дни исполнительной эффективности было почти неизбежно, что государства должны быть организованы монархически. Поэтому, если в Беотийской лиге было одиннадцать бётархов, а в Акарнании начала III века - семь полководцев, то во главе этолийцев с момента основания их лиги и ахейцев после 255 года до н. э. стоял один полководец, что обеспечивало единство действий, невозможное в других случаях, отсутствие которого, хотя и незначительное, возможно, во внутренних делах, было невыгодно во внешних. Это была необходимая уступка монархическому веку, которая, однако, была сделана неохотно и с важной оговоркой, которая лишила сыворотку ее зловредности: должность полководца мог занимать один и тот же человек только каждый год попеременно. В один год он мог быть некоронованным королем Лиги, в другой - частным лицом.

Еще в одном отношении недоверие к монархии и отвращение к "тирании", на которой Антигон Гонатас основывал свою греческую империю, нашли свое отражение в институтах ахейцев. Управление городом тираном и членство в лиге считались несовместимыми друг с другом. Это, несомненно, было требованием федеральных законов, которые, состоящие из договоров, заключенных между первоначальными городами в 275 году до н. э. и при принятии новых городов впоследствии, клятв, которыми эти договоры были скреплены, и общих постановлений, принимаемых время от времени специальным законодательным процессом, связывали граждан отдельных городов не меньше, чем местные законы, которые они сами принимали. В остальном города-государства были вольны принимать любую форму правления по своему усмотрению. Лига не отстаивала ни демократию, ни олигархию, хотя ее деятельность благоприятствовала зажиточным классам. В крайнем случае, она требовала определенного единообразия в местном управлении, и ее общее отношение к этому прекрасно символизируют ее денежные соглашения, в которых стандарт определялся федеральной властью, а монеты выпускались входящими в нее городами[133].

Сами конституции Ахейской и Этолийской лиг свидетельствуют о важности той роли, которую сыграла греческая политика Антигона Гоната в создании этих опасных противников его самого и его страны. Правда, его сын, Деметрий II, сражался с ними до победного конца, отвоевал у Итолии значительную часть ее приобретений и мог бы силой распустить обе лиги, если бы Эпир не покинул его и не перешел на их сторону; если бы иллирийские пираты, которых он напустил на этого нового врага, не спровоцировали римлян на переход через Адриатику; если бы дарданцы не двинулись на Македон, победили и убили его в битве.

Однако подобные "не было" относились к числу постоянных возможностей, и осложнения такого рода постоянно возникали в борьбе Македонского за гегемонию в Греции. В данном случае их исход был настолько катастрофичен для Македона, что казалось, час двух лиг настал.

Но то, что должно было стать их триумфом, оказалось их гибелью. За крушение их надежд Полибий,^[134] разделяющий мнение Арата, возлагает ответственность на эйтолийцев, и, вероятно, в основном он был прав. Ведь именно в этот критический момент, когда ахейцы оказались лицом к лицу с самой серьезной проблемой, которую представляла их федеративная система, а именно с нежеланием таких государств, как Спарта и Афины, которые были заметно сильнее, чем обычные ахейские города, принять простое равенство с ними, эйтолийцы не только оставили их в беде и заключили выгодный для себя мир с Антигоном Досоном, но, уступив Спарте свои аркадские города (Тегею, Мантинею, Орхомен и Кафию), дали возможность Клеомену, молодому спартанскому монарху, сплотить вокруг себя всю пелопоннесскую оппозицию ахейцам и предпринять блестящую попытку вновь установить спартанскую гегемонию на полуострове. Согласно другой точке зрения, падение Ахейской лиги, которая, спасаясь от Клеомена, бросилась в объятия Антигона Досона, произошло благодаря вмешательству Птолемея III, который поддерживал Спарту, Афины и Итолию своей дружбой и деньгами^[135] и был бы рад, если бы Ахейя была ликвидирована, чтобы Греция могла выступить единым фронтом перед Антигоном Досоном. В любом случае именно Антигон Досон получил выгоду, и маловероятно, что она была полностью незаслуженной. То, на что он был способен, он уже продемонстрировал, с радостью присоединившись к международной гарантии нейтралитета Афин, которая лишила Аратуса этого избранного приза. Он явно не был простым человеком, и если бы он не умер преждевременной смертью вскоре после великой победы над Клеоменом при Селласии (222 г. до н. э.), он, вероятно, был бы гораздо более известен в истории. Его энергичное и тактичное поведение в этом кризисе резко контрастирует с безвольным отступлением Египта, единственным оправданием которого была скорая кончина Эвргета и угрожающая позиция Антиоха Великого. Нельзя отрицать, что Антигон Досон умело использовал все свои возможности.

Его решение эллинских дел характеризовалось возрождением всеобщего синода, учрежденного великим Филиппом.^[136] Представители эллинских государств собрались официальном собрании в Коринфе (224 г. до н. э.) и избрали царя Македонии своим гегемоном. Впоследствии синод должен был собираться в то время и в том месте, которое назначит его глава. Простое перечисление государств, которые приняли это решение, рассказывает о конституционном развитии Эллады в македонскую эпоху. Это были Македон, Фессалия, Эпир, Акарнания, Локрис, Фокис, Беотия, Эвбея, Ахейя и, вероятно, острова. Первая из них была царством,^[137] а все остальные - лигами. Города-государства, которые были всем в синоде Филиппа, исчезли, поглощенные федерациями. Имела ли теперь каждая из единиц равное число голосов или, как во времена Филиппа, пропорциональное ее размеру, мы не знаем, хотя второй вариант более вероятен. В обоих случаях македонские депутаты принимали участие в заседаниях синода и выступали в качестве глав македонских интересов. Вместе с депутатами от Фессалии и других подчиненных государств они, вероятно, составляли большинство в синоде. В лице Филиппа II и Антигона Досона Македония имела, таким образом, одновременно и гегемона, и царя. В возрожденной Эллинской лиге мы не слышим ничего, сравнимого с Комитетом общественной безопасности старой; но ничего подобного теперь и не требовалось, поскольку генералы входящих в нее лиг были естественными представителями этих органов, когда синод не заседал. Таким образом, в схеме Антигона Досона им было отведено место .

Республиканская реакция против политики Антигона Гонатаса отнюдь не исчерпала своей силы. Об этом свидетельствует та серьезность, с которой с ней теперь считался Антигон Досон. Он не мог игнорировать устоявшуюся практику собраний лиги решать все важные вопросы внешней политики. Поэтому его синод отличается от синода Филиппа II, в частности, тем, что его действия по объявлению войны, заключению мира и другим подобным вопросам подлежали ратификации властями лиги и, как представляется, были обязательны только для тех из них, кто их ратифицировал.^[138] Его синод, другими словами, стоял перед собраниями лиги, как ахейский синод перед ахейским *синклетом*. Естественно, конфедераты не могли по своему желанию выйти из гегемонии, а тем более присоединиться к ее врагам; так что отказ лиги принять решение синода об объявлении войны означал лишь то, что она занимала нейтральную позицию. Во времена Филиппа каждый город должен был ежедневно платить штраф в размере тридцати драхм за каждого всадника, двадцати драхм за каждого гоплита, десяти драхм за каждого легковооруженного солдата и семи или восьми драхм за каждого моряка, отсутствовавшего в должным образом санкционированной экспедиции^[139]. Они отказались от свободы воевать друг с другом и от права заключать союзы с внешними государствами; но они не отдали свою дипломатию полностью в руки гегемона, хотя и согласились не вступать в переговоры ни с одним внешним королем.^[140] Они не давали своему гегемону никакого права вмешиваться в их местные дела.^[141]

Таковы были щедрые уступки местным настроениям, с помощью которых Антигон Досон пытался поставить гегемонию македонских царей в Элладе на надежную основу. Никогда еще в истории народа завоеватель не использовал свою власть столь благородно. Антигон Досон зашел так далеко в примирении с греческими государствами, что если бы он вывел македонские войска из Деметрии, Халкиса и Коринфа - трех оков Эллады, - присоединил новые завоевания, такие как Орхомен, Спарта и Мессена, к составляющим лигам, а не к центральной организации, и обладал меньшим личным престижем, то трудно представить, как Эллинская лига могла бы быть приведена в действие. Вероятно, все, в чем он хотел быть абсолютно уверен, - это нейтралитет конфедератов, которые не поддерживали его на поле боя.

Во всяком случае, это было все, чего смог добиться его преемник Филипп V, когда в 220 году до н. э. он заставил эллинский синод принять повторный вызов на войну, брошенный ему этолийцами, которые, воспользовавшись восшествием на македонский престол молодого и неопытного царя, покусились на его гегемонию в Греции, пока она была еще шаткой. Если бы Досон дожил до начала Социальной войны (220-217 гг. до н. э.), он мог бы сокрушить этолийцев численным превосходством и завершить объединение Эллады. Филипп V сражался храбро и умело и завоевал уважение как друзей, так и врагов; но не успела борьба завершиться окончательно, как кампания между Ганнибалом и римлянами достигла такой остроты, что гегемон Эллады не смел больше ею пренебрегать.

"Пусть Греция, - сказал Агелай из Наупакта на последовавшей за этим мирной конференции^[142], - будет единой; пусть ни одно греческое государство не воюет с другим; пусть они благодарят богов, если смогут жить в мире и согласии, если, как люди при переправе через реки хватают друг друга за руки, так и они смогут держаться вместе и спасти себя и свои города от нашествия варваров. Если слишком много надежд на то, что так будет всегда, то пусть так будет хотя бы сейчас; пусть греки, по крайней мере сейчас, объединятся и будут начеку, видя огромность армий и величие борьбы, идущей на Западе. Ни один человек, который смотрит на положение вещей с обычным вниманием, не может сомневаться в том, что грядет. Завоюет ли Рим Карфаген или Карфаген завоюет Рим, победитель не будет довольствоваться господством греков в Италии и Сицилии; он

распространит свои планы и свои войны гораздо дальше, чем это соответствует нам и нашему благосостоянию. Пусть вся Греция будет начеку, и Филипп прежде всего. Твоя самая верная защита, о царь, - продолжал он, - будет заключаться в образе вождя и защитника греков. Не разрушай греческие города, не ослабляй их, пока они не станут добычей любого захватчика. Лучше следите за Грецией, как за своим собственным телом; охраняйте интересы всех ее членов, как вы охраняете интересы того, что принадлежит вам. Если вы будете следовать этому курсу, вы завоюете добрую волю Греции; каждый грек будет связан с вами как друг и как надежный сторонник во всех ваших начинаниях; иностранные державы будут видеть доверие, которое весь народ питает к вам, и будут бояться нападать на вас или на них. Если вы хотите завоеваний и военной славы, вас приглашает другое поле. Обратите свой взор на Запад; посмотрите на войну, бушующую в Италии; в этой войне вы легко можете, благодаря умелой политике, стать арбитром; вовремя нанесенный удар может сделать вас хозяином обеих враждующих держав. Если вы лелеете такие надежды, то для их осуществления нет более подходящего времени, чем настоящее. Что же касается споров и войн с греками, то отложите их до какого-нибудь досуга; пусть вашей главной целью будет сохранить в своих руках право заключать с ними войну и мир, когда вам заблагорассудится. Если однажды тучи, которые собираются на Западе, продвинутся и распространятся на Грецию и соседние земли, то возникнет опасность, что все наши перемирия и войны, все детские игры, которыми мы сейчас занимаемся, внезапно прервутся. Тогда мы сможем тщетно молить богов о том, чтобы они дали нам возможность заключать войну и мир друг с другом, а также самостоятельно решать любые вопросы, которые могут возникнуть между нами".

Оратор был прав, и Филипп последовал его совету. Но когда он вступил в союз с Римом, именно соотечественники оратора, этолийцы, напав на Македон с тыла, внесли наибольший вклад в страшное продолжение: после 212 года до н. э. греки никогда не имели возможности самостоятельно решать возникающие между ними вопросы. Во время Социальной войны Македон упустил свой последний шанс создать единое государство в европейской Элладе.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Droysen, J.G. *Geschichte des Hellenismus*,² III: *Geschichte der Epigonen* (1877).
2. Фримен, Э. *История федерального правительства в Греции и Италии* ⁽²⁾ (1893). Ed. by J.B. Bury.
3. Niese, B. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten*. Особенно т. II (1899).
4. Beloch, J. *Griechische Geschichte*, III (1904).
5. Kärst, J. *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, II, I (1909).
6. Ferguson, W.S. *Hellenistic Athens* (1911).
7. Pozzi, Emilio. *Le Battaglie di Cos e di Andro e la Politica marittima di Antigono Gonata*. In *Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino*: serie II, tom. LXIII (1912).
8. Tarn, W.W. *Antigonos Gonatas* (1913).

FOOTNOTES:

[116] Tarn, W.W., *Journal of Hellenic Studies*, XXIX (1909), pp. 269 f.; Beloch, *Griechische Geschichte*, III, 1, pp. 386 f.; *Hellenistic Athens*, p. 190.

[117] Mahaffy, *The Progress of Hellenism in Alexander's Empire* (1905), p. 32.

[118] Wilamowitz-Moellendorff, Ulrich von, *Staat und Gesellschaft der Griechen: D. Die makedonischen Königreiche*, pp. 139 ff.

[119] Об их возрождении эллинской лиги, в которой Македон составлял лишь одну единицу, см. Klotzsch, *Epirotische Geschichte*, p. 130, n. 1, и *Hellenistic Athens*, pp. 121 f.

[120] О дате см. Mayer, *Philologus*, LXXI (1912), p. 227.

[121] *Hellenistic Athens*, p. 148.

[122] Wilamowitz-Moellendorff, *Antigonos von Karystos*, p. 218; Käst, *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, II, 1, pp. 121, 125. Тарн (*Antigonos Gonatas*, pp. 276 ff.) основывает систему тиранов Антигона на целесообразности, а не на философии.

[123] О мире между Египтом и Македонией, заключенном в 261 г. до н. э., см. *Inscriptiones Græcæ*, XI, 2, 114.

[124] Вражда Родоса и Филадельфии доказана в книге Блинкенберга *La chronique du temple Lindien*. Соответственно, вероятно, что поражение Хремонидов от Агатострата в Эфесе относится к этой борьбе, хотя кое-что можно сказать и о 242 г. до н. э. См. *Hellenistic Athens*, p. 197, n. 2.

[125] Об этом мире см. *Inscriptiones Græcæ*, XI, 2, 116. Его действие ощутимо в Афинах (*Hellenistic Athens*, p. 191) и в Ахейе (*Ibid.*, n. 1).

[126] Тарн (*Antigonos Gonatas*, pp. 321 ff., 449 ff.) считает, что Деметрий был убит в 258 г. до н.э., а Береника вышла замуж за Эвргета в 247-246 гг. до н.э. Эта позиция, которую оспаривает Белох (*Griech. Gesch.*, III, 2, pp. 133 ff.), оставляет необъяснимой чрезвычайную задержку в браке молодой пары и в воссоединении двух царств.

[127] De Sanctis, *Contributi alla Storia dell' Impero Seleucidico (Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino*, XLVII, pp. 11 ff.).

[128] Приведенный в тексте рассказ отличается от того, который был дан в *эллинистических Афинах*, главным образом потому, что (под руководством Дюррбаха, *Inscriptiones Græcæ*, XI, 2, pp. vi f. и Поцци, *op. cit.* в Избранной библиографии в конце главы) я теперь возвращаюсь к Делийской хронологии Гомолла. Она лишь в нескольких деталях отличается от той, которую приводит Поцци. Великолепная биография Тарна (*Антигон Гонатас*) попала ко мне только тогда, когда эта глава уже была напечатана. Полные данные, которые она содержит, хорошо согласуются, как мне кажется, с приведенной выше конструкцией.

[129] Swoboda, *Die ätolische Komenverfassung (Wiener Studien*, XXXIV, 1912, pp. 37 ff.).

[130] Выше, глава I.

[131] De Sanctis, *Rivista di Filol.* XXXVI (1908), pp. 252 ff.

[132] Swoboda, *Studien zu den griechischen Bünden*, I (*Klio*, XI, 1911, pp. 456 ff.).

[133] Swoboda, *Studien zu den griechischen Bünden*, II. *Die Städte im achäischen Bünde* (Klio, XII, 1912, pp. 17 ff.).

[134] II, 45.

[135] *Hellenistic Athens*, pp. 240 f.

[136] Freeman, *History of Federal Government*, pp. 379 ff.

[137] И, по всей вероятности, также лига. Tarn, *Antigonus Gonatas*, p. 54. n. 36.

[138] Polybius, IV, 26.

[139] Wilhelm, *Attische Urkunden*, I, p. 36.

[140] Plut., *Aratus*, 45.

[141] Polybius, IV, 24.

[142] Polybius, V. 104. (Перевод Фримена, *История федерального правительства*, стр. 435 f.)

КОНЕЦ